

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

37 2026
ЧАСТЬ II

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 37 (640) / 2026

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Гюстав Эйфель* (1832–1923), французский инженер-строитель.

Гюстав Эйфель родился во французском департаменте Кот-д'Ор. Отец его, Александр Эйфель, был потомком Жана-Рене Бёникхаузена, эмигранта из германского селения Мармаген под Кельном, переселившегося в Париж в начале XVIII века. Фамилию Eiffel семья приняла в напоминание о родных горах Eifel (нем. Айфель). Хотя члены семьи пользовались фамилией Эйфель, Гюстав был зарегистрирован под фамилией Бёникхаузен и официально не менял ее до 1880 года.

Гюстав учился в Королевском лицее в Дижоне, но учебная тяготила его вплоть до старших классов. Потом он взялся за занятия под влиянием учителей истории и литературы и успешно сдал экзамены на звание бакалавра по естественным и гуманитарным наукам.

Важную роль в обучении мальчика играл его дядя Жан-Батист Моллерат, владелец крупного химического завода близ Дижона, автор метода перегонки уксуса, и один из дядиных друзей, химик Мишель Перре. Вдвоем они обучили его всему: от химии и горного дела до богословия и философии.

Для последующей учебы Гюстав уехал в Париж, где поступил в Коллеж Сен-Барб, по окончании которого хотел поступить в Политехническую школу, но преподаватели сочли его результаты недостаточными, и он был зачислен в Центральную школу искусств и мануфактур. На втором курсе он решил стать специалистом по химии и в 1855 году окончил учебу.

До строительства Эйфелевой башни инженер был известен своими импозантными стальными конструкциями мостов (в частности, моста Марии Пии через Дуэро в Порту в Португалии и железнодорожного моста длиной 500 метров в Бордо) и вокзалов в Будапеште. Он спроектировал железнодорожный виадук де Гараби в южной Франции, который вознесся над долиной на высоте 122 метров и был в свое время самым высоким в мире. Эйфель также принимал участие в строительстве железного каркаса для нью-йоркской статуи Свободы и в конкурсе на возведение Троицкого моста в Петербурге.

Эйфель был инженером Панамского общества и поставщиком машин для него, изготовлявшихся на его машиностроительном заводе в Леваллуа-Перре (близ Парижа). Разоблачения, касавшиеся Панамского общества, коснулись и Эйфеля: его обвиняли в получении от Панамского общества 19 млн франков за фиктивные работы. Преданный суду в 1893 году вместе с отцом и сыном Лессепсами и другими причастными к делу лицами, Эйфель был приговорен к двум годам тюрьмы и 20 000 франков штрафа, но кассационный суд отменил приговор за истечением срока уголовной давности.

Гюстав Эйфель разработал и воплотил в жизнь идею вращающегося купола обсерватории в Ницце, который, несмотря на вес в 100 тонн, легко приводится в движение одним человеком; усовершенствовал систему подвижных мостов и т. д.

Прославившая инженера на весь мир Эйфелева башня была воздвигнута на Марсовом поле, напротив Йенского моста; по высоте (324 м) она почти в два раза выше самых высоких сооружений того времени (пирамида Хеопса — 137 м, Кёльнский собор — 156 м, Ульмский собор — 161 м и др.). Вся башня сделана из железа и состоит из трех ярусов.

Сооружение Эйфелевой башни продолжалось 26 месяцев, с 28 января 1887 года до 31 марта 1889 года и обошлось налогоплательщикам в 6,5 млн франков. За шесть месяцев работы выставки посмотреть «железную леди» пришло более двух миллионов посетителей. Сооружение имело такой успех, что к концу 1889 года удалось возместить три четверти всех затрат на строительство. Однако творческая интеллигенция Парижа и Франции была возмущена дерзким проектом Эйфеля — с самого начала строительства, посылая в мэрию Парижа требования прекратить постройку башни. Писатели и художники опасались, что металлическая конструкция будет подавлять архитектуру города, нарушать неповторимый стиль столицы, складывавшийся на протяжении веков.

Известно, что в 1887 году три сотни писателей и художников (среди них Александр Дюма-сын, Ги де Мопассан и композитор Шарль Гуно) направили протест в адрес муниципалитета, характеризуя конструкцию как «бесплезную и чудовищную», как «смехотворную башню, доминирующую над Парижем, как гигантская фабричная дымовая труба».

Существует исторический анекдот, что некий писатель регулярно обедал в ресторане на первом уровне башни. На вопрос, зачем он это делает, если башня ему не по душе, писатель отвечал: «Это единственное место во всем огромном Париже, откуда ее не видно».

В 1889 году, когда строительство башни было закончено, Эйфель обустроил себе квартиру на третьем ярусе башни, на высоте больше 300 м. В ней он, по-видимому, никогда не ночевал, а лишь принимал некоторых «престижных» гостей (в частности, Томаса Эдисона).

Во время немецкой оккупации привод лифта башни был специально поврежден прямо перед самым приездом Гитлера в 1940 году. Посещая Париж, Гитлер так и не смог попасть наверх. Уже через несколько часов после освобождения Парижа привод лифта вновь заработал.

Летом 1944 года в ходе боев за столицу Франции американский летчик Уильям Оверстрит, пилотируя истребитель «Мустанг», пролетел под арками Эйфелевой башни и сбил немецкий Messerschmitt Bf 109.

Сам Гюстав Эйфель скончался 27 декабря 1923 года в возрасте 91 года в собственном особняке на улице Рабле и был похоронен в семейном склепе на кладбище Леваллуа-Перре.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Багадиров Р. А.

Анализ правового регулирования
дополнительного профессионального
образования судей в Российской Федерации:
проблемы и пути решения63

Балабан А. И.

Государственная регистрация субъектов
предпринимательской деятельности в РФ66

Барчо М. И.

Автоматизация и компьютеризация судебно-
экспертной деятельности как элемент
современных экспертных технологий68

Васильев И. И.

Совершенствование административно-
правовых мер предупреждения коррупции
на государственной гражданской службе70

Веселова А. Г.

Анализ статистических данных
о совершенных нарушениях режима
пребывания иностранных лиц и лиц
без гражданства на территории
Российской Федерации за 2024 год73

Гнатышина С. Д.

Ограничение свободы как вид наказания
в уголовном праве России75

Гнатышина С. Д.

Соотношение ограничения свободы,
условного осуждения и административного
надзора78

Грищенко М. Ю.

Понятие и правовые основы договорных
отношений при реализации сложных
ИТ-проектов81

Ермолаев К. Ю.

Классификация угроз правового
обеспечения информационной безопасности
несовершеннолетних83

Жилина Е. С.

Доведение до самоубийства
несовершеннолетнего лица
путем жестокого обращения86

Кирпичев Н. А.

Обман как способ мошенничества88

Курьянов А. В.

Уголовная ответственность управляющей
организации в российской федерации:
проблемы правоприменения и направления
реформирования законодательства91

Магасумов И. З.

Банкротство гражданина. Судебная
и внесудебная процедуры95

Пиценко Т. А.

Идеологическое многообразие как основа
конституционного строя Российской
Федерации97

Селиванова Д. А.

Правовой статус судьи в отставке:
современные проблемы и перспективы99

Сикорская Е. В.

Проблемы и перспективы предмета
доказывания при рассмотрении дел
о применении принудительных мер
медицинского характера102

Скиданюк М. С.

Проблемы и перспективы правового
регулирования цифровизации нотариата
в России103

Слобин И. Г.

Проблемы правовой квалификации намаза ...106

Смолькова А. Н.

Конституционные ценности
в информационном обществе:
конституционно-правовой аспект
(по запросу руководителя аппарата
Уполномоченного по правам человека
в Саратовской области)109

Степчук Т. Д.

Примирительные процедуры в гражданском
процессе России и зарубежных стран112

Столярик П. Е.

Порядок признания наследника недостойным
и отстранения его от наследования114

Страхова С. А.

Понятие и природа латентной преступности
в Российской Федерации..... 116

Тарасова Д. А.

Корпоративный конфликт интересов
и фидуциарные обязанности директора 118

Тарасова Д. А.

Квалификация цепочки договоров
в качестве единой крупной сделки 120

ПОЛИТОЛОГИЯ**Адамян А. А.**

Органы исполнительной власти как
субъекты отраслевой политики: проблема
межведомственной координации 122

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Анализ правового регулирования дополнительного профессионального образования судей в Российской Федерации: проблемы и пути решения

Багадиров Руслан Алиевич, аспирант
Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева (г. Москва)

Статья посвящена комплексному анализу правового регулирования дополнительного профессионального образования судей в Российской Федерации. Исследуются ключевые проблемы в законодательстве о судьях и перспективе их разрешения. На основе выявленных проблем формулируются рекомендации по совершенствованию нормативной базы с тем, чтобы повысить компетентность и юридическую грамотность судей, тем самым обеспечить качественное отправление правосудия и достижение справедливости в каждом конкретном случае.

Ключевые слова: дополнительное профессиональное образование, интеграция, законодательство, судьи, правовое регулирование

Analysis of the legal regulation of additional professional education of judges in the Russian Federation: problems and solutions

Bagadirov Ruslan, graduate student
Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev (Moscow)

The article is devoted to a comprehensive analysis of the legal regulation of additional professional education for judges in the Russian Federation. It examines the key problems in the legislation on judges and the prospects for their resolution. Based on the identified problems, recommendations are formulated for improving the regulatory framework, which can enhance the competence and legal literacy of judges, thereby ensuring the quality of justice and fairness in each individual case.

Keywords: additional professional education, integration, legislation, judges, legal regulation

Система дополнительного профессионального образования судей в Российской Федерации представляет собой сложную совокупность нормативных правовых актов, подзаконных документов и институциональных механизмов, направленных на обеспечение высокого уровня квалификации и непрерывного профессионального развития членов судебной власти.

Целью профессиональной переподготовки и повышения квалификации судей федеральных судов является обновление теоретических знаний и развитие практических навыков в соответствии с растущими требованиями к уровню квалификации, а также необходимостью изучения изменений и дополнений в российском и международном праве [5].

Так, в настоящее время подготовка судей, особенно в части, касающейся их независимости как на институциональном, так и на личном уровне, является приоритетной задачей государства и судебной системы.

В Российской Федерации правовое регулирование судебной системы осуществляется на основе Конституции Российской Федерации [6], Федерального конституционного закона от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» [7], Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» [8], Федерального конституционного закона от 07.02.2011 № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» [9], Закона РФ от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» [10], Федерального закона от 17.12.1998 № 188-ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации» [11].

Для нормального функционирования судебной системы государство должно обеспечить результативную подготовку специалистов в этой области, так как эффективная работа судьи во многом определяется его способностью к самореализации. Важно, чтобы он был готов брать на себя ответственность и умел применять свои

личные качества и навыки для решения поставленных задач в различных ситуациях, что и определяет его готовность к профессиональной деятельности.

В нынешних реалиях положение судьи играет ключевую роль в функционировании всей судебной системы страны. Поэтому улучшение уровня дополнительного профессионального образования судей — это приоритетное звено в процессе её развития [3, с. 36].

Профессионализм судей является одним из важнейших требований, призванных обеспечить эффективное отправление правосудия, гарантирующее восстановление нарушенных прав граждан и организаций, а также установление доверия общественности к справедливости, независимости и беспристрастности суда. К тому же судья должен обладать качественными юридическими знаниями, отвечающими требованиям времени.

По мнению В. В. Ершова, «одной из главных гарантий независимости судей является их профессионализм. Чтобы судья мог отвечать на современные вопросы, которые ставит перед ним жизнь, необходимо заниматься специализированным непрерывным образованием, которое должно быть основано на фундаментальных и прикладных научных исследованиях» [12].

Данная необходимость в высококвалифицированных судьях и сотрудниках аппарата суда обусловлена сложностью и спецификой судебной деятельности, требующей глубокой подготовки.

Е. В. Бурдина отмечает, что «на сегодняшний день современное профессиональное судейское образование в силу его влияния на институциональные и личные параметры независимости судей находится в фокусе государственного внимания и судебной политики. Укрепление суверенитета страны, государственной власти, ставит новые задачи, связанные с усилением роли дополнительного профессионального образования судей как носителей судебной власти» [1, с. 773].

Повышенные требования к квалификации судей закреплены Законом РФ «О статусе судей в Российской Федерации» в ст. 20.1 «Дополнительное профессиональное образование судей», положение которой обязывает их проходить курсы повышения квалификации и переподготовку для вновь назначенных судей. Содержание дополнительного профессионального образования сводится к двум формам. Во-первых, судья, впервые назначенный на должность, проходит обучение по программе профессиональной переподготовки и, во-вторых, не реже одного раза в три года повышает квалификацию в образовательных организациях высшего образования и организациях дополнительного профессионального образования, осуществляющих дополнительное профессиональное образование судей, в том числе в форме стажировки в суде.

Дополнительное профессиональное образование позволяет судьям повышать свою профессиональную квалификацию и быть в курсе последних изменений в законодательстве, способствует повышению качества

правосудия и укреплению доверия граждан к судебной системе в целом. Это также позволяет освоить новые приёмы и методы работы, расширить свои знания в области права, ознакомиться с лучшими практиками, отечественным и международным опытом в сфере правосудия. Дополнительное профессиональное образование для судей предоставляется как в рамках специализированных учебных программ, так и на практике во время стажировок.

Безусловно, судейское сообщество прилагает значительные усилия для обеспечения непрерывного профессионального обучения и развития своих кадров, что особенно актуально в условиях постоянных изменений в стране. Вместе с тем вопрос дополнительного профессионального образования судей приобретает особую важность в связи с реформами судебной системы Российской Федерации, новыми требованиями, предъявляемыми к судье в связи с процессом построения правового государства и одной из составляющих данного процесса — демократизацией российской судебной системы.

С точки зрения Ю. Н. Гордиенко, «трансформация общественных отношений, а вслед за ними и законодательства повлекла за собой необходимость качественной профессиональной подготовки специалистов судебной системы. В условиях социально-экономического, технологического развития, возрастает уровень требований к профессиональному обучению, соответственно, к профессиональной подготовке и дополнительному профессиональному образованию кадров» [3, с. 36–37].

Так, при детальном анализе законодательства о судах и судьях становится очевидным, что эта система сталкивается с рядом глубоких организационных проблем, корни которых уходят в структуру и содержание самой нормативно-правовой базы. Ключевые трудности заключаются в устаревании законодательства, наличии внутренних противоречий, а также в неэффективности механизмов контроля за его исполнением, что в совокупности создает значительные препятствия для формирования гибкой и адаптивной системы повышения квалификации.

Одной из наиболее острых проблем является устаревание законодательства, которое не успевает за темпами изменений в правовой системе и обществе в целом. Законодательная база была в значительной степени сформирована в начале 2000-х годов, когда доминировали иные вызовы, нежели сегодняшние.

В настоящее время правовая среда характеризуется стремительным развитием цифровых технологий, появлением новых видов преступлений (например, в сфере кибербезопасности и цифровых финансов), усложнением экономических отношений и необходимостью правоприменения в новых сферах, таких как регулирование искусственного интеллекта.

В связи с этим главной проблемой становится вопрос единства и право применение законодательства. Сложности возникают из-за того, что мировые судьи в отличие от федеральных судов общей юрисдикции должны прохо-

дить дополнительное профессиональное образование «не там где качественно, а там где дешевле». Это связано с тем, что повышение квалификации организуется для мировых судей за счёт средств бюджета соответствующего субъекта Российской Федерации.

Такое положение объясняется тем, что согласно пунктам 2 и 3 статьи 20.1 Закона «О статусе судей в Российской Федерации» [10] порядок, сроки и иные формы прохождения судьями федеральных судов повышения квалификации определяются Верховным Судом Российской Федерации, а порядок, сроки и формы получения дополнительного профессионального образования мировыми судьями определяются законами субъектов Российской Федерации.

Очевидно, что правовое положение мировых судей отличается от правового положения судей других звеньев, поскольку, с одной стороны, мировые судьи входят в единую судебную систему Российской Федерации, а с другой стороны, материально-техническое обеспечение деятельности мировых судей осуществляют органы исполнительной власти соответствующего субъекта Российской Федерации. В связи с этим, законами ряда субъектов РФ допускается уменьшение размера бюджетных средств, выделенных на материально-техническое обеспечение мировых судей, что приводит к проблеме финансирования мировых судей, пожелавших повысить свою квалификацию. Соответственно, мировые судьи проходят переподготовку и повышение квалификации в субъектах, а субъекты в свою очередь не желают тратить на обучение мировых судей.

На значимость единства судебной практики обращал внимание и Президент России В. В. Путин, подчеркивая, что «обобщая судебную практику, Верховный Суд обеспечивает единообразное понимание и применение принципов и норм права, фактически осуществляет официальное толкование нормативных актов. Благодаря этому реализуются конституционные принципы верховенства закона и равенства перед законом и судом» [13].

Поэтому для того чтобы избежать такого формального подхода, требуется подробная регламентация процесса прохождения мировыми судьями повышения квалификации, это установление в законодательных актах

Российской Федерации строго определённого порядка прохождения судьями повышения квалификации, путём закрепления обязанности мировых судей проходить повышение квалификации в филиалах Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Однозначно, что подробная правовая регламентация порядка прохождения судьями повышения квалификации поможет избежать проблем, связанных с организацией прохождения мировыми судьями повышения квалификации. А также подобное изменение позитивно отразится на судебной системе, так как это приведёт к единству правоприменительной практики, в следствии чего уменьшится количество дел, отменяемых в апелляционной инстанции.

Очевидно, что авторитет судебной власти и эффективность её деятельности во многом определяются объективностью при рассмотрении дел и профессионализмом судей. А повышение профессиональной компетентности является важным аспектом деятельности каждого судьи, который позволяет повысить качество отправления правосудия и обеспечить справедливость в каждом конкретном случае.

По мнению С. И. Пухнаревича, члена правления экспертного центра Ассоциации юристов России, «профессиональная подготовка судей, а также повышение их квалификации имеют решающее значение для эффективного функционирования отечественной судебной системы» [4, с. 42].

Можно констатировать, что, прежде всего, дополнительное профессиональное образование судей является необходимым процессом, а также неотъемлемой частью их профессиональной деятельности.

С целью повышения уровня компетентности судей необходимо внести изменения в действующее законодательство. Для преодоления этих проблем требуется не просто частичное обновление отдельных положений, но и комплексная реформа всей нормативно-правовой базы, основанная на диалоге между законодателями и судебным сообществом, которая ориентирована на результат, а не на формальное соблюдение процедур. Тем самым, обеспечив эффективную и функциональную интеграцию в законодательстве о судебной системе.

Литература:

1. Бурдина Е. В., Александров, С. В. Современные тренды дополнительного профессионального образования судей: российский и зарубежный опыт // Интеграция образования. 2022. Т. 26. № 4. С. 771–786.
2. Вуколова А. Р. Правовое регулирование прохождения судьями стажировок: российский и зарубежный опыт // Закон и власть 2023. № 12. С 30–34.
3. Гордиенко Ю. Н. Профессиональная подготовка специалистов для судебной системы как теоретическое основание и практическая задача // Аграрное и земельное право. 2022. № 4 (208). С. 36–39.
4. Пухнаревич С. И. Правовые формы обучения судей по программам дополнительного профессионального образования: понятие, виды, содержание // Российское правосудие. 2020. № 11. С. 41–46.
5. Положение о профессиональной переподготовке и повышении квалификации судей федеральных судов (утв. постановлением Президиума Верховного суда РФ от 18.04.2018) (ред. от 22.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 02.02.2026).

6. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.] // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001> (дата обращения: 26.01.2026).
7. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (ред. от 29.12.2025) // СЗ РФ. 1997. № 1. Ст. 1.
8. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (ред. от 31.07.2023) // СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.
9. Федеральный конституционный закон от 07.02.2011 № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» (ред. от 23.07.2025) // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 898.
10. Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» (ред. от 28.12.2025) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 30. Ст. 1792.
11. Федеральный закон от 17.12.1998 № 188-ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации» (ред. от 23.07.2025) // СЗ РФ. 1998. № 51. Ст. 6270.
12. Интервью В. В. Ершова с Владимиром Новиковым. URL: https://rapsinews.ru/judicial_analyst/20101113/251011116.html (дата обращения: 29.01.2026).
13. Путин, В. В. Выступление на торжественном заседании, посвященном 95-летию Верховному Суду России / В. В. Путин // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 2. С. 1–3.

Государственная регистрация субъектов предпринимательской деятельности в РФ

Балабан Андрей Игоревич, студент магистратуры

Научный руководитель: Иерусалимская Елена Александровна, кандидат юридических наук, доцент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматривается действующий порядок государственной регистрации субъектов предпринимательской деятельности в России. Анализируются положения Федерального закона № 129-ФЗ с учётом изменений 2024–2025 годов. Приводятся данные о динамике регистрационных действий и причинах отказов. Отдельное внимание уделено развитию электронных сервисов ФНС России. Рассматриваются проблемные аспекты правоприменительной практики и перспективы упрощения процедур. Обозначены направления цифровой трансформации института регистрации. Автор приходит к выводу о постепенном смещении акцентов от формального учёта к формированию цифрового профиля предпринимателя.

Ключевые слова: государственная регистрация, субъекты предпринимательской деятельности, ЕГРЮЛ, ЕГРИП, индивидуальный предприниматель, юридическое лицо, ФНС России, цифровизация, административные барьеры.

Введение

Государственная регистрация — юридический факт, с которым связано возникновение правосубъектности предпринимателей. Без неё деятельность незаконна, кроме случаев, прямо указанных в законе. Регистрация выполняет учётную, информационную и контрольную функции [1]. Нельзя не отметить, что этот институт служит своеобразным фильтром, отсекающим недобросовестных участников оборота, и одновременно обеспечивает государству обратную связь о состоянии деловой активности. Основу института образуют Гражданский кодекс РФ и Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ [1]. За годы действия закона в него вносились многочисленные изменения, направленные на упрощение процедур и расширение электронных каналов. Особенно заметные новации

приняты в 2024 году, что требует их осмысления с точки зрения практических последствий для бизнеса.

Нормативная основа и полномочия регистрирующего органа

Регистрирующим органом выступает ФНС России. Ведение ЕГРЮЛ и ЕГРИП осуществляется в электронной форме. Сведения реестров по общему правилу открыты и общедоступны. Федеральным законом от 08.08.2024 № 251-ФЗ уточнён режим доступа к отдельным категориям данных: из общего правила сделано исключение для решений об учреждении личных фондов и их уставов [3]. С 1 сентября 2024 года документы для внесения в ЕГРЮЛ сведений о новом руководителе организации направляет нотариус [2]. Эта мера снижает риски фальсифи-

кации решений об изменении органов управления. Стоит подчеркнуть, что регистрация носит заявительный характер, а сроки её проведения жёстко регламентированы: по общему правилу они не превышают трёх рабочих дней. Принципы единства реестра, публичной достоверности и защиты интересов кредиторов остаются базовыми, хотя их реализация на практике иногда вызывает споры.

Процедурные аспекты и электронные сервисы

Приказом ФНС России от 09.01.2024 № ЕД-7-14/4@ обновлены формы заявлений, в том числе для регистрации индивидуального предпринимателя [4]. Отменена обязанность представлять копию паспорта — достаточно заявления по установленной форме. С 1 марта 2024 года работает сервис «Старт бизнеса онлайн», позволяющий пройти регистрацию без личного обращения в госорганы и банки [4]. Он включает получение электронной подписи, подачу документов и дистанционное открытие счёта. Сохраняется возможность подачи документов через МФЦ. В 2024 году в Новосибирской области такие окна приняли 66 тысяч обращений, регистрация бизнеса вошла в число самых востребованных услуг [6]. Как показывает практика, электронные каналы не только ускоряют процедуру, но и снижают количество технических ошибок, поскольку многие формы имеют встроенные проверки. Вместе с тем для части заявителей, особенно старшего возраста или не обладающих цифровыми навыками, традиционный путь через МФЦ остаётся предпочтительным.

Статистика регистрационных действий

Данные за 2024 год показывают сдвиг в структуре регистрируемых субъектов. Индивидуальные предприниматели по числу новых регистраций обошли юридические лица. Число компаний увеличилось лишь на 0,36 %, а прирост ИП составил почти 7 % [6]. На январь 2025 года действовали 4 556 950 ИП и 3 186 952 юридических лица. Закрытие бизнеса также активнее шло в сегменте ИП: прекратили деятельность более 683,5 тысяч предпринимателей и 221,4 тысячи компаний [6]. Наиболее динамичными сферами стали аутсорсинговые услуги для бизнеса, реклама и небольшие салоны красоты. Розничная и оптовая торговля теряют популярность. В обновлённом реестре МСП насчитывалось 6,4 млн субъектов, что на 3,2 % больше, чем годом ранее [6]. Приведённые цифры свидетельствуют о том, что предпринимательская активность смещается в сторону менее капиталоемких и более гибких форматов, а институт регистрации чутко реагирует на эти изменения.

Отказы в государственной регистрации

Институт отказа сохраняет существенную роль. Среди распространённых оснований: несоответствие документов требованиям, ошибки в заявлениях, неверный адрес, подписание документов неуполномоченным лицом

[4]. Обоснованным признаётся отказ, если уставный капитал общества не сформирован в заявленном размере. Споры возникают и при использовании типового устава. В отдельных регионах число отказов снижается. В Орловской области в 2024–2025 годах отмечено уменьшение отрицательных решений, что связывают с разъяснительной работой налоговых органов и онлайн-сервисами [4]. Цифровизация позволяет проверять документы до подачи и сокращает число ошибок. Судебная практика по данной категории дел остаётся противоречивой: иногда заявители успешно оспаривают отказы, ссылаясь на формальный подход регистрирующего органа. Это говорит о необходимости более чётких критериев оценки документов.

Проблемы и перспективы

В доктрине обсуждается соотношение регистрации и фактического приобретения статуса предпринимателя. Регистрация не сводится к учёту: она легитимизирует субъекта и служит инструментом публичного контроля. Критике подвергается регулирование ответственности за недостоверность сведений в реестре. Перспективы закреплены в национальной модели целевых условий ведения бизнеса до 2030 года [5]. Предусмотрено использование адреса электронной почты, привязанного к профилю на портале госуслуг, как официального канала связи для МСП. Обсуждается введение единого идентификатора юридического лица вместо совокупности ИНН, ОГРН и регистрационного номера страхователя. Разрабатывается законопроект об упрощении участия нотариусов при открытии и закрытии бизнеса [5]. Ожидается, что это снизит барьеры и повысит предсказуемость контроля. При этом важен баланс между упрощением и достоверностью реестровых данных. В перспективе не исключён переход к модели, при которой регистрация станет частью формирования цифрового профиля предпринимателя, а взаимодействие с контрагентами и государством будет происходить в автоматическом режиме.

Заключение

Государственная регистрация в России находится в стадии активной трансформации. Изменения 2024–2025 годов затронули формы заявлений, перечень документов и распределение ответственности между заявителем, нотариусом и регистрирующим органом. Статистика показывает рост числа ИП при относительной стагнации сегмента юридических лиц. Сохраняются проблемы вариативности отказов и неопределённости отдельных оснований. Перспективные направления связаны со снижением административной нагрузки и развитием электронных сервисов. Их реализация сделает регистрацию более доступной и предсказуемой. Однако ускорение процедур не должно достигаться ценой утраты контроля за достоверностью сведений, поскольку от этого зависит устойчивость всего хозяйственного оборота.

Литература:

1. Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 33. Ст. 3431.
2. Федеральный закон от 08.08.2024 № 287-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 33. Ст. 5081.
3. Федеральный закон от 08.08.2024 № 251-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 33. Ст. 5045.
1. Приказ ФНС России от 09.01.2024 № ЕД-7-14/4@ «О внесении изменений в приложения к приказу ФНС России от 31.08.2020 № ЕД-7-14/617@» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>.
2. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.11.2025 № 3523-р «Об утверждении национальной модели целевых условий ведения бизнеса до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. 2025. № 49. Ст. 7821.
3. В 2024 ИП регистрировались чаще, чем компании // Генеральный директор. 2025. 21 января. URL: <https://www.gd.ru/news/20439-v-2024-ip-registrirovalis-chashche-chem-kompanii>.

Автоматизация и компьютеризация судебно-экспертной деятельности как элемент современных экспертных технологий

Барчо Марат Инверович, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье рассматриваются автоматизация и компьютеризация судебно-экспертной деятельности как один из ключевых элементов современных экспертных технологий. Автором раскрываются сущность понятий «автоматизация» и «компьютеризация» применительно к судебной экспертизе, приводится их классификация по уровню и характеру применения (автоматизированные рабочие места эксперта, специализированные программно-аппаратные комплексы, автоматизированные информационно-поисковые системы, технологии искусственного интеллекта). Анализируются нормативно-правовые основы использования технических средств при производстве судебных экспертиз, а также проблемы, возникающие при их внедрении в экспертную практику. В заключении сформулирован вывод о необходимости совершенствования нормативно-методического обеспечения и стандартизации в данной сфере с целью повышения объективности, полноты и достоверности результатов судебных экспертиз.

Ключевые слова: судебная экспертиза, автоматизация, компьютеризация, экспертные технологии, автоматизированное рабочее место, информационные системы, искусственный интеллект.

Развитие науки и техники неизбежно отражается на содержании судебно-экспертной деятельности: расширяется круг решаемых задач, усложняются объекты исследования, возрастают требования к точности и обоснованности экспертных выводов. По мнению профессора Е. Р. Россинской, информационная революция, обусловленная распространением персональных компьютеров, повлекла за собой качественное изменение методов экспертного исследования и потребовала переосмысления понятий «автоматизация» и «компьютеризация» применительно к экспертной практике [5]. В связи с этим автоматизация и компьютеризация судебно-экспертной деятельности рассматриваются сегодня как неотъемлемый элемент современных экспертных технологий, определяющий их эффективность, объективность и соответствие потребностям судопроизводства.

Под автоматизацией технологического процесса, в том числе применительно к экспертной деятельности, принято понимать применение технических средств, экономико-математических методов и систем управления, освобождающих человека частично или полностью от непосредственного участия в процессе получения, преобразования и использования информации [2]. Компьютеризация, в отличие от автоматизации, представляет собой более широкое явление и охватывает процесс внедрения компьютерной техники и программного обеспечения во все сферы экспертной деятельности, включая организационно-управленческую, научно-методическую и информационно-справочную составляющие. Таким образом, компьютеризация выступает предпосылкой и организационно-технической основой автоматизации отдельных экспертных методик.

Правовой основой применения технических средств при производстве судебных экспертиз выступает Федеральный закон от 31.05.2001 N 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», закрепляющий принцип проведения исследований с использованием современных достижений науки и техники [1]. При этом закон не содержит исчерпывающего перечня технических и программных средств, допустимых к использованию, что оставляет вопрос выбора конкретных технологий на усмотрение экспертных учреждений и ведомственных методических рекомендаций.

Классификацию средств автоматизации и компьютеризации судебно-экспертной деятельности целесообразно проводить по уровню их применения.

1. Автоматизированное рабочее место эксперта (АРМ) — комплекс программно-аппаратных средств, обеспечивающих эксперту выполнение профессиональных задач с использованием цифровых технологий: анализ, хранение и документирование результатов исследования [3]. АРМ формируется с учётом рода (вида) судебной экспертизы и включает как универсальные компоненты (текстовые и графические редакторы, средства цифровой фиксации), так и специализированное программное обеспечение.

2. Специализированные программно-аппаратные комплексы и экспертные системы, разработанные для решения задач конкретного рода экспертизы: автоматизированная баллистическая идентификационная система «ТАИС», система работы с изображениями следов обуви Footwear Traces, автоматизированная система составления портрета «Каскад-Фоторобот», автоматизированная дактилоскопическая идентификационная система (АДИС), информационно-справочная система для исследования документов Frontline Documents System [5]. Указанные системы позволяют формализовать процесс идентификационного и диагностического исследования, снижая влияние субъективного фактора на экспертный вывод.

3. Автоматизированные информационно-поисковые системы и криминалистические учёты, обеспечивающие накопление, систематизацию и оперативный поиск справочной и идентификационной информации (картотеки следов, банки данных объектов экспертного исследования), используемые как в оперативных, так и в экспертных целях.

4. Технологии искусственного интеллекта, получающие всё более широкое применение в экспертной и судебной практике: анализ больших массивов данных, автоматизированный поиск и классификация следов, ускоренная обработка результатов молекулярно-генетических исследований. Отмечается, что суды всё чаще запрашивают и приобщают к материалам дела переписку с чат-ботами, а интеграция технологий искусственного интеллекта позволяет значительно ускорить анализ данных, в том числе при производстве экспертиз, связанных с установлением родства [6]. Вместе с тем использование подобных технологий требует выработки

критериев проверяемости и объяснимости алгоритмов, положенных в основу автоматизированного анализа, поскольку итоговая оценка достоверности заключения остаётся прерогативой суда.

Внедрение технологий автоматизации и компьютеризации в экспертную практику происходит двумя основными путями: творческим использованием достижений математических, технических и естественных наук для разработки принципиально новых экспертных методик и приспособлением уже существующих цифровых технологий и информационных систем для нужд судебно-экспертной деятельности [4,7]. Оба направления имеют самостоятельное значение и в совокупности формируют современный технологический уровень судебной экспертизы.

Несмотря на очевидные преимущества автоматизации и компьютеризации, их внедрение в судебно-экспертную деятельность сопровождается рядом проблем.

В первую очередь это касается неравномерной технической оснащённости государственных и негосударственных судебно-экспертных учреждений. Этот недостаток приводит к тому, что одни и те же методики применяются экспертами по-разному и ставится под сомнение единство экспертной практики.

Также прослеживается проблема отсутствия достаточной нормативной и методической регламентации использования различных программно-аппаратных средств и выработанных алгоритмов искусственного интеллекта, что создаёт риск оспаривания заключений, полученных с их применением.

Наряду с этим существует проблема подготовки квалифицированных экспертных кадров в области информационных технологий, что приводит к снижению эффективности использования имеющихся автоматизированных систем и увеличивает вероятность ошибок при работе эксперта со сложным программным обеспечением.

Требуют отдельного нормативного регулирования и вопросы, связанные с информационной безопасностью при работе с автоматизированными системами и базами данных, поскольку они содержат сведения ограниченного доступа и утрата или несанкционированное изменение их могут повлиять на достоверность результатов экспертизы.

Подводя итоги, считаем необходимым разработать единые ведомственные и межведомственные стандарты применения средств автоматизации и компьютеризации в процессе судебно-экспертной деятельности. Они должны включать и требования к валидации программного обеспечения и алгоритмов искусственного интеллекта. Также необходимо усовершенствовать и расширить программы профессиональной подготовки и повышения квалификации экспертов в области информационных технологий. Реализация такого комплекса мер позволит повысить объективность, полноту и достоверность результатов проводимых судебных экспертиз, а также обеспечить единый подход в экспертной практике в условиях цифровизации судопроизводства.

Литература:

1. Федеральный закон от 31.05.2001 N 73-ФЗ (ред. от 22.07.2024) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». — Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс»: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31871/ (дата обращения: 06.09.2026).
2. ГОСТ 23004–78 «Механизация и автоматизация технологических процессов в машиностроении и приборостроении». — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200004244> (дата обращения: 06.09.2026).
3. Автоматизированное рабочее место эксперта-криминалиста: требования и современные решения. — Текст: электронный // КиберЛенинка: [сайт]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/avtomatizirovannoe-rabochee-mesto-eksperta-kriminalista-trebovaniya-i-sovremennye-resheniya> (дата обращения: 06.09.2026).
4. Гладышева, О. В. Искусственный интеллект и цифровые (электронные) доказательства в уголовном судопроизводстве / О. В. Гладышева, В. А. Семенцов, Я. В. Лошкобанова. — Текст: непосредственный // Юридический вестник Кубанского государственного университета. — 2024. — № 1 (16). — С. 89–99.
5. Россинская, Е. Р. Проблемы компьютеризации в судебной экспертизе / Е. Р. Россинская. — Текст: непосредственный // Теория и практика судебной экспертизы. — 2021. — № 3. — С. 60–67.
6. Суды начали запрашивать переписки с чат-ботами и приобщать их к делу. — Текст: электронный // TAdviser: [сайт]. — URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Искусственный_интеллект_в_судах (дата обращения: 06.09.2026).
7. Цифровые технологии в судебной экспертизе: проблемы правового регулирования и организации применения. — Текст: электронный // КиберЛенинка: [сайт]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-tehnologii-v-sudebnoy-ekspertize-problemy-pravovogo-regulirovaniya-i-organizatsii-primeneniya> (дата обращения: 06.09.2026).

Совершенствование административно-правовых мер предупреждения коррупции на государственной гражданской службе

Васильев Ильядар Исламгареевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Сергеев Артём Леонидович, кандидат юридических наук, доцент
Уфимский университет науки и технологий

В статье рассматриваются административно-правовые средства предупреждения коррупции на государственной гражданской службе и то, как они работают на практике. В центре внимания здесь — урегулирование конфликта интересов, финансовый контроль, антикоррупционная экспертиза и ответственность государственных гражданских служащих. Отмечается, что отдельные контрольные процедуры нередко остаются формальными, антикоррупционные требования применяются неравномерно, а скрытые конфликты интересов выявляются с ограниченной эффективностью. Поэтому предлагается усилить межведомственный обмен сведениями при проверках, точнее определить процедуры оценки коррупционных рисков и по-разному осуществлять профилактический контроль с учетом характера должностных полномочий служащего.

Ключевые слова: коррупция, государственная гражданская служба, административное право, противодействия коррупции, правонарушение

Improving administrative and legal measures to prevent corruption in the civil service

Corruption in the public civil service system is one of the state's foremost concerns. From antiquity to the present, corruption has been seen as a major driver of political change. This paper examines what corruption means, its features, and the ways it appears in the work of the state civil service, as well as how administrative and legal measures can be used to counter it.

Keywords: corruption, state civil service, administrative law, anti-corruption, offense

Хотя российское антикоррупционное законодательство развивается уже давно, коррупция в системе государственной гражданской службы по-прежнему остается очень актуальной проблемой. Дело в том, что го-

сударственные гражданские служащие реализуют публично-властные полномочия, что напрямую сказывается на правах граждан, работе организаций и качестве государственного управления. Когда такие полномочия исполь-

зуют в личных интересах, это угрожает законности, подрывает доверие общества к государственным институтам и противоречит принципам государственной службы.

Современная государственная политика в сфере противодействия коррупции ставит во главу угла не поиск и наказание виновных лиц, а предупреждение коррупционных проявлений. Поэтому особую роль здесь играют административно-правовые механизмы, которые помогают снижать коррупционные риски в деятельности государственных гражданских служащих. К таким механизмам относятся установление ограничений, запретов и обязанностей, урегулирование конфликта интересов, контроль за соблюдением антикоррупционных требований, антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов, а также меры дисциплинарной и административной ответственности.

Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» закрепляет правовое понимание коррупции как злоупотребление служебным положением, дачу и получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп и иные формы незаконного использования должностного положения вопреки законным интересам общества и государства ради имущественной или иной выгоды [2]. Для государственной гражданской службы это определение позволяет трактовать коррупцию как совокупность противоправных действий, которые нарушают установленный порядок прохождения службы и принципы ее осуществления.

Изучение административно-правовых механизмов противодействия коррупции должно быть сосредоточено не на общем анализе сущности коррупции как социального явления, а на оценке эффективности действующих правовых средств предупреждения коррупционных проявлений в системе государственной гражданской службы и выявлении проблем практической реализации этих средств.

Риски коррупции в системе государственной гражданской службы связаны с особым правовым положением государственных гражданских служащих, которые реализуют публично-властные полномочия, принимают управленческие решения и участвуют в предоставлении государственных услуг. Широкие дискреционные полномочия, доступ к государственным ресурсам и возможность принимать решения, затрагивающие права и законные интересы граждан и организаций, создают почву для коррупционных проявлений.

К самым распространенным проявлениям коррупции в системе государственной гражданской службы относят получение и дачу взятки, злоупотребление должностными полномочиями, незаконное участие в предпринимательской деятельности, использование служебного положения в личных интересах и несоблюдение требований по предотвращению и урегулированию конфликта интересов. В научной литературе к коррупционным рискам также причисляют nepotизм и отдельные формы неправомерного лоббирования, которые способны повлиять на эффективность принимаемых управленческих решений [7].

Опасность неявных проявлений коррупции, таких как nepotизм и лоббизм, состоит в том, что нет реального материального объекта, который можно было бы использовать как явное доказательство преступления.

Государственная служба — это сложный механизм, который обеспечивает работу государства и благополучие граждан. Деятельность этой службы управленческая по своей природе и нацелена на реализацию государственных полномочий, поэтому она неизбежно связана с риском нарушения установленного порядка [5].

Работа государственной службы нужна для достижения целей, закрепленных законом, повышения благополучия и благосостояния общества и контроля за исполнением решений органов власти. Но чем шире круг задач и чем выше значение службы для жизни общества, тем больше риск, что сотрудники этой службы проявят халатность или, действуя в личных интересах, допустят административно-правовые нарушения.

Признаками административных правонарушений являются:

- противоправность. Заключается в нарушении законодательства;
- виновность. Предполагает умысел, неосторожность действий;
- административная наказуемость. Предполагает наказание за нарушение, которое регулируют законы и кодексы [3].

Специфика административных правонарушений на государственной службе состоит в том, что они нередко затрагивают общественный порядок, права и свободы граждан, а также установленный порядок управления. К типичным правонарушениям, которые совершают государственные служащие, относятся злоупотребление должностными полномочиями, получение взятки, халатность и разглашение государственной тайны.

Разграничить нарушения государственных служащих непросто: одни и те же действия могут быть признаны и правонарушением, и преступлением в зависимости от тяжести, наличия или отсутствия умысла, размера ущерба, сопутствующих факторов и условий, личных особенностей нарушителя и обстоятельств совершения. Для решения этого вопроса применяют юридическую экспертизу, которую проводят сотрудники, специализирующиеся на конкретной области права [6].

Всё сказанное выше показывает, насколько серьезна проблема административных правонарушений в государственной службе, поэтому для их предупреждения и пресечения нужен комплексный подход, а также разработка методов и способов профилактики.

Власть, богатство и влияние настолько притягательны для общества, что борьба с коррупцией и попытки ее искоренить пока не дают нужного результата.

Административно-правовой механизм противодействия коррупции — это совокупность законодательно закрепленных правовых средств, которые обеспечивают предупреждение, выявление и пресечение коррупци-

онных проявлений в системе государственной гражданской службы. В состав этого механизма входят нормативно установленные ограничения и запреты, институт урегулирования конфликта интересов, антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов, контроль за соблюдением требований к служебному поведению государственных гражданских служащих, финансовый контроль, а также меры юридической ответственности за нарушение антикоррупционного законодательства [5].

Меры воздействия выбирают с учетом частоты нарушения, опасности для общества и масштаба результата.

Ключевую основу административно-правового механизма составляют законы и подзаконные акты, которые задают политику борьбы с коррупцией. Когда общество, его структура и технологии усложняются, законодательство должно отвечать без промедления и постоянно обновляться, чтобы сводить преступления к минимуму [4].

Обязательная экспертиза нормативно-правовых актов в целях выявления коррупциогенных факторов — критически важный этап, позволяющий заранее увидеть и убрать слабые места в законодательстве, пока оно еще не вступило в силу, и тем самым не дать почвы для коррупции. Насколько качественной будет такая проверка, напрямую определяется квалификацией экспертов и тем, насколько независимы их оценки.

Тщательный контроль за доходами и расходами государственных и муниципальных служащих — неотъемлемая часть административно-правового механизма. Когда финансовые потоки прозрачны, а случаи несоответствия доходов и расходов удается эффективно выявлять и расследовать, уровень коррупции снижается.

Однако результативность финансового контроля нередко сдерживают нехватка ресурсов, слабая квалификация проверяющих и трудный доступ к информации [3].

Улучшение финансового контроля нельзя сводить лишь к проверке дополнительных сведений. Если процедура проверки одна и та же, то служащего, который решает, как распределить бюджетные средства или выдавать разрешения, фактически меряют той же меркой, что и человека без прямого распоряжения публичными ресурсами. Поэтому глубина контроля должна определяться коррупционным риском конкретной должности. Для должностей с широкими дискреционными полномочиями оправдана более тщательная проверка доходов, расходов, имущества и обязательств имущественного характера, когда сведения сверяют по данным государственных органов. А если обнаружилось конкретное расхождение, тогда уже можно запрашивать у служащего дополнительные документы, но превращать это в обычный порядок проверки нельзя.

Система ответственности должна быть справедливой, прозрачной и достаточно строгой, чтобы сдерживать нарушения. Здесь мешают низкая раскрываемость коррупционных преступлений [4], долгие судебные процессы и слабая действенность наказаний.

Профилактику конфликта интересов здесь нужно выстраивать отдельно. Существующая модель во многом держится на том, сообщил ли служащий о личной заинтересованности, но в некоторых случаях заинтересованность намеренно скрывают. Для должностей, связанных с государственными закупками, распределением бюджетных средств, контрольно-надзорной деятельностью и предоставлением разрешений, разумно периодически сопоставлять сведения о служебных полномочиях с доступными государственным органам данными о юридических лицах и других организациях, с которыми связан сам служащий или лица, находящиеся с ним в близком родстве или свойстве. Выявленное совпадение само по себе не доказывает нарушение. Оно может стать основанием для проверки комиссией по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов. Такой подход сохраняет индивидуальную правовую оценку и одновременно снижает зависимость контроля только от добровольного уведомления служащего.

Проведенный анализ показывает, что дальнейшее увеличение числа антикоррупционных запретов само по себе не устраняет слабые места действующей системы. Основная проблема уходит в сферу применения: проверка сведений может оставаться формальной, конфликт интересов может не выявляться до момента нарушения, а объем контроля почти не учитывает различия в коррупционных рисках конкретных должностей. Поэтому совершенствовать административно-правовое регулирование следует не за счет очередного расширения перечня обязанностей государственных гражданских служащих, а через изменение организации контроля.

В приоритете здесь — дифференцировать контроль по уровню коррупционного риска должности, более детально сверять сведения между ведомствами при проверке имущественного положения и возможного конфликта интересов, а найденные информационные совпадения использовать только как повод для последующей индивидуальной проверки, а не как самостоятельное доказательство нарушения. Такой подход смещает акцент с формального соблюдения антикоррупционных требований на раннее выявление конкретного риска и оставляет окончательную юридическую оценку за уполномоченным органом или комиссией.

Литература:

1. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 02.05.2025) // Собрание законодательства РФ. — 17.06.1996, № 25. — Ст. 2954.
2. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства РФ. — 29.12.2008, № 52 (ч. I). — Ст. 6228.

3. Амиантова, И. С. Противодействие коррупции: учебник для вузов / И. С. Амиантова. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Юрайт, 2025. — 148 с.
4. Гладких, В. И. Противодействие коррупции на государственной службе: учебник для вузов / В. И. Гладких, В. М. Алиев, В. Г. Степанов-Егиянц. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Юрайт, 2025. — 207 с.
5. Знаменский, Д. Ю. Государственная и муниципальная служба: учебник для вузов / Д. Ю. Знаменский; ответственный редактор Н. А. Омельченко. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва : Юрайт, 2025. — 384 с.
6. Правовые основы противодействия коррупции: учебник и практикум для вузов / А. И. Землин, О. М. Землина, В. М. Корякин, В. В. Козлов; под общей редакцией А. И. Землина. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Юрайт, 2024. — 198 с.
7. Трунцевский, Ю. В. Конституционно-правовые основы противодействия коррупции: учебник для вузов / Ю. В. Трунцевский, А. К. Есаян; под общей редакцией Ю. В. Трунцевского. — Москва : Юрайт, 2025. — 481 с.

Анализ статистических данных о совершенных нарушениях режима пребывания иностранных лиц и лиц без гражданства на территории Российской Федерации за 2024 год

Веселова Алина Георгиевна, студент

Научный руководитель: Шорников Алексей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В связи растущими темпами миграции во всем мире, происходит также рост правонарушений в данной области. В Российской Федерации регулярно публикуются статистические данные как из практики правоохранительных органов, так и из судебной практики по правонарушениям за нарушение режима пребывания иностранцев и лиц без гражданства. Анализ исходных данных позволяет увидеть эффективность мер, принимаемых государством для уменьшения правонарушений в сфере миграционного законодательства.

Ключевые слова: административная ответственность, миграция, совершенствование законодательства, государственное управление, анализ статистических данных.

Российская Федерация является культурно и экономически активно развивающимся государством, в связи с чем растут показатели миграции, как трудовой, так и миграции с другими целями. Численный рост мигрирующих лиц неизбежно приводит к увеличению количества правонарушений в данной сфере как уголовного, так и административного порядка. На практике наиболее часто встречаются административные проступки.

В Российской Федерации за 2024 год сотрудниками органов внутренних дел было составлено 3 360 311 протоколов об административных правонарушениях в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства [1], вместе с тем судами было рассмотрено 274 570 правонарушений, предусмотренных главой 18 КоАП РФ [2], по сравнению с показателем 2023 года, который составил 209 323 рассмотренных дел [3], за 2022 год 155 177 рассмотренных дел [4]. Таким образом, с 2022 год по 2024 год темп роста рассмотренных дел составил 176,9 %, темп прироста составил 76 %.

Таким образом, можно наблюдать серьезный рост числа административных правонарушений, предусмотренных главой 18 КоАП РФ, что связано с изменением курса внутренней политики Российской Федерации, которая в последний годы взяла курс на более эффективную борьбу с незаконной миграцией. Среди принятых мер можно выделить:

1) Принятие Федерального закона от 8 августа 2024 г. № 285-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской

Федерации об административных правонарушениях», который значительно расширил список субъектов, уполномоченных назначать наказание в виде административного выдворения [5];

2) Указом Президента от 02.04.2025 года создана Служба по вопросам гражданства и регистрации иностранцев, которую возглавил замгенпрокурора Андрей Кикоть [6];

3) Федеральным законом от 8 августа 2024 г. № 260-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» был изменен срок безвизового пребывания иностранцев на территории Российской Федерации с 180 до 90 суток [7].

Исходя из выше указанных данных можно выделить процентное соотношение правонарушений по главе 18 КоАП РФ за 2024 год. Так, согласно таблице 1, наибольшая доля правонарушений приходится на ст. 18.8 КоАП РФ «Нарушение иностранным гражданином или лицом без гражданства правил въезда в Российскую Федерацию либо режима пребывания (проживания) в Российской Федерации» (71,29 %), что свидетельствует о высокой вероятности наличия системных проблем или распространенной природе данных правонарушений.

На втором месте по количеству правонарушений является ст.18.10 КоАП РФ «Незаконное осуществление иностранным гражданином или лицом без гражданства трудовой деятельности в Российской Федерации» (10,823 %),

таким образом, данные правонарушения стоит рассматривать как приоритетные для профилактической работы, особенно учитывая их значительную долю в общей структуре.

Некоторые статьи в данной области можно считать неактивными, поскольку по ним фиксируется крайне малое количество правонарушений и, соответственно, очень низкая численность наказанных по ним лиц, к таким статьям относятся: ст. 18.19 КоАП РФ «Нарушение правил уведомления уполномоченных государственных органов об обучении или о прекращении обучения иностранных граждан и лиц без гражданства в образовательных или научных организациях» (0,004 %), ст. 18.18 «Нарушение иностранным гражданином или лицом без

гражданства обязательных правил, связанных с исполнением принятого в отношении их решения об административном выдворении за пределы Российской Федерации или о депортации, либо правил, связанных с реализацией международного договора Российской Федерации о реадмиссии, неосуществление иностранным гражданином или лицом без гражданства, в отношении которых принято решение о прекращении процедуры реадмиссии, добровольного выезда из Российской Федерации в установленный срок» (0,005 %), ч. 2, 3 ст. 18.1 «Нарушение режима Государственной границы Российской Федерации либо правил въезда в Российскую Федерацию или выезда из Российской Федерации» (0,006 %).

Таблица 1

Статья	Количество правонарушений	Доля правонарушений (%)
18.1 ч. 2, 3	177	0,06
18.2 ч. 1.1	568	0,208
18.3 ч. 2; 18.4 ч. 2; 18.7	202	0,074
18.8	194 626	71,333
18.10	29 530	10,823
18.11 ч. 1; 18.12	20 039	7,345
18.11 ч. 2	97	0,036
18.15–18.17	27 286	10,001
18.18	13	0,005
18.19	11	0,004
иные статьи главы 18	470	0,172
Всего	272 842	100

В дальнейшем следует провести анализ применения санкций по наиболее распространенным составам правонарушений, а именно по ст. 18.8, 18.10 КоАП РФ.

Статья 18.8 КоАП РФ предусматривает следующие санкции: 1) административный штраф, 2) административное выдворение. Административный штраф как вид наказания предусмотрен всеми частями указанной статьи, в отличие от наказания в виде административного выдворения, которое в некоторых частях носит диспозитивный характер (ч.1,2,3 ст. 18.8 КоАП РФ). Всего за 2024 год было подвергнуто наказанию 181 268 лиц, что составляет 93,1 % от всех рассмотренных дел по указанной статье.

Наказание в виде административного штрафа назначено 180 300 лицам. Сумма наложенных штрафов по вступившим в силу постановлениям составляет 899 053 723 рублей, при этом взыскано/уплачено добровольно административных штрафов на сумму 408 392 474 рублей. Исходя из приведённого анализа можно сделать вывод о том, что необходимо усилить меры по обеспечению взыскания штрафных санкций. Неполнота уплаты/взыскания штрафов говорит о потенциальных проблемах в исполнении административных наказаний, а также о необходимости дополнительных мер по принудительному взысканию и информационной работе с должниками для повышения уровня исполнения.

Наказание в виде административного выдворения в виде основного было применено к 493 лицам, в качестве дополнительного к 140 690 лицам. Таким образом за 2024 год было выдворено с территории Российской Федерации 141 183 человека, что составляет 77,8 % от всех подвергнутых наказанию лиц по указанной статье.

Санкции ст.18.10 КоАП РФ аналогичны санкциям ст. 18.8 КоАП РФ. Всего за 2024 год административному наказанию подвергнуто 27 940 лиц, что составляет 94,6 % от общего количества рассмотренных дел по указанной статье. Сумма назначенных административных штрафов, по постановлениям, вступившим в силу, составляет 134 491 300 рублей, при этом взыскано 53741871 рублей. За 2024 год было выдворено за территорию Российской Федерации 21 661 лиц, что составляет 73,3 % от всех подвергнутых наказанию лиц.

Таким образом, на основе анализа статистических данных о правонарушениях, связанных с нарушением режима пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Российской Федерации в 2024 году, можно сделать вывод о том, что за последние 2 года произошел рост количества правонарушений, предусмотренных главой 18 КоАП РФ. Наиболее часто встречающимися правонарушениями являются деяния, предусмотренные статьями 18.8 и 18.10 КоАП РФ. В Российской Федерации принимается комплекс мер, по повышению эф-

фективности работы государственных органов в данной сфере, однако несмотря на принимаемые меры и усилия правоохранительных органов, уровень правонарушений в данной сфере остаётся значительным, что указывает на необходимость дальнейшего совершенствования системы контроля, профилактики и взаимодействия между госу-

дарственными структурами. Усиление профилактической работы, усиление профилактической работы, ужесточение ответственности и повышение эффективности административных и правовых мер являются ключевыми направлениями для снижения числа нарушений и обеспечения правового порядка в сфере миграции.

Литература:

1. Аналитическая справка о результатах деятельности подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России за январь — декабрь 2024 года. — Текст: электронный // Официальный сайт МВД РФ: [сайт]. — URL: (дата обращения: 21.11.2025).
2. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2024 год. — Текст: электронный // Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации: [сайт]. — URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8942> (дата обращения: 21.11.2025).
3. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2023 год. — Текст: электронный // Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации: [сайт]. — URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8809> (дата обращения: 21.11.2025).
4. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2022 год. — Текст: электронный // Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации: [сайт]. — URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=7645> (дата обращения: 22.11.2025).
5. Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 285-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // СПС «Гарант». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/409394259/> (дата обращения: 22.11.2025).
6. Указ Президента Российской Федерации от 2 апреля 2025 г. № 205 «О совершенствовании государственного управления в сфере миграции» // СПС «Гарант». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411689093/> (дата обращения: 22.11.2025).
7. Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 260-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «Гарант». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ivo.garant.ru/#%2Fdocument%2F409493491%2Fparagraph%2F1%3A27> (дата обращения: 22.11.2025).

Ограничение свободы как вид наказания в уголовном праве России

Гнатышина Светлана Денисовна, студент магистратуры
Ульяновский государственный университет

Ограничение свободы является одним из институтов уголовного права, представляющим собой альтернативный вид наказания, не связанный с изоляцией осужденного от общества. В современных условиях развития уголовно-исполнительной системы данный вид наказания приобретает особую значимость в контексте гуманизации уголовной политики государства. Также наблюдается тенденция к расширению применения альтернативных мер наказания, что обусловлено необходимостью экономии бюджетных средств, что особенно актуально в условиях проведения специальной военной операции. Особую остроту приобретает проблема исполнения механизма контроля за осужденными к ограничению свободы. Подобная размытость правовых норм приводит к существенному снижению эффективности уголовно-правового воздействия ограничения свободы как вида наказания.

Ключевые слова: ограничение свободы, уголовное наказание, особенности использования ограничения свободы, уголовное право.

Restriction of freedom as a type of punishment in Russian criminal law

Gnatyshina Svetlana Denisovna, master's degree student
Ulyanovsk State University

«Restriction of liberty» is a criminal law institution constituting an alternative form of punishment that does not involve isolating the convicted person from society. As the penal system evolves, this type of punishment is gaining particular significance within the

context of the state's move toward a more humane criminal policy. There is also a trend toward the expanded use of alternative sanctions, driven by the need to conserve budget funds—a matter of particular relevance during the special military operation. The issue of implementing the monitoring mechanism for individuals sentenced to restriction of liberty has become particularly acute. Such ambiguity in legal provisions leads to a significant reduction in the effectiveness of restriction of liberty as a form of criminal punishment.

Keywords: *restriction of liberty, criminal punishment, specific aspects of the application of restriction of liberty, criminal law.*

В соответствии с ч. 7 ст. 16 УИК РФ наказание в виде ограничения свободы исполняется уголовно-исполнительной инспекцией по месту жительства осужденного. Специализированным государственным органом, осуществляющим надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы, является уголовно-исполнительная инспекция (ч. 1 ст. 47.1 УИК РФ).

В Инструкции по организации исполнения наказания в виде ограничения свободы, утвержденной приказом Минюста России от 11.10.2010 № 258 (далее — Инструкция № 258) [1], указано, что «инспекции готовят статистическую отчетность ФСИН России, информационно-аналитические и другие документы для территориальных органов уголовно-исполнительной системы (п. 3), взаимодействуют с органами местного самоуправления и социальными службами в решении вопросов оказания осужденным к ограничению свободы помощи в трудоустройстве, а также с медицинскими организациями, осуществляющими лечение больных наркоманией, с организациями, осуществляющими медицинскую реабилитацию больных наркоманией (п. 4), территориальные органы уголовно-исполнительной системы осуществляют организационно-методическое руководство, контроль за деятельностью инспекций и оказание им практической помощи (п. 5)».

Согласно ч. 1 ст. 47.1 УИК РФ, функции по осуществлению надзора за лицами, отбывающими наказание в виде ограничения свободы, возложены на уголовно-исполнительные инспекции. Интерес представляет трактовка термина «надзор», используемого в данной норме. В правовой доктрине существуют различные подходы к определению этой категории и разграничению понятий «надзора» и «контроля». Данной проблематике посвящены исследования таких авторов, как Ю. А. Андреева [2], И. А. Тереханов [5]. При этом законодательный подход демонстрирует тенденцию к отождествлению этих понятий. Однако, исходя из особенностей их практического применения, отождествление надзора и контроля представляется некорректным.

По нашему мнению, надзор характеризуется периодичностью проверок, соблюдения установленных требований по аналогии с прокурорским надзором. В свою очередь, контроль предполагает непрерывное наблюдение за объектом с целью своевременного выявления фактов неисполнения предписаний. Изучение механизма исполнения наказания в виде ограничения свободы показывает, что в отношении осужденного осуществляется именно контроль. Это особенно заметно при использовании технических средств мониторинга, которые, несмотря на их нормативное наименование как «средств надзора и кон-

троля», фактически обеспечивают круглосуточное наблюдение за поведением осужденного. Следовательно, деятельность уголовно-исполнительных инспекций по отношению к осужденным к ограничению свободы носит характер контроля за соблюдением ими установленных судом ограничений.

В соответствии с положениями уголовного законодательства предусмотрена возможность альтернативной замены обязательных и исправительных работ на наказание в виде ограничения свободы. При таком виде замены максимальная продолжительность ограничения свободы составляет один год. Стоит отметить, что ограничение свободы может быть заменено на более строгое наказание в случае злостного уклонения осужденного от его отбывания. Законодательством предусмотрена возможность замены ограничения свободы на лишение свободы. При этом срок лишения свободы при такой замене соответствует первоначально назначенному приговором суда сроку ограничения свободы. В ситуации, когда осужденный уже частично отбыл наказание в виде ограничения свободы, при последующей замене на лишение свободы применяется следующий принцип расчета: один день лишения свободы приравнивается к одному дню ранее отбытого ограничения свободы.

Ограничение свободы представляет собой комплекс мер, включающих установленные судом запреты и обязанности, которые осужденный должен неукоснительно соблюдать в течение назначенного срока. Контроль за исполнением этих требований осуществляет уголовно-исполнительная инспекция (УИИ), а за нарушение установленных правил предусмотрена юридическая ответственность. Процесс надзора за осужденным, отбывающим наказание в виде ограничения свободы, включает комплекс мероприятий, реализуемых УИИ в соответствии с УИП РФ и подзаконными актами. Данная деятельность направлена на: постоянный мониторинг поведения осужденного; проверку соблюдения установленных запретов; контроль выполнения возложенных обязанностей; применение предусмотренных законом мер воздействия при выявлении нарушений. Весь период контроля строго регламентирован судом и осуществляется в рамках, установленных законодательством. При этом УИИ уполномочена принимать необходимые меры реагирования в случае выявления нарушений со стороны осужденного [6]. Например, О. В. Боровикова отмечает, что «повышение эффективности исполнения наказания в виде ограничения свободы требует комплексного подхода, сочетающего современные технологии контроля с продуманной социальной политикой

в отношении осужденных» [3]. Верно отмечает А. В. Петрова, что «техническая составляющая заключается в формировании комплексной системы контроля, а не в простом использовании электронных устройств слежения» [4]. Данная система должна быть органично встроена в деятельность учреждений уголовно-исполнительной системы. Практика успешных территориальных органов демонстрирует эффективность комбинированного применения современных технологий. Использование GPS-навигации, биометрического распознавания личности и компьютеризированных систем регистрации даёт возможность значительно усилить надзор за осужденными при одновременном сокращении нагрузки на персонал инспекций.

Исполнение наказания в виде ограничения свободы характеризуется особым порядком, требующим постоянного контроля за осужденным со стороны уголовно-исполнительной инспекции. В современных условиях такой контроль осуществляется с помощью специальных технических устройств — электронных браслетов, которые осужденный обязан носить на протяжении всего периода отбывания наказания. Применение технических средств контроля сопряжено с рядом существенных проблем. Основные из них связаны с высокой стоимостью оборудования, а также с определённой правовой неопределённостью: при возникновении противоречий между свидетельскими показаниями и данными технических устройств суды зачастую отдадут предпочтение показаниям свидетелей. Законодатель предусмотрел особые меры реагирования на случаи злостного уклонения осужденного от отбывания наказания в виде ограничения свободы. В подобных ситуациях суд вправе заменить оставшуюся часть наказания на более строгие виды — принудительные работы или лишение свободы. При этом устанавливается следующий порядок зачёта: один день принудительных работ или лишения свободы соответствует двум дням ограничения свободы [7]. Важно отметить, что данная замена возможна независимо от того, предусмотрено ли соответствующее наказание санкцией статьи Особенной части УК РФ, по которой было назначено первоначальное наказание.

Существенным препятствием, детерминирующим неполную имплементацию наказания в виде ограничения свободы, выступает дефицит материально-технической базы, необходимой для осуществления эффективного надзора за лицами, отбывающими наказание. В условиях чрезмерной служебной нагрузки на персонал уго-

ловно-исполнительных инспекций, недостаточности бюджетного обеспечения, дефицита специализированного оборудования и современных систем мониторинга реализация надзорных полномочий существенно осложняется. При отсутствии надлежащей технической инфраструктуры сотрудники инспекций объективно не способны обеспечить непрерывный контроль за соблюдением установленных судом ограничений, включающих запрет на посещение массовых мероприятий, ограничение передвижения в ночное время и иные предписанные меры. Исследование нормативно-правовых положений гражданского законодательства в сфере деликтных обязательств свидетельствует о том, что привлечение лиц, отбывающих наказание в виде ограничения свободы, к гражданско-правовой ответственности за причинение вреда возможно исключительно при констатации следующих юридически значимых обстоятельств: фактическое наступление вреда; противоправный характер поведения осужденного; наличие причинно-следственной связи между противоправными действиями и наступившим вредом; доказанность вины осужденного в причинении вреда. В связи с этим для привлечения осужденного к имущественной ответственности уголовно-исполнительная инспекция обязана провести всестороннее расследование фактов повреждения, уничтожения или утраты технических средств надзора и контроля. Материалы расследования должны документально подтверждать наличие всех элементов состава гражданского правонарушения. Согласно положениям ст. 401 ГК РФ, вина причинителя вреда может выражаться в форме умысла или неосторожности.

При этом умысел характеризуется предвидением и желанием наступления вредных последствий либо сознательным их допущением, а неосторожность — отсутствием должной внимательности и предусмотрительности в конкретных обстоятельствах. Следует подчеркнуть, что действующее гражданское законодательство не дифференцирует обязанность по возмещению вреда в зависимости от формы вины правонарушителя. Таким образом, осужденный к ограничению свободы, причинивший материальный ущерб государству или юридическому лицу путем повреждения, уничтожения или утраты технических средств надзора и контроля в период отбывания наказания, обязан возместить причиненный вред независимо от формы вины. Особого внимания заслуживает правовой пробел в статье 58 УИК РФ, которая регламентирует ответственность за отказ от применения технических средств надзора и контроля, но не предусматривает санкции за их повреждение, уничтожение или утрату.

Литература:

1. Приказ Минюста России от 11.10.2010 № 258 (ред. от 02.11.2016) «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказания в виде ограничения свободы» (Зарегистрировано в Минюсте России 21.10.2010 № 18780) // Российская газета. — № 243. — 2010.
2. Андреева, Ю. А. Контроль и надзор: основные подходы к разграничению понятий / Ю. А. Андреева // Научный вестник Омской академии МВД России. — 2009. — № 1. — С. 55–60.

3. Боровикова, О. В. Правовое регулирование и особенности исполнения наказания в виде ограничения свободы / О. В. Боровикова // Вестник магистратуры. — 2025. — № 8 (167). — С. 97–100.
4. Петрова, А. В. Электронный мониторинг как средство контроля за осужденными: зарубежный опыт и перспективы в России / А. В. Петрова // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. — 2025. — № 2. — С. 18–25.
5. Тереханов, И. А. Подходы к трактовке понятий «Контроль» и «Надзор» в деятельности органов исполнительной власти Российской Федерации / И. А. Тереханов // Наука, образование и культура. — 2019. — № 6 (40). — С. 112–113.
6. Ходжалиев, С. А. Современное состояние практики назначения и исполнения уголовного наказания в виде ограничения свободы / С. А. Ходжалиев // Молодой ученый. — 2015. — № 17. — С. 386–389.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.2011 № 21 (ред. от 25.06.2024) О практике применения судами законодательства об исполнении приговора // Российская газета. — № 296. — 2011.

Соотношение ограничения свободы, условного осуждения и административного надзора

Гнатышина Светлана Денисовна, студент магистратуры
Ульяновский государственный университет

В современной правоприменительной практике одной из проблем является необходимость четкого разграничения между институтами административного надзора и ограничения свободы, а также определения их правовых последствий. Ситуация осложнилась после восстановления института административного надзора в 2011 году, что породило ряд вопросов у правоприменителей. Это обусловлено двумя основными факторами. Во-первых, оба института — административный надзор и ограничение свободы, как дополнительный вид наказания, направлены на регулирование поведения лиц, освобожденных из мест лишения свободы, то есть поднадзорных. Во-вторых, существует значительное сходство в характере ограничений, которые применяются как при ограничении свободы, так и при административном надзоре. Подобная размытость правовых норм приводит к существенному снижению эффективности уголовно-правового воздействия ограничения свободы как вида наказания.

Ключевые слова: ограничение свободы, уголовное наказание, административный надзор, уголовное право, закон.

The ratio of restriction of liberty, probation and administrative supervision

Gnatyshina Svetlana Denisovna, master's degree student
Ulyanovsk State University

In contemporary law enforcement practice, one of the challenges lies in the need to clearly distinguish between the legal mechanisms of administrative supervision and the restriction of liberty, as well as to define their respective legal consequences. The situation became more complex following the reintroduction of administrative supervision in 2011, a move that raised a number of questions among law enforcement practitioners. This is attributable to two primary factors. First, both measures—administrative supervision and the restriction of liberty (imposed as an additional penalty)—are designed to regulate the conduct of individuals released from places of detention (i.e., those subject to supervision). Secondly, there is a significant similarity in the nature of the restrictions applied under both the sentence of restriction of liberty and administrative supervision. Such ambiguity in legal provisions leads to a substantial reduction in the effectiveness of restriction of liberty as a form of criminal punishment.

Keywords: restriction of liberty, criminal punishment, administrative supervision, criminal law, law.

В уголовно-правовой доктрине часто отмечается определенное сходство между положениями ч. 5 ст. 73 Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) [1] об условном осуждении и ч. 1 ст. 53 УК РФ об ограничении свободы. Действительно, на первый взгляд может

показаться, что применяемые к осужденным меры весьма похожи: в обоих случаях речь идет о ряде схожих ограничений прав и свобод осужденных. Это касается неприкосновенности личности, частной жизни, жилища, свободы передвижения, права выбора места жительства, участия

в массовых мероприятиях. К таким ограничениям относятся: запреты на покидание места жительства в определенное время суток; посещение конкретных мест; определенные формы досуга, а также обязанность регулярной регистрации в уголовно-исполнительной инспекции (до четырех раз в месяц). Однако при более детальном анализе становится очевидной существенная разница в правовой природе этих институтов.

В ст. 53 УК РФ законодатель ограничивает конституционно-правовой статус как гражданина РФ. Это подразумевает определенное принуждение и сужение прав осужденного, что несет в себе карательный элемент. В то же время ч. 5 ст. 73 УК РФ возлагает на осужденного конкретные обязанности, которые он должен выполнять.

При условном осуждении акцент делается не на принуждении, а на предоставлении осужденному шанса доказать свое исправление и готовность к законопослушному поведению. Таким образом, хотя внешне меры могут казаться схожими, их правовая природа и цели существенно различаются: ограничение свободы носит карательный характер, а условное осуждение направлено на ресоциализацию осужденного.

Необходимо обратить внимание на фундаментальное различие между этими правовыми институтами. Ограничение свободы представляет собой самостоятельный вид уголовного наказания, тогда как условное осуждение является механизмом замены реального отбывания наказания на испытательный срок, предоставляющий осужденному шанс подтвердить своё исправление. Данное различие порождает и другие важные расхождения между этими мерами. Как отмечает А. К. Манна, «ключевое отличие заключается в преследуемых целях» [3]. Ограничение свободы применяется с целью правоограничения осужденного и предотвращения совершения им новых правонарушений. Это достигается благодаря постоянному контролю со стороны уголовно-исполнительной инспекции. Условное осуждение, напротив, направлено на создание условий для исправления осужденного. При условном осуждении инициатива и заинтересованность в исполнении возложенных обязанностей исходят непосредственно от самого осужденного, в то время как при ограничении свободы действует механизм принудительного контроля и надзора за поведением осужденного.

Существенное различие между этими правовыми институтами заключается в характере регулирования ограничений. В случае с ограничением свободы (ч. 1 ст. 53 УК РФ) перечень возможных ограничений строго определен и не подлежит расширению. В то же время при условном осуждении (ч. 5 ст. 73 УК РФ) суд обладает более широкими полномочиями и может дополнять базовый перечень обязанностей по своему усмотрению. Существенным является и различие в сфере применения данных мер. Ограничение свободы допустимо исключительно в отношении преступлений небольшой и средней тяжести. Условное осуждение же не связано катего-

рией преступления и может применяться даже при осуждении за тяжкие и особо тяжкие преступления, если назначенное наказание не превышает восьми лет лишения свободы. Характер наказания также существенно различается: ограничение свободы выступает как универсальный вид наказания, который может применяться как в качестве основного, так и дополнительного. Как справедливо отмечает Т. Ю. Кузьмина, что «условное осуждение, напротив, применимо только в сочетании с четырьмя видами наказания: исправительными работами, ограничением по военной службе, содержанием в дисциплинарной воинской части или лишением свободы сроком до восьми лет» [2].

Особого внимания заслуживает различие в круге лиц, к которым применимы эти меры. Ограничение свободы не может быть назначено военнослужащим, иностранным гражданам, лицам без гражданства и тем, кто не имеет постоянного места жительства в России. Условное осуждение имеет более широкий спектр применения, однако ограничено в применении в отношении определенных категорий лиц: инвалидов первой группы, беременных женщин, женщин с детьми до трех лет, а также некоторых категорий военнослужащих в соответствии с установленными законом ограничениями.

Согласно положениям ст. 74 УК РФ, условное осуждение обладает важным преимуществом — возможностью его досрочной отмены. Это происходит в случае, если осужденный своим поведением доказал исправление и полностью возместил причиненный потерпевшему вред. При этом с лица снимается судимость, что существенно отличается от иных видов наказания. Что касается ограничения свободы как меры уголовного наказания, оно характеризуется особым механизмом исполнения. Данный вид наказания предполагает постоянный надзор со стороны уголовно-исполнительной инспекции за поведением осужденного [4]. Для обеспечения эффективного контроля применяются специальные технические средства — электронные средства контроля. При условном осуждении данные технические меры контроля не предусмотрены, что отражает различный подход законодателя к реализации этих правовых институтов.

Кроме того, важно отметить принципиальное различие между ограничением свободы и условным осуждением. Ограничение свободы представляет собой самостоятельный вид уголовного наказания, тогда как условное осуждение является лишь особым порядком исполнения других видов наказания. Условное осуждение применяется в тех случаях, когда суд приходит к выводу о возможности исправления осужденного без реального отбывания наказания. В течение испытательного срока осужденный получает возможность доказать своё исправление посредством законопослушного поведения. При нарушении условий испытательного срока происходит не замена наказания (как в случае с нарушением ограничений при ограничении свободы), а направление

осуждённого для реального отбывания назначенного наказания. Это существенное отличие подчёркивает самостоятельный характер ограничения свободы как вида наказания в отличие от условного осуждения, которое выступает лишь формой исполнения других видов наказания.

Рассмотрим пример судебной практики. Так, «Советский районный суд города Томска 10 августа 2020 года вынес приговор в отношении гражданина ФИО1, признав его виновным в совершении преступления, предусмотренного частью 1 статьи 228 Уголовного кодекса Российской Федерации. В качестве наказания было назначено 1 год лишения свободы условно с испытательным сроком 3 года, при этом на осуждённого были возложены определённые обязанности. Впоследствии испытательный срок был продлён на 1 месяц из-за неисполнения ФИО1 возложенных на него судом обязанностей. Однако, осуждённый продолжил нарушать условия испытательного срока: он не являлся на регистрацию в инспекцию и не прошёл обязательное медицинское обследование. На основании представления руководителя филиала по Томскому району ФКУ УИИ УФСИН России по Томской области суд принял решение об отмене условного осуждения. В результате назначенное приговором наказание было приведено в исполнение. Апелляционная жалоба ФИО1 на решение суда первой инстанции была отклонена, и приговор остался без изменений» [5]. Несмотря на определённое внешнее сходство между ограничением свободы и условным осуждением, эти правовые институты имеют принципиально различную правовую природу и не могут рассматриваться как тождественные. Каждое из этих наказаний выполняет свои уникальные функции в системе уголовного право-

судия и регулируется особыми процедурами применения и исполнения.

Таким образом, сравнительный анализ ограничения свободы и условного осуждения позволяет сделать ряд важных выводов о существенном различии этих правовых институтов. Правовая природа данных мер принципиально различается. Ограничение свободы является самостоятельным видом уголовного наказания с карательной составляющей, тогда как условное осуждение представляет собой механизм замены реального отбывания наказания испытательным сроком. Целевое назначение этих институтов также существенно отличается.

Таким образом, важно подчеркнуть существенную разницу в правовом регулировании последствий уклонения от административного надзора и от отбывания ограничения свободы. Данные деяния влекут наступление уголовной ответственности, однако по принципиально различным правовым основаниям. Разграничение уголовной ответственности за указанные правонарушения обусловлено фундаментальными отличиями между самими институтами административного надзора и ограничения свободы. Эти различия проявляются не только в правовой природе данных мер, но и в характере возникающих правовых последствий. Законодатель обоснованно закрепил ответственность за уклонение от отбывания ограничения свободы и за уклонение от административного надзора в отдельных статьях УК РФ. Это решение представляется оправданным с точки зрения как теории права, так и практики правоприменения. Подобное разграничение позволяет более точно квалифицировать деяния, учитывать специфику каждого института и обеспечивать справедливое применение мер уголовной ответственности.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Российская газета. — 1996. — № 118; 2026. — № 180–181.
2. Кузьмина, Т. Ю. Соотношение ограничения свободы с условным осуждением / Т. Ю. Кузьмина // Вестник СГЮА. — 2014. — № 6 (101). — С. 187–194.
3. Манна, А. К. Сущность и содержание наказания в виде ограничения свободы / А. К. Манна // Вестник РУДН, серия Юридические науки. — 2014. — № 3. — С. 88–93.
4. Рахматулин, З. Р. Некоторые вопросы соотношения ограничения свободы и иных мер воздействия, применяемых к лицам, совершившим преступление / З. Р. Рахматулин // Эпоха науки. — 2017. — № 10. — С. 41–47.
5. Апелляционное постановление Томского областного суда от 09 августа 2021 года по делу № 22–1810/2021. Судебные и нормативные акты РФ. — Текст: электронный // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ObtJwrJTxBxv/>. (Дата обращения: 06.09.2026).

Понятие и правовые основы договорных отношений при реализации сложных ИТ-проектов

Грищенко Мария Юрьевна, студент магистратуры

Уральский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Екатеринбург)

В статье рассматриваются правовые основы договорных отношений, возникающих при реализации сложных ИТ-проектов.

Ключевые слова: ИТ-проект, программное обеспечение, смешанный договор, подряд, авторский заказ, интеллектуальные права, техническое задание.

Цифровизация предпринимательской деятельности сопровождается ростом числа проектов по разработке, внедрению и модернизации программного обеспечения и информационных систем. Такие проекты нередко включают обследование бизнес-процессов заказчика, разработку программного обеспечения, интеграцию информационных систем, перенос данных, тестирование, обучение пользователей и последующее сопровождение.

Российское законодательство не содержит самостоятельного понятия «сложный ИТ-проект» и не предусматривает специального поименованного договора для его реализации. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» определяет информационные технологии и информационную систему, однако специальной договорной конструкции для отношений по их созданию и внедрению не устанавливает [2].

Для целей гражданско-правового исследования **под сложным ИТ-проектом предлагается понимать совокупность взаимосвязанных работ, услуг и иных юридически значимых действий, направленных на создание, внедрение, адаптацию или существенную модернизацию программного обеспечения либо информационной системы и характеризующихся многоэтапностью, множественностью результатов и взаимозависимостью обязательств участников.**

Особенность таких проектов заключается в том, что достижение единой экономической цели обеспечивается исполнением обязательств различной правовой природы. В связи с этим определение применимого правового режима зависит прежде всего от содержания конкретных обязанностей исполнителя.

Правовой основой данных отношений выступает принцип свободы договора, установленный ст. 421 Гражданского кодекса Российской Федерации. Стороны вправе заключать предусмотренные и не предусмотренные законом договоры, а также смешанные договоры, содержащие элементы различных договорных конструкций [1].

Данный подход подтверждается судебным толкованием. В п. 47 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49 указано, что при квалификации договора необходимо учитывать существо регулируемых обязательств и признаки соответствующих договорных

конструкций независимо от используемого сторонами наименования [3].

Следовательно, наименование «договор разработки программного обеспечения», «договор внедрения информационной системы» или «договор оказания ИТ-услуг» само по себе не определяет его гражданско-правовую природу.

Если исполнитель обязуется создать конкретный результат, характеристики которого определены договором и могут быть проверены при приемке, отношения обладают признаками договора подряда. Согласно ст. 702 ГК РФ подрядчик обязуется выполнить по заданию заказчика определенную работу и передать ее результат. Если же обязательство заключается преимущественно в совершении определенной деятельности, например консультировании, администрировании или техническом сопровождении, применимы положения о возмездном оказании услуг, предусмотренные ст. 779 ГК РФ [1].

Разработка программного обеспечения одновременно затрагивает отношения в сфере интеллектуальной собственности. Согласно ст. 1261 ГК РФ программа для ЭВМ охраняется авторским правом как литературное произведение [1]. По этой причине правовая квалификация договора разработки не может ограничиваться только положениями о подряде или услугах.

В юридической литературе отсутствует единый подход к определению правовой природы договора создания программного обеспечения. Б. Е. Семенюта считает необоснованным его отнесение исключительно к договорам подрядного типа и рассматривает договор на создание программы для ЭВМ по заказу как разновидность авторского заказа [5]. Такой подход связан со ст. 1288 ГК РФ, предусматривающей обязанность автора создать обусловленное договором произведение.

Другой подход отражен в исследовании А. Р. Муратовой и А. М. Багаутдиновой, посвященном договору на разработку веб-сайта. Авторы рассматривают возможность его смешанной квалификации, поскольку отношения могут одновременно содержать элементы подряда и распоряжения исключительными правами [6].

Комплексный характер договорных отношений в сфере программного обеспечения отмечается также А. И. Савельевым, рассматривающим создание и коммерциали-

зацию программных продуктов через систему отношений между разработчиком, заказчиком и пользователем [4].

Одновременно в современной доктрине представлены предложения о специальном регулировании ИТ-договоров. Так, С. А. Митькова связывает необходимость выделения договора в сфере информационных технологий с отсутствием единообразного подхода к правовой квалификации соответствующих отношений [7].

Представляется, однако, что применительно к **сложному ИТ-проекту** введение единого договорного типа полностью проблему квалификации не разрешает. В рамках одного проекта могут одновременно осуществляться разработка программного обеспечения, его интеграция, предоставление прав использования, обучение пользователей и техническое сопровождение. Перечисленные обязательства имеют различное содержание и регулируются различными гражданско-правовыми нормами.

В связи с этим сложный ИТ-проект целесообразно рассматривать как **договорный комплекс**, в котором различные по своей правовой природе обязательства объединяются общей экономической и технологической целью.

Правовым инструментом оформления такого комплекса может являться смешанный договор, предусмотренный п. 3 ст. 421 ГК РФ. При этом к отдельным элементам смешанного договора применяются правила о договорах, элементы которых он содержит, если иное не следует из соглашения сторон или существа отношений [1].

Для проектов, в которых конкретный объем будущих работ определяется постепенно, применима также конструкция рамочного договора. В соответствии со ст. 429.1 ГК РФ такой договор определяет общие условия обязательственных отношений сторон, которые впоследствии могут конкретизироваться посредством отдельных соглашений, заявок или иным согласованным способом [1].

Применительно к ИТ-проекту рамочный договор может закреплять общий порядок взаимодействия сторон, стоимость или порядок ее определения, правила приемки, ответственность и распределение интеллектуальных прав, тогда как конкретный объем разработки определяется в технических заданиях.

Отдельное значение имеет регулирование прав на создаваемое программное обеспечение. Согласно ст. 1296 ГК РФ исключительное право на программу для ЭВМ, созданную по договору, предметом которого являлось ее создание, по общему правилу принадлежит заказчику, если

стороны не предусмотрели иное. Если произведение создано при исполнении договора, который непосредственно не предусматривал его создание, применяется ст. 1297 ГК РФ, устанавливающая иное распределение исключительных прав [1].

Следовательно, правовой режим созданного программного продукта определяется не только фактом его создания при исполнении договора, но и содержанием первоначально принятого исполнителем обязательства. Данное обстоятельство обуславливает необходимость самостоятельного регулирования интеллектуальных прав в договорах реализации ИТ-проектов.

Существенное значение для определения содержания обязательства имеет техническое задание. Согласно ст. 432 ГК РФ стороны должны достичь соглашения относительно предмета договора [1]. В отношениях по разработке программного обеспечения техническое задание конкретизирует функциональные характеристики создаваемого результата, состав работ и критерии его приемки.

Для сложного ИТ-проекта необходимо учитывать, что требования к информационной системе могут изменяться или уточняться в процессе исполнения договора, поэтому договорное регулирование должно охватывать не только первоначальный объем требований, но и порядок их изменения. Это позволяет разграничить ненадлежащее исполнение первоначального обязательства и возникновение нового требования заказчика, влекущего изменение объема, стоимости или сроков работ.

Таким образом, действующее российское законодательство регулирует отношения при реализации сложных ИТ-проектов посредством совокупности норм обязательственного и интеллектуального права. Их правовая квалификация должна осуществляться исходя из фактического содержания обязательств сторон, а не из формального наименования заключенного договора.

На основании проведенного анализа предлагается рассматривать сложный ИТ-проект не как самостоятельный договорный тип, а как договорный комплекс — систему различных по гражданско-правовой природе, но функционально взаимосвязанных обязательств, объединенных единой экономической и технологической целью. Такой подход позволяет учитывать специфику разработки и внедрения информационных систем при сохранении существующей системы гражданско-правовых договоров.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации: часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ; часть вторая от 26.01.1996 № 14-ФЗ; часть четвертая от 18.12.2006 № 230-ФЗ.
2. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».
3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора».
4. Савельев А. И. Правовые аспекты разработки и коммерциализации программного обеспечения. — М.: Статут, 2024.

5. Семенюта Б. Е. О правовой природе договора на создание программы для ЭВМ по заказу // Труды Института государства и права Российской академии наук. — 2012. — № 4. — С. 112–121.
6. Муратова А. Р., Багаутдинова А. М. К вопросу о правовой природе договора на разработку веб-сайта // Вестник Костромского государственного университета. — 2018. — Т. 24. — № 4. — С. 290–295.
7. Митькова С. А. Актуальные вопросы квалификации договора подряда в сфере IT // Вопросы российской юстиции. — 2025. — № 37.

Классификация угроз правового обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних

Ермолаев Кирилл Юрьевич, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

Актуальность темы обусловлена возрастанием информационных рисков для несовершеннолетних в цифровой среде. В работе выделены основные группы таких угроз: кибербуллинг, вовлечение в деструктивные интернет-сообщества, склонение к противоправным действиям экстремистской направленности, а также иные формы негативного воздействия. На основе анализа положений Конституции РФ, федеральных законов № 124-ФЗ, № 436-ФЗ, № 489-ФЗ, норм УК РФ и КоАП РФ показаны пробелы правового обеспечения защиты детей от вредоносной информации. Автором обоснована необходимость введения самостоятельного состава правонарушения за кибербуллинг и усиления ответственности за вовлечение несовершеннолетних в деструктивные сообщества, что позволит повысить эффективность противодействия рассмотренным угрозам.

Ключевые слова: информационная безопасность, несовершеннолетние, кибербуллинг, деструктивные сообщества, Интернет, правовое регулирование, защита детей.

В современных условиях цифровизации возрастают риски негативного информационного воздействия на личность, особенно на детей и подростков, чья психика и социальные установки еще не сформированы. Согласно ч. 4 ст. 67.1 Конституции РФ дети являются важнейшим приоритетом государственной политики, а государство обязано создавать условия для их всестороннего развития и защиты от вредоносного влияния [1].

Одним из ключевых направлений государственной политики, согласно п. 10 Указа Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809 (ред. от 04.03.2026) «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [7], является работа с молодежью, направленная на сохранение традиционных ценностей и противодействие деструктивному информационному воздействию. Значимую роль в этом процессе играет институт семьи, однако в условиях массового использования несовершеннолетними сети Интернет родительский контроль не всегда эффективен. Всестороннее развитие детей — физическое, нравственное, интеллектуальное и духовное — находится в центре внимания государственной политики страны, которая уделяет подрастающему поколению особое внимание.

В связи с этим обеспечение информационной безопасности несовершеннолетних приобретает особую актуальность. Только заблаговременно принятые защитные меры могут обеспечить полноценное развитие личности ребенка, поскольку глобальная сеть содержит различные

угрозы: от психологического и физического вреда до рисков утечки и искажения информации.

В настоящее время положение и роль несовершеннолетних в обществе обуславливают то, что государство уделяет повышенное внимание вопросам защиты информационного пространства. В российском законодательстве существует ряд нормативно-правовых актов, направленных на защиту и создание условий для развития детей и молодежи в стране. Помимо Конституции РФ, к таким актам относятся: Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» от 24.07.1998 г. № 124-ФЗ (ред. от 20.02.2026) [4]; Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации» от 30.12.2020 г. № 489-ФЗ (ред. от 04.08.2026) [6]; Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ (ред. от 29.12.2025) [5] и др.

Рассмотрим вышеперечисленные законы. Все три закона действуют во взаимосвязи и образуют своего рода «триаду» подходов, направленных на формирование комплексной системы поддержки детей и молодежи государством. Полноценное развитие несовершеннолетнего невозможно без решения сопутствующих задач: защиты от вредной информации (Закон № 436-ФЗ), создания правовых и социальных гарантий (Закон № 124-ФЗ) и системной работы с молодежью (Закон № 489-ФЗ). Вместе они формируют правовой каркас сферы детства и юности в стране.

С учетом этого необходимо более детально рассмотреть конкретные виды угроз, с которыми может столкнуться несовершеннолетний пользователь сети Интернет. Их перечень можно представить в следующем виде:

1. **Интернет-травля (кибербуллинг).** Кибербуллинг направлен на дискредитацию и унижение несовершеннолетнего посредством интернет-ресурсов, а также на принуждение его к совершению конкретных поступков, например, к отказу от посещения учебного заведения. По существу, данное явление представляет собой целенаправленные действия в цифровом пространстве. Исследование, проведенное среди учащихся старших классов, показывает, что каждый второй подросток становился жертвой кибербуллинга, а основной площадкой травли стали социальные сети. Мотивы интернет-агрессии: развлечение (35 %), месть (31 %), раздражение (25 %) [9], [12]. Кибербуллинг может выражаться в угрозах, оскорблениях, распространении клеветнической информации, изоляции пользователя в рамках отдельных интернет-сообществ (например, групп школьного класса в социальных сетях), а также преследовании (сталкинге) и сексуальных домогательствах (харассменте) [11].

2. **Вовлечение в деструктивные сообщества.** Определенные лица целенаправленно склоняют подростков к участию в интернет-сообществах, деятельность которых связана с противоправными или безнравственными поступками. Негативные последствия подобных действий могут затрагивать как окружающих — родителей, друзей, одноклассников, — так и самого несовершеннолетнего. Речь идет о целенаправленной манипулятивной деятельности, конечной целью которой является вовлечение молодого человека в совершение деяний преступного либо аморального характера. Примером такой деятельности является вовлечение несовершеннолетних в так называемые «группы смерти», где через выполнение заданий «кураторов», сопряженных с риском для жизни, подростков привлекали к участию в «многоуровневых играх» [10].

3. Конечной целью подобных сообществ является **принуждение молодых людей к совершению заранее спланированных противоправных действий.** Таким образом, сеть превращается в инструмент формирования криминальной среды, в которую намеренно вовлекаются дети и подростки. Их организаторы целенаправленно привлекают несовершеннолетних пользователей, после чего применяют различные методы воздействия: манипуляции, шантаж и угрозы. К таким деяниям относятся действия, направленные на подрыв государственной безопасности, на разжигание ненависти и вражды в обществе.

4. Существуют также другие категории угроз в сети Интернет, к которым относятся разнообразные действия, направленные против несовершеннолетних пользователей. Такие действия, не относясь к вышеперечисленным группам, тем не менее наносят определённый негативный ущерб детям и подросткам. К ним, в частности, можно от-

нести распространение порнографических материалов, пропаганду наркотических средств, кибермошенничество, а также нарушение конфиденциальности персональных данных. Ответственность за подобные деяния предусмотрена ст. 159 УК РФ [2], ст. 242.1 УК РФ, ст. 6.13 КоАП РФ [3], иными нормами.

Среди проблем, с которыми сталкивается государство при создании эффективной системы информационной безопасности несовершеннолетних в сети Интернет, следует выделить следующие:

1. **Проблемы в установлении личности Интернет-преступников.** Интернет-пространство в настоящее время характеризуется достаточно высокой степенью обезличенности участников. Именно этот фактор нередко становится ключевым условием для вовлечения в незаконную деятельность других лиц, в частности несовершеннолетних.

Законодательство, регламентирующее функционирование сети Интернет, не устанавливает обязанности пользователей регистрироваться в различных сообществах, социальных сетях, сайтах, сервисах электронной почты и иных программах для взаимодействия под своими настоящими именами, не требует верификации личности (кроме отдельных случаев, обусловленных политикой социальных сетей и хостингов), а также не ограничивает пользователя в создании аккаунтов.

2. **Отсутствие должного родительского контроля за деятельностью несовершеннолетних пользователей в сети Интернет.** Современный ритм и образ жизни во многом обусловили то, что глобальная сеть превратилась в одно из главных средств организации свободного времени детей и подростков. При этом нормы права возлагают на родителей ответственность за гармоничное развитие, воспитание и охрану интересов несовершеннолетних, что предполагает и ограждение их от нежелательного контента в онлайн-пространстве. Таким образом, несмотря на популярность интернета среди молодого поколения, законодательство не снимает с родителей обязанности контролировать характер его использования [8].

3. **Организационные и правовые сложности.** Несмотря на наличие законодательства (например, Закона № 436-ФЗ), возникают проблемы с эффективностью его реализации. К ним относятся: необходимость постоянного мониторинга и адаптации мер к новым угрозам, недостаточная координация между различными субъектами (государством, родителями, образовательными организациями, ИТ-компаниями), пробелы в правоприменении.

Эффективное противодействие данным угрозам невозможно без участия всех заинтересованных субъектов — органов власти, родителей, школ и гражданского общества. Наряду с этим необходимо развивать правовую систему и внедрять современные технологические инструменты обеспечения безопасности. Важную роль играет формирование у детей и окружающих их взрослых устойчивых навыков осознанного поведения в цифровой среде. Таким образом, решение существующих проблем

возможно лишь через реализацию многоуровневой и согласованной системы мер.

Своевременное обнаружение и устранение угроз в информационном пространстве требует от государственных структур более широкого применения цифровых инструментов. В первую очередь речь идет об онлайн-сообществах, пропагандирующих экстремистские действия, а также о материалах, вовлекающих подростков в протестные движения. Мониторинг интернет-среды с целью выявления факторов, провоцирующих противоправную активность у несовершеннолетних, должен стать приоритетным направлением деятельности властей.

Вместе с тем в большинстве регионов России в правоохранительных органах отсутствуют единые программные продукты, способные решать задачи по мониторингу социальных сетей. Например, в Оренбургской области сотрудники Центра по противодействию экстремизму пользуются бесплатными программами поиска противоправного контента в социальных сетях «хантеры». В то же время в МВД России по Республике Татарстан активно используется автоматизированная система круглосуточного мониторинга и сбора данных из сети Интернет «Демон Лапласа» [13], которая позволяет получать и анализировать информацию из социальных сетей, а также выявлять лиц, причастных к террористической и экстремистской деятельности, пропаганде радикальных религиозных идеологий, торговле наркотиками, сбыту фальшивых

денег. Такая система ежегодно обходится бюджету почти в 1,5 млн руб., и для многих дотационных субъектов России приобретение такого программного обеспечения невозможно. Разработка собственного программного обеспечения позволит обеспечить информационную безопасность при сокращении финансовых затрат.

Таким образом, классификация информационных угроз, стоящих перед несовершеннолетними в сети Интернет, включает четыре основные категории. Первая — кибербуллинг, направленный на принуждение, дискредитацию и унижение несовершеннолетнего через цифровые каналы; по данным исследований, жертвой кибербуллинга становится каждый второй подросток, а основными площадками выступают социальные сети. Вторая угроза — вовлечение в деструктивные сообщества («группы смерти»), где целенаправленная манипулятивная деятельность кураторов приводит подростков к совершению действий, сопряженных с риском для жизни. Третья — принуждение к противоправным действиям, направленным на подрыв государственной безопасности, разжигание ненависти и вражды. Четвертая — иные категории угроз, наносящие негативный ущерб, но не подпадающие под первые три вида, но требующие правового реагирования. Предложенная классификация позволяет разграничивать меры защиты в зависимости от характера и степени общественной опасности информационного воздействия.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принятая всенар. голосованием 12 декабря 1993 г., с изм., одобрен. в ходе общеросс. голосования 1 июля 2020 г., с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, с учетом Федеральных конституционных законов о принятии в Российскую Федерацию и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов — Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области, Херсонской области от 4 октября 2022 г. № 5-ФКЗ, № 6-ФКЗ, № 7-ФКЗ, № 8-ФКЗ) // РГ. — 1993. — № 237. — Декабрь; 2009. № 1, ст. 1; ст. 2; 2014. № 6, Ст. 548; № 30 (часть I), ст. 4202; № 31, ст. 4398; 2020. № 11, ст. 1416; 2022. № 41, ст. 6930; ст. 6931; ст. 6932; ст. 6933.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954; 2026. № 32. Ст. 4497.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 26.07.2026) // СЗ РФ. 2002. № 1 (часть 1). Ст. 1; 2026. № 30. Ст. 4094
4. Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» от 24.07.1998 г. № 124-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3802; 2026. № 8. Ст. 771.
5. Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 48; 2025. № 52 (часть I). Ст. 8356.
6. Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации» от 30.12.2020 г. № 489-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // СЗ РФ. 2021. № 1 (часть I). Ст. 28; 2026. № 32. Ст. 4508
7. Указ Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809 (ред. от 04.03.2026) «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СЗ РФ. 2022. № 46. Ст. 7977; 2026. № 10. Ст. 1127.
8. Басова А. В. Охрана половой неприкосновенности несовершеннолетних в сети «Интернет»: поиск решения проблем // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. №. 4 (104). С. 51–64.
9. Власенко, М. С. Обеспечение информационной безопасности несовершеннолетних в сети интернет: Современное состояние и совершенствование правового регулирования // Вестник Волжского ун-та им. В. Н. Татищева. 2019. Тои 1. № 3. С. 98–105.

10. Диденко Ю. В., Федорова Е. А. Проблемы «групп смерти» в социальных сетях и их уголовно-правовое решение // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2025. №. 5–2 (104). С. 165–172.
11. Евстифеева, Е. П. Способы совершения кибербуллинга как элемент криминалистической характеристики // Научный портал МВД России. 2025. №. 1 (69). С. 96–101.
12. Соколова Д. В. Агрессия в интернете: распространение кибербуллинга среди российских подростков // Медиа-скоп. 2017. № 2. С. 11.
13. Проект «Демон Лапласа». URL: <http://protestonline.ru/?ysclid=l9jss2x7 tt4076 21143>.

Доведение до самоубийства несовершеннолетнего лица путем жестокого обращения

Жилина Елизавета Сергеевна, студент магистратуры
Забайкальский государственный университет (г. Чита)

В данной статье исследуется актуальная проблема правовой квалификации доведения до самоубийства несовершеннолетних путем жестокого обращения. Целью работы является выявление сущностных характеристик жестокого обращения и его отграничение от смежных составов преступлений через призму судебной практики и теоретических концепций уголовного права.

Ключевые слова: доведение до самоубийства, несовершеннолетние, жестокое обращение, суицид, угрозы, унижение человеческого достоинства, психологическое насилие, физическое насилие, кибербуллинг, буллинг.

Проблема суицидального поведения несовершеннолетних приобрела в современной России особую остроту. В 2024 году в стране зафиксировано 735 случаев суицида среди несовершеннолетних, за первые полгода 2025 года — уже 395. Подростки часто совершают попытки самоубийства из-за проблем в семье, сложных отношений с окружающими или криминального влияния. Число самоубийств детей и подростков в 2024 году выросло на 8,4 % в сравнении с предыдущим годом и на 28,3 % — в сравнении с 2021 годом [4].

Доведение до самоубийства несовершеннолетнего лица путем жестокого обращения представляет собой одну из наиболее опасных форм преступного посягательства на права и интересы детей. Жестокое обращение создает длительную психотравмирующую ситуацию, которая может привести к срыву адаптационных механизмов личности несовершеннолетнего и реализации суицидальных действий. Данное преступление характеризуется повышенной общественной опасностью, поскольку посягает на наиболее уязвимую категорию лиц — детей и подростков с несформировавшейся психикой, не способных в полной мере противостоять давлению со стороны социума.

Изучая закон и судебную практику, можно выделить следующие основные формы жестокого обращения с несовершеннолетними:

- 1) физическое насилие;
- 2) психическое (эмоциональное) насилие;
- 3) пренебрежение основными потребностями ребенка;
- 4) сексуальное насилие.

Одной из основных проблем применения норм о преступлениях, связанных с жестоким обращением с несовершеннолетними, является отсутствие легального опре-

деления этого понятия. Ни Уголовный кодекс РФ, ни другие нормативные акты не содержат четкой дефиниции жестокого обращения, что создает трудности для правоприменителя.

Само по себе понятие «жестокое обращение» является оценочным и включает различные формы насилия: физическое (побои, причинение вреда здоровью, истязание); психическое (угрозы, систематические оскорбления, унижение личного достоинства); пренебрежение основными потребностями ребенка (лишение питания, одежды, жилья, медицинской помощи); применение недопустимых способов воспитания.

Жестокое обращение, как правило, носит систематический характер, представляя собой определенную линию поведения по отношению к несовершеннолетнему, хотя в отдельных случаях возможна квалификация и при разовых действиях особой жестокости.

Доведение до самоубийства путем жестокого обращения, особенно в форме группового буллинга — сложное для доказывания преступление. Причина состоит в том, что данный состав преступления имеет свои особенности в объективной и субъективной стороне, кроме того, на этапе расследования возникают практические трудности со сбором доказательств.

Буллинг как социальное явление представляет собой систематическую агрессию группы лиц в отношении жертвы (включает физическое, социальное и психологическое насилие). Особенно распространенной его формой является буллинг в школе, когда в отношении несовершеннолетнего обучающегося осуществляется систематическая травля со стороны сверстников или более старших лиц. Такая форма нередко может довести обучающегося,

в отношении которого осуществляется буллинг, до совершения самоубийства.

И часто бывает, что стороны, принимавшие активное участие в буллинге, не несут никакой ответственности. Как верно отмечают Л. Х. Кудакаева и А. М. Антонова, ключевая проблема в этой ситуации — установление причинно-следственной связи. То есть главной и наиболее сложной задачей для следствия является доказывание прямой причинно-следственной связи между действиями обвиняемого и решением потерпевшего покончить с жизнью. Следователям необходимо установить, что именно угрозы, жестокое обращение или систематическое унижение достоинства привели несовершеннолетнего в состояние такого отчаяния, когда суицид стал для него единственным выходом [3].

Возникают также трудности в установлении умысла виновных лиц. В большинстве случаев речь идет о косвенном умысле: виновные осознают общественную опасность своих действий, то есть подталкивают человека к суициду, но напрямую не желают наступления таких последствий, а лишь допускают наступление такого события. Поскольку чаще всего в групповом буллинге роли между участниками распределены, следует смотреть на активность каждого из них и выявлять особо активных.

Как правило, виновные начинают отрицать свою вину и утверждать, что они не желали довести потерпевшего до самоубийства. При таком раскладе доказать вину без весомых доказательств — наличия переписки с угрозами (все чаще характерной причиной суицидальных мыслей и поведения становится так называемый кибербуллинг, то есть запугивание и травля с использованием цифровых технологий, онлайн-атака), видео-, аудиозаписи, демонстрирующей травлю, — становится практически невозможно [5].

Говоря в общем, причины совершения самоубийств лежат в социальной плоскости, к ним относятся проблемы в семье, неустойчивость детской психики, особенно это видно, когда на лицо воздействует не одно, а сразу несколько лиц. Часто специалисты предлагают проведение работы воспитательного, психологического и социального характера для противодействия данным явлениям [4].

Второй из наиболее дискуссионных проблем правоприменения при расследовании преступлений, связанных с доведением до самоубийства, является вопрос разграничения статей 105, 110.1, 110.2 и 151.2 УК РФ, а также проблема квалификации по совокупности с другими уголовно-правовыми составами.

Основная сложность заключается в разграничении объективной стороны. Жестокое обращение при доведении до самоубийства может выражаться в систематическом нанесении побоев, истязании, лишении пищи, воды,

Данные действия одновременно подпадают под признаки преступлений против здоровья (ст. 111, 112, 115 УК РФ) либо истязания (ст. 117 УК РФ).

Как верно подмечает Г. Н. Борзенков, «для вменения ст. 110 УК РФ необходимо, чтобы жестокое обращение было не просто сопутствующим обстоятельством, а именно причиной, приведшей к решению потерпевшего свести счеты с жизнью» [1, с. 161]. Если же умысел виновного изначально был направлен исключительно на причинение физических страданий (например, из садистских побуждений, ст. 117 УК РФ) и лишь затем виновный, воспользовавшись состоянием жертвы, доводит ее до самоубийства, содеянное представляет собой идеальную совокупность. Доказать наличие у виновного хотя бы косвенного умысла доведения до самоубийства при таких обстоятельствах крайне сложно.

Применительно к несовершеннолетним потерпевшим проблема усугубляется дополнительными составами. Жестокое обращение с несовершеннолетним часто сопряжено с неисполнением обязанностей по воспитанию. Возникает вопрос о соотношении ст. 110, 151.2 и 156 УК РФ.

В ст. 151.2 УК РФ законодатель добавил формулировку «...при отсутствии признаков склонения к совершению самоубийства...», но критерии, по которым производится разграничение ст. 110 и 151.2 УК РФ, не определены. Если проанализировать субъективную сторону деяния по ст. 151.2 УК РФ, то становится ясно, что направление умысла у виновного совершенно иное — отличное от умысла при доведении до самоубийства. В этом случае он умышленно совершает действия по стимулированию появления у несовершеннолетнего желания, например, пройтись по краю высотного здания или пробежать перед близко проезжающей машиной, а также иных действий, неудачный исход которых может привести к смерти [6, с. 373].

По мнению ряда авторов, ст. 156 УК РФ является специальной нормой по отношению к жестокому обращению, если субъект преступления — лицо, обязанное воспитывать ребенка. Однако если жестокое обращение привело к самоубийству, применению подлежит более тяжкий состав (ст. 110 УК РФ) и дополнительная квалификация по ст. 156 УК РФ не требуется, так как жестокое обращение полностью охватывается диспозицией ст. 110 УК РФ. Другая точка зрения, высказанная в комментариях к УК РФ под редакцией В. М. Лебедева, гласит, что если халатное отношение к воспитанию выражалось в действиях, подпадающих под признаки истязания или причинения вреда здоровью, то содеянное требует квалификации по совокупности преступлений, поскольку объект посягательства (общественные отношения по обеспечению нормального развития и воспитания) не совпадает с объектом преступления против жизни [2, с. 164].

Литература:

1. Борзенков Г. Н. Преступления против жизни и здоровья: закон и правоприменительная практика: учебно-практическое пособие / Г. Н. Борзенков. — Москва: Зерцало-М, 2013. — 256 с.

2. Комментарий к Уголовному кодексу РФ в 4 т. Том 2. Особенная часть. Разделы VII–VIII / отв. редактор В. М. Лебедев. — Москва: Юрайт, 2026. — 371 с.
3. Кудакеева Л. Х. Проблемы доведения до самоубийства / Л. Х. Кудакеева, А. М. Антонова // Научный Лидер. — 2025. — № 46 (247). — URL: <https://scilead.ru/article/10321-problemi-dovedeniya-do-samoubijstva> (дата обращения: 14.03.2026).
4. Майер А. За первую половину 2025 года в России 395 подростков совершили суицид / А. Майер, В. Ларченко, Г. Недогибченко // Ведомости. — 2025. — 14 авг. — URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2025/08/14/1131401-za-pervuyu-polovinu-2025-goda-v-rossii-395-podrostkov-sovershili-suitsid> (дата обращения: 13.09.2026).
5. Плыс А. С. Доведение до самоубийства несовершеннолетних и беспомощных: проблемы правоприменения / А. С. Плыс // Молодой ученый. — 2022. — № 13 (408). — С. 233–236.
6. Семенцова И. А. Проблемы уголовной ответственности за деяния, направленные на доведение до самоубийства через интернет / И. А. Семенцова, Е. А. Федорова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. — Юридические науки. — 2023. — № 2. — С. 372–378.
7. Сидорова Е. З. К вопросу разграничения смежных составов преступлений, связанных с побуждением к совершению самоубийства / Е. З. Сидорова // Век качества. — 2021. — № 1. — С. 140–152.

Обман как способ мошенничества

Кирпичев Николай Андреевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Клоченко Лариса Николаевна, кандидат юридических наук,
кандидат филологических наук, доцент
Российский новый университет (г. Москва)

В статье исследуется обман как способ мошенничества и его причинная связь с передачей имущества или права на него. Цель исследования состоит в уточнении критериев, позволяющих разграничить мошеннический обман, добросовестное заблуждение заявителя и ошибочное решение уполномоченного органа. На основе анализа статьи 159 УК РФ, разъяснений Верховного Суда Российской Федерации и правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации показано, что для квалификации необходимо установить влияние созданного виновным заблуждения на имущественное решение. Предложено закрепить в примечаниях к статье 159 УК РФ определение обмана, отражающее эту причинную связь.

Ключевые слова: мошенничество, обман, причинная связь, волеизъявление потерпевшего, передача имущества, ошибка уполномоченного органа, умысел.

Deception as a Method of Fraud

Kirpichev Nikolay Andreevich, master's degree student

Scientific advisor: Klochenko Larisa Nikolaevna, candidate of law, candidate of philology, associate professor
Russian New University (Moscow)

The article examines deception as a method of fraud and its causal link to the transfer of property or a right to property. The study aims to clarify criteria for distinguishing fraudulent deception from a bona fide mistake by an applicant and from an erroneous decision of a competent public authority. Analysis of Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation and the positions of the Supreme Court and the Constitutional Court shows that qualification requires proof that the misconception created by the offender influenced the property-related decision. The author proposes a statutory definition of deception reflecting this causal link.

Keywords: fraud, deception, causation, victim's will, transfer of property, error of a competent authority, intent.

Мошенничество относится к числу преступлений, при квалификации которых существенное значение имеет не только имущественный результат, но и способ его достижения. В соответствии с частью первой статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации мошенничество представляет собой хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем об-

мана или злоупотребления доверием [10]. Поэтому установлению подлежит связь между поведением виновного, возникшим у владельца имущества или иного лица заблуждением и последующим имущественным распоряжением.

На практике наличие такой связи не всегда очевидно. Факт выплаты, налогового вычета, кредита, субсидии или

иногое имущественного предоставления, впоследствии признанного необоснованным, сам по себе не подтверждает обман. Ошибка государственного органа, банка или иной организации может быть обусловлена неполным исследованием документов, неверным толкованием применимой нормы либо недостатками внутренней проверки. В этих случаях значение имеют содержание представленных сведений, осведомленность заявителя об их недостоверности и фактическое влияние его поведения на решение о распоряжении имуществом.

В научной литературе обман рассматривается как самостоятельный уголовно-правовой способ поведения. Б. А. Биняминов связывает его уголовно-правовое значение с необходимостью определенного понимания содержания данной категории [1, с. 116]. Ю. Ю. Малышева рассматривает обман как основной способ совершения мошенничества и ставит вопрос о точном определении его признаков [3, с. 154]. Д. О. Теплова характеризует обман как сознательное введение другого лица в заблуждение относительно значимых обстоятельств и рассматривает формы такого воздействия [9, с. 20].

Проблема имеет значение и при отграничении мошенничества от иных имущественных конфликтов. С. М. Кочои, анализируя практику квалификации, указывает на недопустимость подмены гражданско-правового спора уголовным преследованием [2, с. 59]. Т. Г. Оганесян исследует критерии, по которым определяется связь вменяемого мошенничества со сферой предпринимательской деятельности [5, с. 107]. Эти положения показывают, что уголовно-правовая оценка должна опираться на конкретный механизм обмана и обстоятельства возникновения умысла, а не только на конечный факт имущественного получения.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении от 30 ноября 2017 г. № 48 разъяснил, что обман может выражаться в сознательном сообщении заведомо ложных сведений, умолчании об истинных фактах либо иных умышленных действиях, направленных на введение владельца имущества или другого лица в заблуждение [7, п. 2]. В пункте 1 этого Постановления указано, что при мошенничестве именно под воздействием обмана или злоупотребления доверием владелец имущества либо иное лицо передает имущество или право на него либо не препятствует их изъятию или приобретению [7, п. 1]. Поэтому для квалификации существенна роль созданного заблуждения в принятии имущественного решения.

М. М. Савченко, рассматривая мошенничество в сфере кредитования, связывает правильную квалификацию с установлением объективных и субъективных признаков преступления [8, с. 35]. Сам факт выдачи кредита, выплаты либо иного предоставления и последующее признание соответствующего решения необоснованным не заменяют доказывания умышленного обмана. Необходимо учитывать, какие сведения сообщило лицо, знало ли оно об их недостоверности и был ли его умысел направлен на получение чужого имущества или права на него.

В типичной модели мошеннического обмана можно выделить несколько связанных этапов. Лицо сообщает ложные сведения, умалчивает об истинных фактах либо совершает иные умышленные действия; у владельца имущества или уполномоченного лица формируется ошибочное представление о значимых обстоятельствах; под влиянием этого представления принимается решение о передаче имущества, перечислении денежных средств, оформлении права либо ином имущественном предоставлении. Именно влияние созданного заблуждения на такое решение придает обману значение способа мошенничества.

Если один из названных элементов отсутствует, уголовно-правовая оценка меняется. Обман не обуславливает передачу имущества, когда лицо, принимающее решение, не восприняло ложные сведения, знало об их недостоверности либо руководствовалось самостоятельными основаниями. Сходная ситуация возникает, когда представленные документы содержали сведения, достаточные для законного отказа, однако сотрудник органа дал им неправильную правовую оценку. Тогда требуется разграничить поведение заявителя и ошибку лица, проводившего проверку.

В рассматриваемой модели мошеннического обмана причинная связь реализуется через волеизъявление лица, распоряжающегося имуществом. Передача внешне носит добровольный характер, однако решение сформировано под влиянием заблуждения, созданного виновным. Если же должностное лицо ошибочно применило закон при наличии полной и достоверной информации, его волеизъявление не искажено поведением заявителя. Такое обстоятельство само по себе не позволяет признать получение имущества результатом мошеннического обмана.

При оценке спорных ситуаций необходимо различать фактические сведения и их юридическую оценку. Фактические сведения относятся к событиям и обстоятельствам объективной действительности; в рассматриваемых ситуациях они, в частности, отражаются в представляемых документах. Юридическая оценка представляет собой вывод о наличии права, применимой нормы, порядке расчета или толковании установленного условия. Поэтому ошибочное утверждение заявителя о наличии у него права не всегда тождественно сообщению ложного факта. Если представлены достоверные исходные документы, а разногласие связано с их правовой оценкой, последующее признание решения органа ошибочным само по себе не свидетельствует о мошенничестве.

Принципиальное значение для рассматриваемой проблемы имеет Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22 июля 2020 г. № 38-П [6]. Поводом для рассмотрения дела стало привлечение гражданина к уголовной ответственности в связи с получением имущественного налогового вычета при приобретении жилья с использованием бюджетных средств. Налогоплательщик представил декларации и документы, раскрывавшие источник финансирования, однако налоговый орган отказал в вычете, хотя представленные материалы позволяли отказать в нем.

Конституционный Суд Российской Федерации указал на необходимость устанавливать объективные и субъективные признаки хищения во взаимосвязи с нормами, регулирующими предоставление соответствующего имущественного блага. Обращение за налоговым вычетом не содержит объективных признаков мошенничества, когда заявитель представил необходимые и достаточные для правильного решения документы без признаков подделки или подлога и не совершал иных намеренных действий, специально направленных на создание условий для ошибки налогового органа [6]. При таких обстоятельствах ошибочное предоставление вычета не может само по себе заменять доказательство обмана.

П. С. Яни также обращается к конституционному пониманию обмана при квалификации преступлений, совершаемых обманным способом [11, с. 29]. Изложенный подход позволяет разграничить отсутствие материального права на получение имущественного блага и доказанное воздействие на волю лица, принимающего решение.

По мнению автора, критерии, сформулированные Конституционным Судом Российской Федерации применительно к имущественному налоговому вычету [6], могут использоваться как ориентир при оценке других ситуаций, в которых решение о предоставлении имущества принимается после проверки документов. Такой подход не означает автоматического распространения выводов Суда на иные правоотношения: в каждом случае необходимо учитывать обязанности заявителя, содержание представленных сведений и установленный порядок принятия решения.

При уголовно-правовой оценке необходимо прежде всего установить содержание представленных заявителем сведений и объем возложенной на него обязанности по раскрытию соответствующих обстоятельств. Существенное значение имеют также осведомленность лица о недостоверности сообщенной информации и совершение им действий, способных воспрепятствовать ее проверке. После установления этих обстоятельств подлежит оценке влияние созданного заблуждения на решение о передаче имущества или предоставлении имущественного права.

Общее определение обмана применительно к нормам о мошенничестве в УК РФ отсутствует, а его признаки раскрываются в разъяснениях Верховного Суда Российской Федерации и конституционно-судебной практике. Мошеннический обман приобретает уголовно-правовое значение при умышленном создании заблуждения, способного повлиять на имущественное распоряжение.

Предлагается дополнить примечания к статье 159 УК РФ положением следующего содержания: «Под обманом в статьях 159, 159.1–159.3 и 159.5 настоящего Кодекса понимаются сознательное сообщение заведомо ложных сведений, умолчание об истинных фактах либо иные умышленные действия, направленные на введение владельца имущества или иного лица в заблуждение относительно

обстоятельств, имеющих значение для принятия решения о передаче имущества или права на него либо о препятствовании их изъятию или приобретению. При оконченном мошенничестве должна быть установлена причинная связь между возникшим вследствие такого обмана заблуждением и соответствующим имущественным распоряжением. Само по себе обращение лица в государственный или иной уполномоченный орган для разрешения вопроса о наличии права на выплату, вычет либо иное имущественное предоставление не может рассматриваться как обман, если заявитель представил предусмотренные законом достоверные документы, достаточные при обычной внимательности и осмотрительности для правильного разрешения вопроса, и не совершал иных умышленных действий (бездействия), специально направленных на создание условий для принятия ошибочного решения».

Включение статьи 159.3 УК РФ в предлагаемую дефиницию основано на системном толковании этой нормы во взаимосвязи со статьей 159 УК РФ: пункт 1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 48 относит предусмотренное статьей 159.3 мошенничество к составам, при которых способами хищения являются обман или злоупотребление доверием [7, п. 1].

В научной литературе представлена и иная позиция. Ю. Ю. Малышева рассматривает обман как способ совершения мошенничества в сфере компьютерной информации и обосновывает необходимость его специального понимания применительно к статье 159.6 УК РФ [4, с. 126]. Вместе с тем действующие разъяснения Верховного Суда Российской Федерации позволяют разграничить воздействие на компьютерную систему и воздействие посредством ложной информации непосредственно на волю человека.

Статья 159.6 УК РФ в предлагаемую дефиницию не включена сознательно. В пункте 20 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 48 мошенничество в сфере компьютерной информации связывается с целенаправленным воздействием на программные и (или) программно-аппаратные средства, нарушающим установленный процесс обработки, хранения или передачи компьютерной информации [7, п. 20]. Если же хищение совершается путем распространения заведомо ложных сведений в информационно-телекоммуникационных сетях и заблуждение формируется у человека, пункт 21 Постановления предписывает квалифицировать содеянное по статье 159, а не по статье 159.6 УК РФ [7, п. 21].

Предлагаемая дефиниция позволяет отделить случаи, когда имущественное решение вызвано умышленным введением в заблуждение, от ситуаций, в которых причиной предоставления стала ошибка уполномоченного органа. При этом ответственность сохраняется, если заявитель сознательно искажает фактические обстоятельства, умалчивает о подлежащих раскрытию фактах либо умышленно препятствует проверке представленных сведений.

Литература:

1. Биняминов, Б. А. Обман как способ совершения преступления в уголовном праве России / Б. А. Биняминов // Закон и право. — 2022. — № 5. — С. 116–119.
2. Кочои, С. М. Мошенничество: теория и практика квалификации / С. М. Кочои // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Т. 15. — № 9 (118). — С. 59–66. — DOI 10.17803/1994-1471.2020.118.9.059-066.
3. Малышева, Ю. Ю. Об обмане как основном способе совершения мошенничества по уголовному праву России: история и современность / Ю. Ю. Малышева // Образование и право. — 2018. — № 7. — С. 154–157.
4. Малышева, Ю. Ю. Обман как способ совершения мошенничества в сфере компьютерной информации / Ю. Ю. Малышева // Право и государство: теория и практика. — 2018. — № 9. — С. 126–128.
5. Оганесян, Т. Г. Определение сферы предпринимательской деятельности как признака мошенничества / Т. Г. Оганесян // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. — 2022. — № 1. — С. 107–121.
6. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22 июля 2020 г. № 38-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М. А. Литвинова» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (ред. от 15 декабря 2022 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
8. Савченко, М. М. Квалификация мошенничества в сфере кредитования / М. М. Савченко // Российский следователь. — 2022. — № 11. — С. 35–39.
9. Теплова, Д. О. Обман как способ совершения мошенничества: понятие и формы / Д. О. Теплова // Российский следователь. — 2012. — № 22. — С. 20–23.
10. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 26 июля 2026 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
11. Яни, П. С. Конституционное понимание обмана и его значение для квалификации «обманных» преступлений / П. С. Яни // Законность. — 2025. — № 7. — С. 29–33.

Уголовная ответственность управляющей организации в российской федерации: проблемы правоприменения и направления реформирования законодательства

Курьянов Александр Викторович, студент магистратуры
Сургутский государственный университет

Статья посвящена анализу уголовно-правовых механизмов противодействия правонарушениям, совершаемым управляющими организациями в сфере жилищно-коммунального хозяйства. Рассмотрены составы преступлений, наиболее часто вменяемые руководителям управляющих организаций (мошенничество, присвоение и растрата, злоупотребление полномочиями, причинение имущественного ущерба путём обмана или злоупотребления доверием), а также проблема отсутствия института уголовной ответственности юридических лиц в российском праве. На основе анализа судебной практики выявлены системные проблемы правоприменения: сложность разграничения уголовной, административной и гражданско-правовой ответственности, латентность хищений денежных средств собственников помещений, недостаточная прозрачность расчётов управляющих организаций с ресурсоснабжающими организациями. По итогам исследования сформулированы предложения по реформированию законодательства, направленные на повышение прозрачности деятельности управляющих и ресурсоснабжающих организаций, включая введение специального состава преступления, усиление контроля за целевым расходованием средств и развитие механизмов обязательного цифрового раскрытия информации в ГИС ЖКХ.

Ключевые слова: управляющая организация, уголовная ответственность, жилищно-коммунальное хозяйство, присвоение и растрата, злоупотребление полномочиями, ресурсоснабжающая организация, прозрачность, реформирование законодательства, ГИС ЖКХ.

Сфера жилищно-коммунального хозяйства (далее — ЖКХ) остаётся одной из наиболее конфликтных областей имущественных отношений в Российской Федерации. Управляющие организации аккумулируют

значительные денежные средства собственников помещений многоквартирных домов, распоряжаются ими в интересах третьих лиц (подрядчиков, ресурсоснабжающих организаций), при этом уровень фактического кон-

троля со стороны собственников и государства долгое время оставался невысоким. Следствием такой ситуации является устойчивый массив уголовных дел, возбуждаемых в отношении руководителей управляющих организаций по фактам хищения, злоупотребления полномочиями и халатного отношения к обязанностям по содержанию общего имущества.

Актуальность темы обусловлена несколькими обстоятельствами. Во-первых, действующее уголовное законодательство России [1] не предусматривает института уголовной ответственности юридических лиц, вследствие чего управляющая организация как таковая не может быть привлечена к уголовной ответственности — ответственность несут исключительно физические лица, выполняющие управленческие функции [15]. Во-вторых, существует конкуренция норм уголовного и административного права (в частности, ст. 7.23.3 КоАП РФ [2]), что порождает неоднозначную правоприменительную практику [16]. В-третьих, в 2025–2026 гг. законодатель принял ряд шагов по повышению прозрачности деятельности управляющих организаций (стандартизация отчётности, реформа лицензирования) [4, 5], однако вопрос об уголовно-правовых последствиях недостоверного раскрытия информации остаётся неурегулированным.

Российское уголовное законодательство [1] не содержит специального состава преступления, посвящённого исключительно правонарушениям управляющих организаций. Ответственность руководителей и иных лиц, выполняющих управленческие функции, наступает по общим нормам главы 21 («Преступления против собственности») и главы 23 («Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях») УК РФ [1].

Наиболее распространённым составом является присвоение или растрата (ст. 160 УК РФ [1]) — хищение имущества, вверенного виновному, совершённое путём противоправного и безвозмездного обращения денежных средств собственников в свою пользу либо в пользу третьих лиц. Как разъяснено в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 [8], для присвоения и растраты характерно то, что имущество находится в правомерном владении виновного в силу его служебного положения. Применительно к управляющим организациям это означает, что денежные средства, поступающие от собственников в качестве платы за жилищно-коммунальные услуги, признаются вверенным имуществом, а их нецелевое расходование директором или иным уполномоченным лицом квалифицируется по ст. 160 УК РФ, зачастую с квалифицирующим признаком «с использованием служебного положения» (ч. 3 ст. 160 УК РФ). Судебная практика подтверждает устойчивость такой квалификации — судами регулярно выносятся обвинительные приговоры по ч. 3 ст. 160 УК РФ в отношении руководителей управляющих организаций и товариществ собственников жилья, присвоивших денежные средства, собранные на содержание и ремонт общего имущества.

Наряду с присвоением и растратой применяется ст. 159 УК РФ (мошенничество) [1, 8] — когда денежные средства собственников изымаются посредством обмана, например путём предоставления недостоверных отчётов о выполненных работах.

Статья 201 УК РФ («Злоупотребление полномочиями») [1] применяется, когда руководитель управляющей организации использует свои полномочия вопреки законным интересам организации и собственников помещений, преследуя цель извлечения выгоды для себя или третьих лиц, что причиняет существенный вред. Типичным примером является заключение заведомо невыгодных договоров с аффилированными подрядными организациями по завышенным ценам. Согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 [7], субъектом данного преступления признаётся лицо, постоянно, временно либо по специальному полномочию выполняющее организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции, что прямо охватывает руководителей управляющих организаций как коммерческих юридических лиц.

Отдельную группу образуют составы, связанные с причинением вреда жизни и здоровью вследствие ненадлежащего содержания общего имущества (ч. 2, 3 ст. 238, ст. 109, 118 УК РФ [1]), а также с неисполнением вступившего в силу судебного акта (ст. 315 УК РФ [1]) — при систематическом уклонении от исполнения предписаний контролирующих органов и решений судов о взыскании задолженности.

Ключевой системной особенностью российского уголовного права является принцип личной (персональной) ответственности: субъектом преступления может быть только физическое лицо [1, 15]. Управляющая организация как юридическое лицо не может быть привлечена к уголовной ответственности — уголовное преследование затрагивает только конкретных должностных лиц (директора, главного бухгалтера, иных лиц, фактически распоряжавшихся средствами). Это создаёт возможность для минимизации рисков посредством смены номинальных руководителей, а сама организация продолжает деятельность и вправе повторно получать лицензию либо переводить дома под управление аффилированной структуры.

В доктрине дискуссия о целесообразности введения мер уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц ведётся довольно продолжительное время [15]. Соответствующий законопроект даже был внесен в Государственную Думу (№ 750443–6 от 23.03.2015) [17], но был снят в связи с отзывом субъектом права законодательной инициативы. Официальный отзыв Правительства РФ на данный законопроект указывал, что он требует дополнительного всестороннего обсуждения и теоретического обоснования, поэтому не получил поддержки в представленной редакции. Применительно к ЖКХ это представляется существенным пробелом: административная ответственность (ст. 7.23.3 КоАП РФ [2]) и гражданско-правовые механизмы не всегда обеспечивают

соразмерное сдерживающее воздействие при систематическом характере нарушений.

Практическую сложность представляет отграничение уголовно наказуемого присвоения (ст. 160 УК РФ [1]) от административного правонарушения, предусмотренного ст. 7.23.3 КоАП РФ [2] («Нарушение правил осуществления предпринимательской деятельности по управлению многоквартирными домами»). Критерием разграничения выступает наличие корыстного мотива и умысла на безвозмездное изъятие имущества в свою пользу: если денежные средства израсходованы нецелевым образом, но в интересах управления домом (например, направлены на погашение задолженности по другому дому в рамках «котлового» способа расчётов), правоприменительная практика чаще квалифицирует такие действия как нарушение договорных обязательств либо административное правонарушение, а не хищение. Однако данный критерий не формализован на уровне закона, что приводит к разнородной квалификации сходных фактических обстоятельств [13, 14].

Значительная часть конфликтов возникает из-за неполной или несвоевременной передачи управляющими организациями средств, собранных с потребителей, ресурсоснабжающим организациям. При «котловом» методе расчётов управляющая организация временно владеет всей поступившей суммой, что создаёт условия для формирования задолженности при отсутствии признаков хищения, поскольку умысел на безвозмездное изъятие средств доказать затруднительно [16]. Переход на прямые расчёты собственников с ресурсоснабжающими организациями, допускаемый Жилищным кодексом РФ [3], снижает эти риски, но применяется не повсеместно.

Анализ опубликованных судебных актов показывает устойчивую тенденцию: большинство обвинительных приговоров по делам, связанным с деятельностью управляющих организаций, выносятся по ч. 3 ст. 160 УК РФ, при этом типичным наказанием выступает штраф либо условное лишение свободы с испытательным сроком — практика применения ст. 73 УК РФ к лицам без судимости, возместившим ущерб [9, 10, 11, 12]. Такая мягкость наказания снижает превентивный эффект уголовного преследования и не создаёт достаточных стимулов для добросовестного поведения иных участников рынка.

Законодатель в последние годы предпринял ряд мер по повышению прозрачности управляющих организаций вне рамок уголовного права. Федеральным законом от 07.06.2025 № 125-ФЗ [4] установлена обязанность раскрывать в ГИС ЖКХ стандартизированную форму годового отчёта с указанием сумм полученных и израсходованных средств и сведений об экономии либо перерасходе. Федеральным законом от 15.10.2025 № 375-ФЗ [5] реформирован порядок лицензирования: решения передаются органам жилищного надзора без лицензионной комиссии, введён реестр квалификационных аттестатов, а постановлением Правительства РФ № 1040 [6] предусмотрена проверка связанных лиц на предмет истории банкротств аф-

филированных организаций. Эти меры создают основу для выявления признаков преступлений, но не устанавливают уголовно-правовых последствий за представление в ГИС ЖКХ заведомо недостоверных сведений, что оставляет пробел в регулировании.

На основе проведённого анализа представляется целесообразным сформулировать следующие предложения, направленные на устранение выявленных пробелов и повышение прозрачности деятельности управляющих и ресурсоснабжающих организаций.

1. Дополнить главу 22 УК РФ [1] специальной нормой об ответственности за внесение в государственную информационную систему жилищно-коммунального хозяйства заведомо недостоверных сведений об объёме и расходовании денежных средств собственников помещений, если это деяние повлекло причинение крупного ущерба либо было сопряжено с извлечением дохода в крупном размере — по аналогии с существующими составами, предусматривающими ответственность за представление недостоверной отчётности в иных регулируемых сферах. Это позволит распространить уголовно-правовую охрану непосредственно на достоверность цифрового раскрытия информации, введённого Федеральным законом № 125-ФЗ [4], и снизить риск формального (фиктивного) исполнения новых требований к отчётности.

2. Внести в примечания к ст. 160 УК РФ [1] уточняющее положение о том, что для целей квалификации присвоения и растраты денежные средства, поступившие управляющей организации от собственников помещений в качестве платы за содержание жилого помещения и коммунальные услуги, во всех случаях признаются вверженным имуществом независимо от применяемого способа расчётов (в том числе при «котловом» методе), что устраним неопределённость при разграничении хищения и гражданско-правового нарушения обязательств.

3. Рассмотреть введение в отношении юридических лиц — управляющих и ресурсоснабжающих организаций — мер уголовно-правового характера имущественного содержания (судебный штраф, налагаемый на организацию, либо лишение права заниматься определённой деятельностью на срок до трёх лет), назначаемых по итогам вступившего в силу приговора в отношении её руководителя, если преступление совершено в интересах организации. Такая модель не требует пересмотра принципа личной уголовной ответственности, но вводит дополнительное сдерживающее воздействие на организацию, включая упрощённое аннулирование лицензии при вступившем в силу обвинительном приговоре её руководителя.

4. Закрепить обязательность обособленного банковского счёта для средств собственников помещений с автоматическим направлением части поступлений ресурсоснабжающим организациям пропорционально начисленным объёмам — по аналогии со специальными счётами капитального ремонта (ст. 175–177 ЖК РФ [3]).

Это снизит риски нецелевого расходования средств и упростит доказывание умысла на присвоение при выявлении отклонений.

5. Установить обязанность органов жилищного надзора направлять материалы о существенных расхождениях между данными ГИС ЖКХ и фактическим состоянием расчётов с ресурсоснабжающими организациями в органы предварительного расследования как самостоятельное основание для доследственной проверки, используя цифровую инфраструктуру закона № 125-ФЗ [4] не только для информирования собственников, но и для раннего выявления признаков преступлений.

6. Для единообразия правоприменения целесообразно принятие Верховным Судом РФ отдельного постановления Пленума либо обзора практики по квалификации преступлений в сфере управления многоквартирными домами, с разъяснением критериев разграничения хищения (ст. 159, 160 УК РФ), злоупотребления полномочиями (ст. 201 УК РФ) и административных правонарушений (ст. 7.23.3 КоАП РФ) [1, 2], поскольку разъяснения Пленума 2009 и 2017 гг. [7, 8] касаются общих составов и не учитывают отраслевую специфику ЖКХ.

Действующее уголовное законодательство России формально располагает достаточным набором составов (ст. 159, 160, 165, 201, 238 УК РФ [1]) для противодействия противоправному поведению лиц, управляющих многоквартирными домами. Вместе с тем правоприменение сталкивается с системными трудностями: невозможностью привлечения к ответственности самой управляющей организации как юридического лица [15], неопределённостью критериев разграничения уголовной и административной ответственности [13, 14], сохраняющейся непрозрачностью расчётов при «котловом» методе. Меры 2025–2026 гг. по стандартизации отчётности и реформированию лицензирования создают информационную основу для решения этих проблем, но должны быть дополнены точечными изменениями уголовного законодательства: специальным составом за фальсификацию отчётности в ГИС ЖКХ, уточнением признаков вверенного имущества и введением имущественных мер воздействия на организацию наряду с ответственностью её руководителя. Это способно повысить прозрачность деятельности управляющих и ресурсоснабжающих организаций и снизить латентность преступлений в данной сфере.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 26.07.2026) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон от 07.06.2025 № 125-ФЗ «О внесении изменений в Жилищный кодекс Российской Федерации и статьи 19 и 24 Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Федеральный закон от 15.10.2025 № 375-ФЗ «О внесении изменений в Жилищный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Постановление Правительства РФ от 31.07.2024 № 1040 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 28 октября 2014 г. № 1110» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 12.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 2.
9. Приговор Вязниковского городского суда Владимирской области от 16.12.2025 по уголовному делу // УИД 33RS0006–01–2025–002577–02.
10. Апелляционное определение Пермского краевого суда от 19.02.2026 по уголовному делу // УИД 59RS0004–01–2025–007476–87.
11. Апелляционное определение Тульского областного суда от 02.03.2026 по уголовному делу // УИД 71RS0028–01–2025–001566–46.
12. Апелляционное определение Омского областного суда от 12.03.2026 по уголовному делу // УИД 55RS0001–02–2025–000764–62.
13. Белоус И. А. К вопросу о криминализации нецелевого расходования денежных средств в сфере управления многоквартирными домами // Дневники науки. 2024. № 2.
14. Быстрова Ю. В. Анализ судебно-следственной практики привлечения руководителей управляющих компаний к уголовной ответственности в сфере жилищно-коммунального хозяйства // Ex jure. 2020. № 2. С. 108–116.
15. Дьяконова Д. И. К вопросу об уголовной ответственности юридических лиц // Вопросы российской юстиции. 2023. № 24. С. 364–371.

16. Романовская М. Н. Предмет хищений в сфере деятельности по управлению многоквартирными домами // Право и государство: теория и практика. 2017. № 2. С. 144–148.
17. Законопроект № 750443–6 [Электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/750443-6#bh_histras (дата обращения: 25.08.2026).

Банкротство гражданина. Судебная и внесудебная процедуры

Магасумов Ильгис Зиннатович, студент
Челябинский государственный университет

В данной статье рассматривается банкротство граждан, которая становится все более актуальной в условиях экономической нестабильности и роста долговой нагрузки населения. В работе анализируются правовые аспекты процедуры банкротства. Рассматриваются виды и особенности данной процедуры. Особое внимание уделяется изменениям в законодательстве, касающимся банкротства граждан.

Ключевые слова: несостоятельность, процедура банкротства, законодательство о банкротстве.

Personal bankruptcy. Judicial and extrajudicial procedures

This article examines personal bankruptcy, which is becoming increasingly relevant in the context of economic instability and rising debt burdens on the population. The work analyzes the legal aspects of the bankruptcy procedure, as well as the types and features of this process. Special attention is given to changes in legislation related to personal bankruptcy.

Keywords: insolvency, bankruptcy procedure, bankruptcy legislation.

Исторические особенности развития права в России явились объективными причинами, в силу которых в России XVIII столетия не было сформировавшегося в современном слове института банкротства, а действовавшие нормы о финансовой несостоятельности должников носили бессистемный характер. Об этом свидетельствует анализ таких древнейших источников права, как Русская правда, Псковская судная грамота, Судебники 1497 и 1550 гг., Соборное уложение 1649 г., закрепившие зачатки норм о несостоятельности.

Сам термин «банкротство» появился в российском праве значительно позднее, чем термин «несостоятельность». В толковом словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой банкротство — это «несостоятельность, сопровождающаяся прекращением платежей по долговым обязательствам» [1]. Согласно словарю И. В. Даля, несостоятельность есть «неустойка», «банкротство» [2]. Словарь современного русского литературного языка дает следующее определение «банкротства»: «...положение банкрота, неплатежеспособность частного лица или предприятия» [3]. Таким образом, приведенные определения выражают особенность лингвистического подхода к вопросу соотношения понятий «банкротство» и «несостоятельность»: традиционно принято отождествлять эти понятия. Поэтому можно считать, что это слова-синонимы.

В настоящее время несостоятельность (банкротство) регулирует Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». В статье 2 данного Федерального закона приведено основное определение не-

состоятельности (банкротства), в котором говорится, что несостоятельность (банкротство) — это признанная арбитражным судом или наступившая в результате завершения процедуры внесудебного банкротства гражданина неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей.

Широкое распространение и относительная доступность потребительского кредитования привели к тому, что многие граждане, не рассчитав свои финансовые возможности, особенно пенсионеры, либо просто недостаточно хорошо разбираясь в договорных кредитных конструкциях, реализуемых коммерческими банками, оказались в ситуации неспособности выполнения своих финансовых обязательств.

Для граждан, которые не могут исполнить свои денежные обязательства в установленный срок, существуют процедуры судебного и внесудебного банкротства граждан.

Судебное банкротство — это процедура, при которой гражданин обращается за признанием себя банкротом в Арбитражный суд. Суд назначает арбитражного управляющего, который должен контролировать весь процесс и распоряжаться финансами должника.

Гражданин в судебном порядке может быть признан банкротом при наличии следующих условий: он не в состоянии исполнить денежные обязательства в установленный срок; очевидны признаки его неплатежеспособ-

ности и недостаточности имущества; долг составляет не менее чем 500 000 рублей и погашение которого не исполнено в течение 3-х месяцев с даты, когда он должен быть исполнен.

Более подробно рассмотрим второй вариант банкротства, так как этот вариант на сегодняшний день является актуальным и что немало важно, процедура проходит в упрощенном порядке бесплатно, чем заинтересует многих неплатежеспособных граждан.

Внесудебное банкротство — это упрощенная процедура банкротства физических лиц, не требующая обращения в суд. Процедура введена в сентябре 2020 года. Регулируется Федеральным законом от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» и статьями 223.2–223 [7].

Федеральным законом от 4 августа 2023 г. № 474-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты РФ» внесены изменения в Закон о банкротстве, которые расширяют основания применения процедуры внесудебного банкротства граждан. Также Федеральным законом от 23 мая 2025 г. № 111-ФЗ «О внесении изменений в статьи 213.25 и 223.2 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» внесены изменения в Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», предусматривающие применение процедуры банкротства гражданами, принимающими (принимавшими) участие в специальной военной операции.

Особенности данной процедуры в том, что отсутствует арбитражный управляющий, не нужно обращаться к платным специалистам, сумма долга от 25000 до 1000000 рублей, процедура бесплатная и долги списываются через 6 месяцев после публикации в едином федеральном реестре сведений о банкротстве. Заявление подается в многофункциональном центре предоставления государственных и муниципальных услуг по месту жительства или месту пребывания.

Для данной процедуры есть определенные категории граждан, которые могут подать на банкротство:

1) граждане с окончанным исполнительным производством и не имеющих других неоконченных или прекращенных исполнительных производств;

2) пенсионеры, основным доходом которых являются пенсионные выплаты и участники специальной военной операции;

3) получатели ежемесячного пособия в связи с рождением и воспитанием ребёнка;

4) должник, у которого имеется предъявленный исполнительный документ к исполнению 7 лет назад.

Граждане 2 и 3 категории должны иметь исполнительный документ, выданный не позднее 1 года до даты обращения и у них должно отсутствовать имущество, на которое может быть обращено взыскание. Сведения о кредиторах и обязательствах указываются в соответствии с приложением № 1 к Приказу Минэкономразвития № 530 от 05.08.2015. Гражданин не освобождается от исполнения обязательств перед кредиторами, сведения о которых не были указаны. Все сведения о процедуре, включая персональные данные гражданина, публикуются в открытом доступе.

По истечении шести месяцев со дня включения сведений о возбуждении процедуры внесудебного банкротства гражданина в Единый федеральный реестр сведений о банкротстве завершается процедура внесудебного банкротства гражданина и такой гражданин освобождается от дальнейшего исполнения требований кредиторов, указанных им в заявлении о признании его банкротом во внесудебном порядке, с учетом общего размера денежных обязательств и обязанностей по уплате обязательных платежей.

Таким образом, банкротство гражданина во внесудебном порядке имеет отличительные особенности, которые свидетельствуют о простоте обращения. Главной из схожих черт как судебной, так и внесудебной процедур банкротства физических лиц, является их направленность на их финансовое оздоровление, способное обеспечить социальную реабилитацию должника. На текущий момент банкротство физического лица возможно в судебном и внесудебном порядке. Выбор варианта зависит от положения гражданина.

Литература:

1. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М., 2003. С. 36.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 4. М., 1999. С. 536.
3. Словарь современного русского литературного языка/ Гл. ред. К. С. Горбачевич. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1991. Т.1. С.330.
4. Федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ (ред. от 04.08.2026) «О несостоятельности (банкротстве)»
5. Несостоятельность (банкротство): Учебный курс. В 2 т. / Под ред. д.ю.н., проф. С. А. Карелиной. Т. 1.-М.:Статут, 2019. — 925 с.
6. <https://bankrot.fedresurs.ru/extrajudicialbankruptcy>

Идеологическое многообразие как основа конституционного строя Российской Федерации

Пиценко Татьяна Александровна, студент магистратуры
Волгоградский государственный университет

Статья посвящена комплексному конституционно-правовому анализу принципа идеологического многообразия как одной из фундаментальных основ конституционного строя Российской Федерации. Автор рассматривает нормативное содержание данного принципа, закрепленное в ст. 13 Конституции РФ, а также системные взаимосвязи с политическим плюрализмом, многопартийностью и конституционными правами и свободами человека и гражданина. Автор приходит к выводу, что идеологическое многообразие, будучи неотъемлемым атрибутом демократического правового государства, выступает важнейшей гарантией от возврата к тоталитарному прошлому и одновременно создает необходимые условия для формирования зрелого гражданского общества и устойчивого политического развития.

Ключевые слова: идеологическое многообразие, конституционный строй, конституционные ценности, права и свободы человека, гражданское общество, демократическое государство, правовое государство.

Действующая Конституция РФ закрепляет принцип идеологического многообразия как одну из основ конституционного строя РФ. Этот принцип означает, что в РФ исключается возможность существования государственной или обязательной идеологии.

Ст. 13 Конституции РФ устанавливает, что никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. В связи с этим в российском обществе могут свободно существовать различные политические и иные взгляды, идеи, школы.

Идеологическое многообразие гарантируется:

- отменой цензуры,
- свободой информации, издательской деятельности, преподавания,
- реализацией принципа политического многообразия и т. д. [2].

Многообразие в сфере идеологии позволяет каждому человеку, группам людей, их объединениям свободно развивать свои научные теории и воззрения, защищать их.

Гражданское общество предполагает идеологический и политический плюрализм (многообразие), вытекающий из свободы человека выражать свои взгляды и участвовать в политической деятельности.

Идеологическое многообразие — право отдельной личности, социальной группы, общественных движений разрабатывать и проповедовать теории, взгляды, идеи относительно экономического и социального устройства государства, создавать политические партии, разрабатывать программы переустройства общества, публично защищать свои взгляды и воззрения.

Идеологическое многообразие обеспечивается:

- правом создавать политические партии и иные общественные объединения,
- закреплением равноправия общественных движений,
- самостоятельностью общественных организаций от государства;

Идеологическое многообразие гарантируется:

- запретом на установление государственной идеологии,

– судебной защитой права на создание и деятельность общественной организации,

– запретом на создание общественных организаций, цели которых противоречат Конституции РФ, законам, нарушают права и интересы общества, подрывают основы государственного строя, нравственные устои общества и основы правопорядка.

Ст. 13 Конституции РФ представляет собой сложный и внутренне сбалансированный нормативный комплекс, в котором принцип идеологического многообразия получает всестороннее раскрытие. Первая часть статьи устанавливает фундаментальное положение о том, что «в Российской Федерации признается идеологическое многообразие». Слово «признается» имеет здесь особое юридическое значение, обозначая не просто пассивную констатацию факта существования различных идеологических течений, но активное признание государством ценности такого многообразия и его готовность обеспечивать условия для его существования. Это означает, что российское государство берет на себя обязательства по созданию правовых, организационных и иных гарантий для свободного развития различных мировоззренческих систем [1].

Ч.2 ст. 13 содержит важнейший запрет: «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». Данная норма является неразрывной первой частью и представляет собой ключевую гарантию реальности идеологического многообразия. Запрет на государственную идеологию означает, во-первых, что государство не должно отождествлять себя с каким-либо идеологическим учением и использовать ресурсы публичной власти для его насаждения, и, во-вторых, что оно не вправе требовать от граждан исповедования определенной системы взглядов, ограничивая тем самым их свободу совести и мысли. При этом важно понимать, что запрет на государственную идеологию не означает отказа государства от ценностных ориентиров в принципе — Конституция сама представляет собой определенную систему ценностей, где высшей ценностью провозглашается человек, его права и свободы [1].

Взаимосвязь идеологического и политического многообразия раскрывается в ч.3 ст. 13, согласно которой «в Российской Федерации признаются политическое многообразие, многопартийность». Политическое многообразие выступает организационно-правовой формой выражения идеологического плюрализма. Именно через политические партии, представляющие различные идейные течения, граждане могут реализовывать свое право на участие в управлении государством, формировать политическую волю народа и влиять на принятие государственных решений. Как подчеркнул Конституционный Суд Российской Федерации, политические партии являются необходимым институтом представительной демократии, обеспечивающим политическое взаимодействие гражданского общества и государства. Многопартийность выступает, таким образом, не просто формальным признаком, но содержательной характеристикой демократического политического режима.

Ч.4 ст. 13 устанавливает равенство общественных объединений перед законом, что служит дополнительной гарантией реализации принципов идеологического и политического многообразия. Это означает, что ни одно общественное объединение, независимо от его идеологической направленности, не может находиться в привилегированном или дискриминированном положении по отношению к другим объединениям. Однако принцип равенства не является абсолютным и должен рассматриваться в системной связи с ч. 5 данной статьи, которая устанавливает ограничения для деятельности общественных объединений.

Ч.5 ст. 13 Конституции РФ устанавливает важнейшие пределы осуществления права на идеологическое многообразие, запрещая создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни. Эта норма выполняет функцию конституционного фильтра, призванного оградить общество от деструктивных сил, которые под видом защиты свободы взглядов могут угрожать самому существованию конституционного строя и межнациональному согласию.

Особого внимания заслуживает запрет на разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни. Как отмечается в юридической литературе, конституционно-правовой аспект этого запрета значительно шире уголовно-правового. В конституционном смысле речь идет не только о привлечении к ответственности конкретных лиц за конкретные действия, но о государственно-правовой организации отношений между различными социальными слоями, нациями и конфессиями на принципах социальной солидарности, национального равноправия и сотрудничества. В то же время законодатель специально оговаривает, что включение в уставы поли-

тических партий положений о защите социальной справедливости, а также деятельность, направленная на такую защиту, не может рассматриваться как разжигание социальной розни.

Таким образом, конституционная модель идеологического многообразия в Российской Федерации представляет собой сложную систему, сочетающую широкую свободу мировоззренческого выбора с четко обозначенными границами, которые призваны защищать основы конституционного строя, территориальную целостность, государственную безопасность и общественное согласие.

Принцип идеологического многообразия выступает конституционной основой для целого комплекса прав и свобод человека и гражданина, прежде всего, свободы мысли, слова, информации, совести и вероисповедания. Без признания множественности идеологических систем эти свободы утрачивают свое реальное содержание. Идеологическое многообразие создает пространство, в котором эти права могут реализовываться полноценно, а не в условиях монополии одной официальной доктрины, требующей единомыслия.

Свобода совести и вероисповедания также органически связана с принципом идеологического многообразия. Религиозные убеждения представляют собой один из важнейших компонентов мировоззренческой системы человека, и государство, отказавшееся от установления обязательной идеологии, не может навязывать гражданам определенное отношение к религии.

Более того, принцип идеологического многообразия выступает как гарантия против монополизации общественного сознания не только со стороны государства, но и со стороны любых иных социальных сил. Как справедливо отмечает Ракитская И. А., попытки создать универсальную теорию, объясняющую все многообразие общественной жизни, а тем более переустроить мир на основе такой теории, неизменно порождали насилие над людьми. Идеологическое многообразие, таким образом, выполняет важную функцию, защищая человеческую личность от посягательств на ее внутренний мир и интеллектуальную свободу [3].

Идеологическое многообразие является необходимым условием для развития институтов гражданского общества в России. Гражданское общество предполагает существование множества независимых от государства общественных организаций, объединений, движений, которые представляют различные социальные группы и их интересы. Политический плюрализм, основанный на идеологическом многообразии, позволяет этим объединениям свободно выражать свои взгляды, отстаивать свои интересы и участвовать в формировании общественного мнения. Как справедливо отмечает Конституционный Суд РФ, именно деятельность политических партий опосредует осуществление избирательных прав граждан и обеспечивает их участие в политической жизни общества.

В то же время, современный этап развития России, как отмечает Чернявский А.Г, характеризуется определенными тенденциями к консолидации политической системы и ограничению политической конкуренции. Если период 1990-х годов ознаменовался бурным ростом числа политических партий и движений, представляющих самые различные идеологические течения, то с начала 2000-х годов происходит формирование устойчивой многопартийной системы, в которой, при сохранении формального многообразия, реальная политическая конкуренция ограничивается определенными рамками [4].

Вместе с тем, необходимо сохранять баланс между обеспечением стабильности политической системы и поддержанием реального идеологического и политического плюрализма, поскольку, как отмечают многие исследователи, в том числе Чернявский А.Г, отсутствие конфронтации взглядов и компромисса между различными политическими силами может вести к латентности проблем и неэффективности принимаемых решений.

Важно различать государственную идеологию как систему идей, официально провозглашаемую государством, и конституционные ценности, которые объективно вытекают из содержания Основного закона. Конституция РФ, провозглашая себя «основным законом демократического, правового, социального, светского государства», уже задает определенный мировоззренческий ориентир, формирует систему ценностей, которой должно руководствоваться государство и общество. Эта система включает такие фундаментальные идеи, как народовластие, федерализм, разделение властей, верховенство права, социальная справедливость. Однако это не является государственной идеологией в смысле, запрещенном ст. 13 Конституции РФ, поскольку:

1. эти ценности не носят обязательного характера для каждого гражданина;
2. их интерпретация может варьироваться в рамках доктринальных дискуссий;

3. они закреплены как правовые принципы, подлежащие развитию и совершенствованию.

Таким образом, принцип идеологического многообразия, закрепленный в ст. 13 Конституции РФ, является фундаментальной основой конституционного строя, определяющей демократический характер российского государства и обеспечивающей условия для свободного развития личности, общества и государства.

Идеологическое многообразие, будучи тесно связанным с политическим плюрализмом и многопартийностью, создает условия для свободного волеизъявления граждан, их участия в политической жизни общества и контроля над властью. Одновременно, конституционная модель устанавливает разумные границы идеологического плюрализма, направленные на защиту основ конституционного строя, территориальной целостности, государственной безопасности и межнационального согласия. Запрет на государственную идеологию не означает отказа от ценностных ориентиров — Конституция сама выступает как система фундаментальных ценностей, которая должна объединять российское общество.

В современных условиях сохранение баланса между свободой мировоззренческого выбора и необходимостью обеспечения общественной стабильности остается одной из ключевых задач правовой и политической системы России. Принцип идеологического многообразия, являясь одним из краеугольных камней российского конституционализма, не только отражает достигнутый уровень политической свободы, но и задает направление дальнейшего развития демократических институтов и правовой культуры в Российской Федерации. Его сохранение и укрепление служит гарантией того, что российское общество сможет избежать возврата к тоталитарному прошлому, сохраняя при этом национальное единство и культурную самобытность в условиях многообразия взглядов и убеждений.

Литература:

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020);
2. Эбзеев Б. С. Конституционное право России: Учебник, 3-е изд. — М.: Проспект, 2026;
3. Ракитская И. А. Конституционное право Российской Федерации: Учебное пособие. — М.: Проспект, 2026;
4. Чернявский А. Г. Роль и значение идеологии для государства и права: монография. — М.: Инфра-М, 2021.

Правовой статус судьи в отставке: современные проблемы и перспективы

Селиванова Дарья Алексеевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Годунов Олег Иванович, кандидат юридических наук, доцент

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ивановский филиал

В статье анализируется правовое положение судей, пребывающих в отставке, с акцентом на две ключевые проблемы: отсутствие легального закрепления мер юридической ответственности за нарушения, допущенные после прекращения полномочий, и неэффективное использование профессионального потенциала данной категории лиц для нужд судебной

системы. Обосновывается необходимость внесения изменений в Закон РФ «О статусе судей в Российской Федерации» в части введения пресекательных сроков при прекращении отставки и создания механизма временного замещения должностей судей за счет отставников.

Ключевые слова: судья в отставке, правовой статус, прекращение отставки, юридическая ответственность, кадровый резерв судебной системы.

Legal status of a retired judge: current issues and prospects

Selivanova Daria Alekseevna, master's degree student

Scientific advisor: Godunov Oleg Ivanovich, candidate of law, associate professor

Ivanovo Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

The article analyzes the legal status of retired judges, focusing on two key problems: the absence of legally established measures of legal liability for violations committed after the termination of judicial powers, and the inefficient use of the professional potential of this category of persons for the needs of the judicial system. The necessity of amending the Law of the Russian Federation "On the Status of Judges in the Russian Federation" regarding the introduction of preclusive time limits for the termination of retirement and the creation of a mechanism for temporary replacement of judicial positions through retired judges is substantiated.

Keywords: retired judge, legal status, termination of retirement, legal liability, judicial system personnel reserve.

Институт отставки судьи в российской правовой системе традиционно рассматривался как завершающий этап профессиональной карьеры, связанный с почетным уходом лица с должности и предоставлением ему особых социальных гарантий. В соответствии с Законом РФ от 26 июня 1992 года № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» [1] (далее — Закон о статусе судей) за судьей, пребывающим в отставке, сохраняются звание судьи, гарантии личной неприкосновенности и принадлежность к судейскому сообществу. Однако в последние годы обозначилась устойчивая тенденция к расширению профессиональных возможностей для данной категории лиц, что позволяет рассматривать отставку не только как форму социальной защиты, но и как потенциальный ресурс для решения кадровых проблем судебной системы. Между тем, действующее правовое регулирование содержит внутренние противоречия, которые затрудняют реализацию этого потенциала и создают риски для правового статуса самих судей в отставке. Настоящая статья посвящена выявлению двух наиболее острых проблем в данной сфере и обоснованию возможных направлений их решения.

Целью исследования является выявление пробелов в правовом регулировании ответственности судей в отставке, а также обоснование модели их использования в качестве кадрового резерва для специализированных судов.

Первая группа проблем связана с неопределенностью правовой природы прекращения отставки судьи. Анализ положений статьи 15 Закона о статусе судей показывает, что законодатель предусмотрел несколько оснований для прекращения отставки, среди которых особое место занимают те, что обусловлены виновным поведением лица. В частности, отставка прекращается в случае существенного, виновного, несовместимого с высоким званием судьи нарушения положений Закона о статусе судей и (или) Кодекса судейской этики, а также при несоблюдении установленных запретов и ограни-

чений либо занятии деятельностью, несовместимой со статусом судьи.

Следует поддержать позицию С. Б. Серенко, который обращает внимание на то, что при схожести формулировок с основаниями дисциплинарной ответственности действующих судей прекращение отставки не признается законодателем мерой юридической ответственности. Последствием такого подхода становится неприменение к судьям в отставке пресекательных сроков, предусмотренных пунктом 6 статьи 12.1 Закона о статусе судей для привлечения к дисциплинарной ответственности. Как справедливо отмечает указанный автор, действующий судья может избежать наказания по истечении шести месяцев со дня выявления проступка и двух лет со дня его совершения, тогда как в отношении судьи в отставке аналогичное нарушение может повлечь прекращение статуса независимо от того, сколько времени прошло с момента совершения деяния [6, с. 54].

Подтверждение такой правоприменительной практики можно обнаружить в решении Верховного Суда Российской Федерации от 27 августа 2019 года № АКПИ19-614, где суд прямо указал, что при принятии квалификационной коллегией судей решения о прекращении отставки сроки, установленные для дисциплинарной ответственности, не подлежат применению [5]. Полагаем, что такое регулирование ставит судью в отставке в заведомо неравное положение по сравнению с действующим судьей, что противоречит принципу справедливости при наступлении юридической ответственности. Кроме того, отсутствие четкой процедуры и сроков давности создает возможность для произвольного правоприменения, когда решение о судьбе лица может приниматься без учета давности проступка и его фактической общественной опасности.

Вторая, не менее острая проблема, касается неотре-бованности профессионального потенциала судей в от-

ставке. Как обоснованно отмечает А. В. Петрякова, судьи, прекратившие исполнение полномочий, представляют собой высококвалифицированных специалистов, обладающих уникальным опытом, который мог бы быть использован для временного восполнения судейского корпуса. Действующая редакция статьи 7.1 Закона о статусе судей допускает привлечение к осуществлению правосудия только тех судей в отставке, чей стаж работы в должности судьи составляет не менее десяти лет (так называемых почетных судей), и лишь на срок до одного года. При этом вне судебной системы отставник, имеющий стаж менее двадцати лет и не достигший возраста 55 лет для мужчин и 50 лет для женщин, не получает пожизненного содержания и вынужден искать иные источники дохода, однако его возможности для трудоустройства в юридической сфере существенно ограничены [4, с. 12].

Добавим, что статья 3 Закона о статусе судей прямо запрещает судье в отставке занимать должности прокурора, следователя, дознавателя, а также заниматься адвокатской и нотариальной деятельностью. В результате значительная часть этой категории лиц оказывается в правовом вакууме: с одной стороны, на них распространяются многочисленные запреты и ограничения, с другой — государство не предоставляет им достаточного материального обеспечения и не использует их квалификацию для нужд судебной системы.

Отметим, что уже довольно длительное время в отечественной доктрине обсуждается вопрос о создании специализированных судов с учетом положительного зарубежного опыта. Например, В. Ю. Кулакова пишет, что во многих странах существуют специализированные суды, разрешающие семейные споры, трудовые споры, административные споры, дела с участием несовершеннолетних и многие другие категории дел. Специализированный судейский корпус обоснованно признан более компетентным для рассмотрения сложных дел, а это, в свою очередь, позволяет ускорить разрешение споров и снизить финансовые и временные затраты [2, с. 105].

Применительно к отечественной практике формирование судейского корпуса для таких судов, безусловно, потребует значительных расходов на отбор, обучение и адаптацию новых кадров. Между тем, кадровый резерв, сформированный из судей в отставке, мог бы стать эффективным решением этой задачи при условии, что указанные лица пройдут соответствующую переподготовку и сдачу специализированного квалификационного экзамена.

Выход из сложившейся ситуации видится в двух направлениях. Первое касается законодательного признания прекращения отставки мерой юридической ответственности. Представляется обоснованным дополнить статью 15 Закона о статусе судей положением, согласно

которому прекращение отставки по основаниям, связанным с виновным поведением судьи, осуществляется с соблюдением сроков давности, аналогичных предусмотренным пунктом 6 статьи 12.1 данного Закона. При этом важно установить, что течение указанных сроков начинается со дня обнаружения проступка, но не позднее трех лет с момента его совершения. Такое решение позволит устранить существующее неравенство и обеспечит соблюдение принципа правовой определенности при определении правового статуса судьи в отставке, на что неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации в своих постановлениях [3].

Второе направление предполагает реформирование механизма привлечения судей в отставке к осуществлению правосудия. Полагаем возможным предложить создание института прикомандированного судьи в отставке, который предусматривал бы два режима участия. Первый режим — оперативный, сроком до трех месяцев в течение календарного года, без прекращения отставки, для сглаживания неравномерной судебной нагрузки. Второй режим — долгосрочный, сроком от одного года до трех лет, с приостановлением отставки и сохранением всех социальных гарантий, для работы во вновь создаваемых специализированных судах. Участие в долгосрочном режиме должно быть добровольным и сопровождаться прохождением профессиональной переподготовки за счет средств федерального бюджета.

Что касается требований к стажу, то для оперативного режима достаточно было бы установить минимальный порог в пять лет работы судьей, для долгосрочного — оставить действующее требование о десяти годах, но предусмотреть возможность его снижения при условии положительной сдачи специализированного экзамена. Реализация указанных предложений потребует внесения изменений в статьи 3, 7.1 и 15 Закона о статусе судей, а также принятия отдельного регламента, определяющего порядок отбора и прикомандирования судей в отставке.

Проведенный анализ позволяет сделать однозначный вывод о том, что правовой статус судьи в отставке нуждается в существенной корректировке. Во-первых, требуется легальное признание прекращения отставки мерой юридической ответственности с распространением на соответствующие процедуры пресекательных сроков давности. Во-вторых, необходимо создать дифференцированный механизм временного привлечения отставников к отправлению правосудия, разделив его на оперативный и долгосрочный режимы с разными требованиями к стажу и объему полномочий. Предложенные изменения позволят не только укрепить гарантии прав судей, пребывающих в отставке, но и повысить эффективность использования кадрового потенциала судебной системы в целом.

Литература:

1. Закон Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» (ред. от 28.12.2025) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 30. Ст. 1792.

2. Кулакова В. Ю. К вопросу о судебной специализации в зарубежных странах / В. Ю. Кулакова // Хозяйство и право. 2023. № 12. С. 101–111.
3. Определение Конституционного Суда РФ от 15.02.2005 № 5-О «По жалобе гражданки Сухачевой Валентины Васильевны на нарушение ее конституционных прав положениями пункта 8 статьи 15 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» и подпунктов 11 и 13 пункта 2 статьи 17 Федерального закона «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. № 5.
4. Петрякова А. В. Судьи в отставке как кадровый резерв судебной системы / А. В. Петрякова // Администратор суда. 2021. № 4. С. 10–14.
5. Решение Верховного Суда РФ от 27.08.2019 № АКПИ19–614 / Судебные и нормативные акты РФ. Режим доступа: <https://sudact.ru/vsrf/doc/nfZj316BpJY8> (дата обращения: 30.03.2026).
6. Серенко С. Б. Прекращение отставки судьи как мера юридической ответственности / С. Б. Серенко // Российский судья. 2021. № 11. С. 52–56.

Проблемы и перспективы предмета доказывания при рассмотрении дел о применении принудительных мер медицинского характера

Сикорская Екатерина Витальевна, студент

Научный руководитель: Рудик Михаил Викторович, кандидат юридических наук, доцент
Крымский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Симферополь)

В статье рассматривается проблема фрагментарного регулирования предмета доказывания по делам о принудительных мерах медицинского характера, которое порождает правовые пробелы и нарушает принцип правовой определенности.

Ключевые слова: проблемы, перспективы, доказанность, принудительные меры медицинского характера, правовое регулирование.

Problems and prospects of the subject matter of proof in cases involving the application of compulsory medical measures

The article examines the problem of fragmentary regulation of the subject matter of proof in cases involving compulsory medical measures, which creates legal gaps and violates the principle of legal certainty.

Keywords: problems, prospects, proof, compulsory medical measures, legal regulation.

Современное регулирование предмета доказывания по делам о принудительных мерах медицинского характера (ПММХ далее) характеризуется фрагментарностью, что создаёт существенные правовые пробелы [1]. Отсутствие чётких законодательных критериев для определения объёма и характера необходимых доказательств приводит к неоднозначности при оценке психического состояния лица и степени его общественной опасности. Доктринальные подходы также не предлагают универсальной системы, ограничиваясь общими рекомендациями, что усугубляет проблему правоприменения. Особую сложность представляет разграничение доказательств медицинского и юридического характера, поскольку действующие нормы УПК РФ не устанавливают иерархию между заключением судебно-психиатрической экспертизы и иными материалами дела. Это провоцирует ситуации, когда суды либо некритично полагаются на экспертные оценки, либо, напротив, игнорируют их в пользу формальных процессуальных соображений. Подобная неопределённость нарушает принцип

правовой определённости и повышает риски необоснованного ограничения прав граждан [2].

Анализ судебной практики по делам о ПММХ выявляет системную проблему противоречивой оценки медицинских заключений. В частности, в 40 % изученных дел (Обзор практики ВС РФ за 2022–2023 гг.) суды первой инстанции принимали решения исключительно на основании экспертизы без учёта динамики состояния лица, что в 15 % случаев приводило к отмене решений в апелляции. Ещё одной тенденцией является затягивание процессов из-за необходимости назначения повторных экспертиз, обусловленной низким качеством первичных заключений. Критическим риском остаётся подмена добровольного лечения принудительным, особенно в случаях, когда лицо формально признаётся неспособным осознавать характер медицинского вмешательства. Так, в деле суд назначил ПММХ лицу с пограничным расстройством, хотя имелись доказательства его согласия на терапию в амбулаторных условиях. Подобные решения не только нарушают принцип соразмерности, но и создают прецеденты избыточного государственного вмешательства в частную жизнь [3].

Минимизировать выявленные проблемы возможно через внедрение унифицированных критериев оценки медицинских заключений, включая стандарты доказательности диагноза и прогноза опасности. Ключевым аспектом должно стать требование к экспертам обосновывать не только текущее психическое состояние лица, но и его потенциальную динамику при различных сценариях лечения. Это позволит судам учитывать не только статичный «моментальный снимок» расстройства, но и перспективы ресоциализации. Целесообразно законодательно закрепить обязательность оценки степени опасности лица для общества по шкале, учитывающей как тяжесть ранее совершённого деяния, так и вероятность рецидива.

Например, использование стандартизированных инструментов типа HCR-20 (Оценка риска насильственного поведения) повысило бы объективность прогнозов. Одновременно необходимо ввести процедуру пересмотра экспертных заключений коллегией специалистов при наличии сомнений у суда, что снизит риски субъективизма [7].

Оптимизация процессуальных гарантий требует усиления роли защиты и внедрения обязательной комплексной

экспертизы. Как справедливо отмечается в доктрине: «Принимая во внимание, что это лицо в силу психических недостатков не способно самостоятельно реализовывать свои процессуальные права, важной уголовно-процессуальной гарантией их соблюдения является обязательное привлечение к участию по делу защитника и законного представителя с момента производства процессуальных действий, затрагивающих его права и свободы». Данный подход должен дополняться правом защиты ходатайствовать о назначении альтернативной экспертизы [6].

Для соблюдения баланса между общественной безопасностью и правами лиц с психическими расстройствами необходимо ввести стадию предварительного слушания по делам о ПММХ с участием врача-психиатра и представителя органа опеки. Это позволит уже на раннем этапе оценить обоснованность принудительных мер и рассмотреть альтернативы. Кроме того, требуется установить максимальные сроки проведения экспертиз (не более 30 дней) и закрепить обязанность суда мотивировать выбор конкретного вида ПММХ с учётом принципа наименее ограничительной альтернативы [4].

Литература:

1. Бажукова Ж. А. Взаимодействие правоохранительных органов (суда) с органами здравоохранения как дополнительная уголовно-процессуальная гарантия по делам о применении принудительных мер медицинского характера // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2015. — № 4. — С. 16–18.
2. Гризодубова А. А. Применение принудительных мер медицинского характера к невменяемым лицам // International journal of humanities and natural sciences. — 2019. — № 2. — С. 181–182.
3. Колмаков П. А. Возвращаясь к проблемным вопросам при производстве судебно-психиатрических экспертиз // Человек: преступление и наказание. — 2018. — № 3. — С. 264–268.
4. Смолькова И. В., Лавдаренко Л. И. Правовой статус лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера // Академический юридический журнал. — 2021. — № 4. — С. 361–368.
5. Татьяна Л. Г. Прекращение уголовного дела в отношении лица, нуждающегося в применении принудительных мер медицинского характера (дискуссионные вопросы) // Вестник ОГУ. — 2012. — № 3. — С. 196–198.
6. Туров С. Ю. Теоретико-правовая характеристика статуса лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера // Вестник удмуртского университета. Экономика и право. — 2024. — № 4. — С. 739–746.
7. Шеслер А. В., Васеловская А. В. Общественная опасность лица как основание применения к нему принудительных мер медицинского характера // Всероссийский криминологический журнал. — 2021. — № 4. — С. 426–433.

Проблемы и перспективы правового регулирования цифровизации нотариата в России

Скиданюк Мария Сергеевна, студент магистратуры
Международный юридический институт (г. Москва)

Научная статья посвящена комплексному анализу современного состояния цифрового нотариата в Российской Федерации. В работе исследуются ключевые направления цифровой трансформации нотариальной деятельности, включая внедрение новых форматов совершения нотариальных действий и развитие систем межведомственного электронного взаимодействия. Особое внимание уделяется выявлению и систематизации основных проблем правового регулирования

цифровизации нотариата, среди которых выделяются законодательные пробелы, несовершенство технической инфраструктуры и вопросы обеспечения информационной безопасности. На основе проведенного анализа определяются перспективы развития нормативно-правовой базы, включая совершенствование механизмов дистанционного удостоверения сделок, расширение интеграции с государственными информационными системами и повышение доступности нотариальных услуг для граждан.

Ключевые слова: нотариат, нотариальная деятельность, цифровизация, электронная нотариальная услуга, нормативно-правовой акт.

Problems and prospects of legal regulation of notary's digitalization in Russia

Skidanyuk Maria Sergeevna, master's degree student
International Law Institute (Moscow)

The scientific article is devoted to a comprehensive analysis of the current state of the digital notary in the Russian Federation. The paper explores key areas of digital transformation of notarial activity, including the introduction of new formats for performing notarial acts and the development of interdepartmental electronic interaction systems. Special attention is paid to identifying and systematizing the main problems of the legal regulation of the digitalization of the notary, among which legislative gaps, imperfection of the technical infrastructure and issues of information security are highlighted. Based on the analysis, the prospects for the development of the regulatory framework are determined, including improving the mechanisms for remote certification of transactions, expanding integration with government information systems and increasing the availability of notary services for citizens.

Keywords: notarization, notarial activity, digitalization, electronic notary service, regulatory legal act.

Введение

Цифровая трансформация, проникающая во все аспекты жизни общества, ставит перед нотариатом, играющим важную роль в правовой системе и обеспечении стабильности гражданского оборота, задачу модернизации. Внедрение цифровых технологий в нотариальную деятельность порождает комплекс правовых вызовов, таких как определение юридической силы электронных документов, обеспечение надежной идентификации участников дистанционных сделок, защита персональных данных и организация цифровых архивов. Эти вызовы требуют соответствующего нормативного регулирования.

Цель исследования в статье: изучение проблем и перспектив правового регулирования цифровизации нотариата в России.

Задачи исследования в статье:

- изучить современное состояние цифрового нотариата в РФ;
- определить проблемы правового регулирования цифровизации в РФ;
- рассмотреть перспективы правового регулирования цифровизации в РФ.

Материалы и методы

Материалами для написания научной статьи выступили работы различных зарубежных и отечественных ученых, исследователей в области нотариата. Применялись следующие методы: логический метод, сравнительный метод, статистический метод, метод

анализа, метод наблюдения, проектный метод, логический метод.

Результаты и обсуждение

Правовой фундамент цифровой трансформации отечественного нотариата был заложен в декабре 2019 года с принятием Федерального закона № 480-ФЗ, получившего в профессиональной среде наименование «закона о цифровом нотариате» [2]. Разработка данного нормативного акта осуществлялась в контексте реализации стратегических мероприятий, предусмотренных программой «Цифровая экономика», и преследовала цели оптимизации нотариальной деятельности и повышения востребованности института нотариальной защиты в условиях становления цифрового общества.

С 29 декабря 2020 года вступили в силу ключевые положения закона, а также сопутствующие приказы Министерства юстиции РФ, детализирующие новые форматы совершения нотариальных действий и регламентирующие порядок межведомственного электронного взаимодействия [3].

Актуальное состояние цифрового нотариата характеризуется внедрением широкого спектра дистанционных сервисов. Заявителям предоставлена возможность совершения ряда нотариальных действий без личной явки, среди которых свидетельствование верности перевода, принятие в депозит денежных средств и ценных бумаг, совершение исполнительной надписи, обеспечение доказательств посредством осмотра интернет-ресурсов, получение выписок из реестра уведомлений о залоге движи-

мого имущества. Принципиально новой чертой выступает отмена требования об одновременном присутствии всех сторон при удостоверении сделки: участники получили право обращаться к различным нотариусам независимо от их территориального расположения.

Существенными элементами цифровизации являются внедрение машиночитаемой маркировки нотариальных документов, обеспечивающей проверку их достоверности; возможность идентификации личности с использованием единой биометрической системы; расширение информационного взаимодействия с Федеральной налоговой службой, Пенсионным фондом РФ и Росреестром; создание общедоступных электронных реестров, а также формирование механизмов нотариального хранения документов в цифровой форме.

А. Т. Таирова, Н. А. Захаренко утверждают следующее: «в настоящее время в России происходит цифровизация нотариальной деятельности, которая, безусловно, оказывает положительное влияние на качество и скорость совершаемых нотариусами нотариальных действий» [5].

Наряду с позитивными преобразованиями сохраняется комплекс системных проблем, сдерживающих полноценную реализацию потенциала цифрового нотариата. В нормативно-правовой сфере к числу наиболее существенных препятствий относится наличие законодательных пробелов и ограничений, среди которых особо выделяется императивный запрет на составление завещания с использованием электронных либо иных технических средств, закрепленный в статье 1124 ГК РФ и прямо противоречащий общей логике цифровизации наследственных правоотношений [1].

Дополнительные сложности порождает неоднозначность толкования отдельных нормативных предписаний и отсутствие четко прописанных механизмов, направленных на предотвращение нарушения гражданских прав при использовании цифровых форматов, что создает риски признания совершенных сделок ничтожными. Техническая инфраструктура также демонстрирует признаки несовершенства: практика выявляет сбои в системе электронного межведомственного взаимодействия с Росреестром, МВД и ФНС, объективно приводящие к задержкам при совершении электронных нотариальных действий и нивелирующие преимущества дистанционного формата [4].

Ограничивающим фактором выступает и недостаточная техническая оснащенность нотариальных контор, особенно в региональном разрезе, что создает фактическое неравенство в возможностях доступа граждан к отдельным видам электронных нотариальных услуг в зависимости от места их проживания.

Дальнейшая эволюция института «электронного нотариата» в Российской Федерации неразрывно связана с осуществлением крупных инфраструктурных проектов, среди которых особое значение приобретает инициатива Федеральной нотариальной палаты, направленная на фор-

мирование комплексного реестра, охватывающего все население страны. Реализация данной меры призвана обеспечить консолидацию разрозненных информационных массивов и создать условия для оперативного получения актуальных персональных данных в процессе нотариального производства. Поступательное совершенствование цифровых технологий в рассматриваемой сфере открывает новые горизонты для оптимизации профессиональной деятельности. К 2026 г. цифровая трансформация нотариата уже способствует снижению финансового бремени клиентов, минимизации рисков, обусловленных противоправными действиями недобросовестных участников оборота, и значительной экономии временных ресурсов всех субъектов правоотношений. Развитие технологической базы в 2026 г. обеспечивает более эффективное взаимодействие нотариусов с широким кругом государственных органов и структур, упрощая процедурные аспекты совершения сделок и оказания иных видов нотариальной помощи.

В настоящее время межведомственное электронное взаимодействие нотариата наиболее интенсивно развивается с такими структурами, как Росреестр и органы записи актов гражданского состояния. Логика цифровой трансформации позволяет прогнозировать последовательное расширение круга ведомств, интегрированных в единую систему обмена данными. К числу перспективных направлений законодательного регулирования относится внедрение механизма дистанционного удостоверения сделок двумя нотариусами одновременно. Сущность предлагаемого подхода заключается в том, что стороны сделки могут находиться в различных регионах: документы, подтверждающие правомочия продавца, удостоверяются одним нотариусом по месту его нахождения, тогда как договор отчуждения недвижимости — другим нотариусом, действующим в ином регионе. Последующая государственная регистрация перехода права осуществляется непосредственно на основании электронных документов, поступивших в Росреестр. Внедрение подобного механизма способно существенно упростить процедуру совершения сделок с недвижимостью, устранив необходимость личного присутствия всех сторон в одном месте. Участники сделки освобождаются от затрат времени и средств, связанных с межрегиональными поездками, получая возможность обратиться к нотариусу, территориально наиболее доступному. Подобное нововведение представляется крайне востребованным и практически значимым в современных условиях.

Практическая реализация данного направления получила дополнительный импульс в феврале 2026 года, когда Федеральная нотариальная палата анонсировала запуск сервиса прямого взаимодействия с Единым федеральным регистром населения. Интеграция Единой информационной системы нотариата с государственной базой данных обеспечивает возможность направления запросов и получения ответов в режиме реального времени непосредственно через рабочий интерфейс нотариуса. Благо-

даря данному решению нотариусы более не вынуждены ожидать ответов от министерств и ведомств на протяжении нескольких дней, что существенно повышает оперативность совершения нотариальных действий и качество обслуживания граждан.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что российское нотариальное дело активно движется к цифровизации, что подтверждается внедрением множества онлайн-сервисов, биометрии и электронного хранения документов

после принятия ФЗ № 480-ФЗ. Это делает нотариальные услуги доступнее и эффективнее.

Однако, несмотря на прогресс, существуют серьезные препятствия, такие как законодательные ограничения (например, отсутствие электронного завещания), технические проблемы и неравномерное оснащение нотариальных контор. Для полного раскрытия потенциала цифрового нотариата необходимо устранить эти барьеры, углубить интеграцию с госсистемами и внедрить новые технологии, вроде дистанционного удостоверения сделок, чтобы обеспечить надежную защиту прав в цифровой среде.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025).
2. Федеральный закон от 27.12.2019 N 480-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «О внесении изменений в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате и отдельные законодательные акты Российской Федерации».
3. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 N 4462-1) (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025).
4. Лизунова, И. В. Краткий курс по нотариату / И. В. Лизунова. — М.: Окей-книга, 2022. — 144 с.
5. Таирова, А.Т., Захаренко, Н. А. Цифровизация нотариальной деятельности / А. Т. Таирова, Н. А. Захаренко // Образование и право. — 2023. — № 9. — С. 299–303.

Проблемы правовой квалификации намаза

Слобин Иван Глебович, студент магистратуры
Государственный университет управления (г. Москва)

Актуальность темы исследования обусловлена противоречием между декларируемыми на стратегическом уровне целями обеспечения межрелигиозного согласия и ростом конфликтных ситуаций, связанных с совершением намаза в общественных местах. Российская Федерация на уровне стратегических документов, таких как Стратегия государственной национальной политики до 2036 года, в качестве одного из приоритетных направлений государственной национальной политики декларирует «обеспечение межнационального (межэтнического) и межрелигиозного согласия, противодействие экстремизму и возникновению конфликтов на национальной (этнической) и (или) религиозной почве» [1].

В пункте 25 Стратегии обращается внимание, что вопросы, связанные с необходимостью своевременного выявления конфликтных и предконфликтных ситуаций в сфере межнациональных (межэтнических) и межрелигиозных отношений и оперативного реагирования на такие ситуации, сохраняют актуальность. Одновременно с этим эмпирические данные последних лет свидетельствуют об увеличении количества конфликтов на религиозной почве, широко освещаемых в публичном поле, а именно, конфликтов, связанных с проведением публичного намаза.

В то время как сам по себе намаз не является правонарушением, его публичное проведение в местах общественного пользования может трактоваться как нарушение законодательства о свободе совести и религиозных объединениях по части 4 статьи 5.26 КоАП РФ, которая устанавливает ответственность за осуществление миссионерской деятельности с нарушением требований Федерального закона № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях». Согласно разъяснениям, данным в Обзоре судебной практики по делам об административных нарушениях, предусмотренных статьей 5.26 КоАП РФ [2], миссионерская деятельность обладает тремя значимыми признаками. Во-первых, она осуществляется особым кругом лиц (религиозное объединение и его участники), во-вторых, направлена на распространение информации о своем вероучении среди лиц, не являющихся участниками данного религиозного объединения, и, в-третьих, имеет целью вовлечение названных лиц в состав участников религиозного объединения посредством обращения к их сознанию, воле, чувствам, в том числе путем раскрытия лицом, осуществляющим миссионерскую деятельность, собственных религиозных воззрений и убеждений. Системообразующим признаком

миссионерской деятельности является публичное распространение гражданами, их объединениями информации о конкретном религиозном вероучении среди лиц, не являющихся его последователями, которые вовлекаются в их число, в том числе в качестве участников конкретных религиозных объединений.

Правовая коллизия состоит в том, что суды, трактуя публичный намаз как миссионерскую деятельность и применяя части 4, 5 статьи 5.26 КоАП РФ, в приговорах также ссылаются на нарушение порядка проведения религиозных обрядов, предусмотренных статьей 16 125-ФЗ.

В частях 2, 3 и 4 статьи 16 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» № 125-ФЗ [3] перечислены места, в которых беспрепятственно совершаются богослужения, церемонии и другие религиозные обряды, к которым правоприменительная практика относит намаз. Согласно части 5 указанной статьи во всех иных случаях религиозные обряды, проводимые в общественных местах в условиях, которые требуют принятия мер, направленных на обеспечение общественного порядка и безопасности как самих участников религиозных обрядов и церемоний, так и других граждан, осуществляются в порядке, установленном для проведения митингов, шествий и демонстраций. При этом законодательство не приводит перечень подобных условий, которые требуют принятия соответствующих мер, в связи с чем применение нормы полностью зависит от толкования судом конкретных условий и обстоятельств совершения намаза в общественном месте.

Таким образом, можно выделить два пути легального трактования публичного намаза — как миссионерской деятельности или как религиозного обряда, совершенного в нарушение требований статьи 16 125-ФЗ. Причем во втором случае необходимо установить, совершался ли намаз в общественном месте в условиях, которые требуют принятия мер, направленных на обеспечение общественного порядка и безопасности. И если так, то суд должен руководствоваться Федеральным законом «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» № 54-ФЗ, а к правонарушителю, следовательно, необходимо применять статью 20.2 КоАП РФ «Нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования».

Трактовка намаза в общественном месте в качестве митинга связана с трудностью правового обоснования такой позиции. Следует учитывать, что Конституционный Суд РФ в Постановлении от 5 декабря 2012 г. № 30-П признал такое автоматическое приравнивание молитвенных собраний и религиозных обрядов к митингам неконституционным в той мере, в какой оно происходит без учёта различий между религиозными собраниями, требующими мер по обеспечению общественного порядка, и теми, которые не сопряжены с такой необходимостью. В связи с чем судебная практика идет по первому пути, усматривая в публичном намазе признаки миссионерской деятельности.

Например, Лефортовский районный суд города Москвы установил [4], что 2 января 2025 г. правонарушитель в отсутствие соответствующих полномочий на проведение религиозного обряда, выступал в качестве имама, не согласовав с администрацией ТЦ «Город», осуществил мусульманский религиозный обряд «Намаз» в общественном месте, тем самым нарушив часть 2 статьи 16 125-ФЗ. При этом суд отмечает, что миссионерскую деятельность от имени религиозной организации вправе осуществлять руководитель религиозной организации, член ее коллегиального органа и священнослужитель религиозной организации. Иные граждане вправе осуществлять миссионерскую деятельность от имени религиозной организации при наличии у них документа, выданного руководящим органом религиозной организации и подтверждающего полномочие на осуществление миссионерской деятельности от имени религиозной организации. Таким образом, публичный намаз рассматривался судом одновременно как религиозный обряд в несоответствующем по части 2 статьи 16 125-ФЗ месте и как миссионерскую деятельность, осуществляемую без документа, подтверждающего такие полномочия. Избегая трактовать намаз в общественном месте в качестве митинга или демонстрации, суд использует норму статьи 5.26 КоАП РФ.

В другом административном деле Люблинский районный суд города Москвы привлёк к ответственности по статье 5.26 КоАП РФ иностранного гражданина, который, находясь в помещении магазина, расположенного на первом этаже жилого дома, организовал и осуществил религиозную, миссионерскую деятельность в нарушение законодательства о свободе совести и религиозных объединениях, в отсутствие соответствующих полномочий на проведение религиозного обряда в публичном месте, для отправления религиозного обряда «намаз» [5]. В этом случае суд также расценивал намаз в общественном месте как незаконную миссионерскую деятельность.

Эмпирический анализ правоприменения позволяет выявить динамику привлечения к административной ответственности по статье 5.26 КоАП РФ. По имеющимся данным о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей [6] за первое полугодие 2025 года по статье 5.26 КоАП всего рассмотрено 292 дел, и подвергнуто наказанию 176 юридических и физических лиц. Из них 134 физических лиц, в числе которых 11 иностранных лиц. Всего было назначено 153 административных штрафов и 7 выдворений за пределы РФ.

При этом за первое полугодие 2024 года всего рассмотрено 187 дел, подвергнуто наказанию 133 юридических и физических лиц, из них 84 физических лиц. А за весь 2024 год было рассмотрено 431 дел, подвергнуто наказанию 294 юридических и физических лиц, из них 184 физических лиц, в числе которых 31 иностранное лицо. Не было вынесено ни одного решения о выдворении за пределы РФ.

Таким образом, статистические данные показывают увеличение в первой половине 2025 года числа админи-

стративных дел по нарушениям законодательства о свободе совести и о религиозных объединениях более чем на 50 % по сравнению с аналогичным периодом в 2024 году. При условии эффективности проводимой политики в сфере религиозных отношений следовало бы ожидать сокращения числа конфликтов и вынесенных административных наказаний. Напротив, их рост представляет собой эмпирический маркер недостаточности профилактических мер. Примечательно, что появление практики административного выдворения в 2025 году (7 случаев) свидетельствует об ужесточении подходов к иностранным гражданам, совершающим публичный намаз, что, однако, не решает проблему на системном уровне.

Немаловажны факторы, влияющие на осведомлённость граждан и мигрантов о правовом статусе публичного намаза. Один из них связан с низким уровнем правовой культуры в среде мигрантов. Недостаточность профилактической работы, например, неакцентирование внимания на этом вопросе при проведении экзамена по русскому языку как иностранному, истории России и основам законодательства Российской Федерации, проводящемся для иностранных лиц, и необходимом для получения разрешения на временное проживание или вида на жительство, разрешения на работу или патента. С учётом массовости потока мигрантов из стран Центральной Азии, большинство из которых исповедуют ислам, такая профилактическая мера помогла бы повысить уровень правовой осведомлённости о недопустимости проведения публичного намаза. О необходимости разъяснительной работы говорят также эксперты в сфере религиозных отношений. На данный момент профилактические образовательные меры присутствуют в качестве рекомендационных мер, чье применение существенно ограничено. Так, еще в 2024 году Федеральным агентством по делам национальностей (ФАДН) разработало адаптационный курс для трудовых мигрантов из Центральной Азии, который прошел апробацию в ряде регионов России, на 2025 год работает в пяти из них [7]. Один из блоков лекций, включенных в курс, в частности, включал рекомендации не демонстрировать отношение к какой-либо религии публично, не совершать религиозные обряды на улице, не проводить в общественных местах намаз. Тем не менее, законодательно не предусмотрено обязательных требований к мигрантам проходить такой курс, в связи с чем его эффективность ставится экспертами под сомнение, в том числе в силу отсутствия в регионах России необходимых структур и специалистов, которые бы могли в широком масштабе проводить такие ознакомительные занятия с мигрантами [8].

Обсуждение обозначенной проблемы зачастую выносится в публичное поле не только общественными деятелями и СМИ, но и со стороны органов государственной власти и крупных религиозных организаций. При этом для религиозных лидеров первоочереден межконфессиональный мир, в то время как правовой аспект публичного намаза не освещается. Так, председатель Центрального духовного управления мусульман России (ЦДУМ)

и верховный муфтий Талгат Таджуддин рекомендовал мусульманам не совершать намазы в публичных местах, поскольку это вызывает раздражение окружающих [9]. Исламовед и научный сотрудник Института международных исследований МГИМО МИД России Ахмет Ярлыкапов отмечает, что конфликты вокруг публичного намаза, как правило, происходят с мигрантами, не интегрировавшимися в российское общество, а количество конфликтных ситуаций начнет снижаться только в случае донесения до масс верующих правильной с точки зрения права позиции.

В то же время разъяснения некоторых правозащитников и государственных органов вступают в противоречие с правоприменительной практикой и толкованием, которым руководствуются суды, рассматривая публичное совершение намаза как административное нарушение по статье 5.26 КоАП РФ. По мнению юриста и правозащитника Максима Салкина мусульмане имеют полное право совершать намаз в общественных местах без каких-либо ограничений, подчеркнув, что это право аналогично праву православных верующих совершать крестное знамение [10]. При этом с точки зрения религиоведения крестное знамение является молитвенным жестом, а не религиозным обрядом, как намаз. Министерство по национальной политике и делам религий Республики Дагестан в феврале 2026 года дало правовое разъяснение совершения намаза в общественных местах [11], в котором заявляется, что совершение намаза не является миссионерской деятельностью и не относится к методам осуществления данной деятельности, а также не является публичным мероприятием в связи с тем, что не представляет собой ни одну из данных целей, указанных в цитируемом пункте 1 статьи 2 Федерального закона от 19.06.2004 № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях», так как не является выражением мнений или выдвижением требований по различным вопросам. Данное разъяснение, хотя и не имеет обязательной силы для судов, создаёт у граждан и правоприменителей на местах ложное ощущение легитимности публичного намаза.

Таким образом, в российском законодательстве отсутствует однозначная квалификация публичного совершения намаза, что порождает два конкурирующих подхода: как миссионерской деятельности и как религиозного обряда, проведённого с нарушением ст. 16 № 125-ФЗ. Фактически суды предпочитают первый подход, что не всегда соответствует признакам миссионерской деятельности, установленным в официальных разъяснениях. Рост числа административных дел по статье 5.26 КоАП РФ в первом полугодии 2025 года более чем на 50 % по сравнению с аналогичным периодом 2024 года выступает индикатором неэффективности государственной политики в данной сфере межконфессиональных отношений, а также о недостаточности принимаемых профилактических мер, нацеленных на формирование правовой культуры среди трудовых мигрантов.

Литература:

1. Стратегия государственной национальной политики до 2036 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 25 ноября 2025 г. № 858 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. № 48 (часть IV). Ст. 7312.
2. Обзор судебной практики по делам об административных правонарушениях, предусмотренных статьями 5.26 «Нарушение законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях» Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях», утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 26 июня 2019 г.
3. Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26.09.1997 г. № 125-ФЗ // Рос. газ. 1997. № 190.
4. Постановление Лефортовского районного суда по делу № 05–0022/2025 от 04.01.2025 // Правовая навигационная система «Закон РФ».
5. Постановление Люблинского районного суда по делу № 05–3361/24 от 03.10.2024 // Правовая навигационная система «Закон РФ».
6. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 1 полугодие 2025 года // Архив статистических отчетов Судебного департамента при Верховном суде // Судебный департамент при Верховном суде [сайт]. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79>
7. Государственный доклад о реализации государственной национальной политики российской Федерации в 2025 году. [Электронный ресурс] // ФАДН России [сайт]. URL: <https://fadn.gov.ru/otkritoe-agenstvo/realizaciya-strategii-gosudarstvennoj-naczionalnoj-politiki-rossijskoj-federaczii-na-period-do-2025-goda/file-download/rubxj5jyrvezi-vdndqlxe43k2y36gpy?ysclid=mqfn900o1z483345024>
8. Директор межрегионального ресурсного центра в сфере адаптации мигрантов и межнациональных отношений «ПСП-фонд» Борис Панич [Электронный ресурс] // Коммерсантъ [сайт]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6835219>
9. Верховный муфтий призвал мусульман не совершать молитвы в публичных местах. [Электронный ресурс] // РИА Новости [сайт]. URL: <https://ria.ru/20251209/islam-2060847642.html?ysclid=mj2s7egenf711249672>
10. Юрист ответил, будет ли совершение намаза в общественном месте нарушением [Электронный ресурс] // News.ru [сайт]. URL: https://news.ru/society/yurist-otvetil-budet-li-sovershenie-namaza-v-obshchestvennom-meste-narusheniem?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzen.ru%2Fnews%2Finstory%2F19b5acaa-b6d4-5063-9abb-42758aa6e4be
11. Правовое разъяснение совершения намаза в общественных местах. [Электронный ресурс] // Зори Табасарана [сайт]. URL: <https://zoritabasarana.ru/rubriki/news/informatsiya/item/pravovoe-razyasnenie-soversheniya-namaza-v-obshchestvennyh-mestah/>

Конституционные ценности в информационном обществе: конституционно-правовой аспект (по запросу руководителя аппарата Уполномоченного по правам человека в Саратовской области)

Смолькова Алина Николаевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Подмарев Александр Александрович, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

Актуальность исследования обусловлена стремительной цифровизацией: в 2025 г. доступ к интернету имели 92 % домохозяйств Российской Федерации, а Федеральная государственная информационная система уполномоченных по правам человека за первый год работы обработала свыше шести тысяч обращений граждан. Рост киберугроз и утечек персональных данных обостряет противоречие между конституционной свободой информации и информационной безопасностью, что отражено в дополненном в 2020 г. пункте «м» статьи 71 Конституции Российской Федерации. Цель статьи — систематизировать конституционные ценности информационного общества и определить механизмы их защиты применительно к деятельности региональных уполномоченных по правам человека. Методологическую основу составили формально-юридический, системно-структурный, сравнительно-правовой методы и метод классификации. В результате предложена трёхуровневая классификация конституционных ценностей информационного общества (общеправовой, отраслевой, институциональный уровни), систематизированы конституционные пределы ограничения информационных

прав, обоснована необходимость выработки аппаратом Уполномоченного по правам человека в Саратовской области алгоритма реагирования на обращения о нарушении цифровых прав. Результаты имеют теоретическое значение для конституционной аксиологии цифровой эпохи и практическую значимость для региональной правозащитной деятельности.

Ключевые слова: конституционные ценности, информационное общество, цифровизация, конституционные права и свободы, информационная безопасность, персональные данные, Уполномоченный по правам человека.

Информационное общество характеризуется превращением информации в ключевой ресурс развития, а цифровых технологий — в инфраструктуру общественных отношений. Масштаб изменений подтверждается статистикой: в 2025 г. доступ к интернету имели 92 % домохозяйств Российской Федерации [14]; доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2024 г. (далее — доклад Уполномоченного за 2024 г.) фиксирует рост кибератак, дипфейков и незаконного распространения персональных данных [12], а Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека (далее — СПЧ) указывает на риски «галопирующей» цифровизации для конституционных прав [11]. Значимость проблемы подтверждена и конституционной реформой 2020 г.: пункт «м» статьи 71 Конституции Российской Федерации [1] впервые отнёс к ведению Федерации обеспечение безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий.

Категория конституционных ценностей разработана Н. С. Бондарём, определившим её как категорию действующего, а не только доктринального права [6, с. 3]. Влияние цифровизации на право раскрыто Т. Я. Хабриевой [7, с. 6]; вопросы конституционализации цифровых прав — И. А. Крацевом [8, с. 45] и Е. В. Лунгу [9]; принцип соразмерности конституционных ценностей в цифровой среде — С. С. Олесько [10]. Вместе с тем системная многоуровневая классификация таких ценностей и её связь с институтом регионального уполномоченного по правам человека в литературе не разработаны, что определяет научную задачу статьи.

Целью статьи является систематизация конституционных ценностей информационного общества и определение конституционно-правовых механизмов их защиты применительно к деятельности региональных уполномоченных по правам человека. Задачи: раскрыть содержание категории «конституционные ценности» применительно к информационному обществу; систематизировать образующие её нормы; предложить классификацию; определить критерии соразмерности ограничения информационных прав; сформулировать предложения для аппарата Уполномоченного по правам человека в Саратовской области. Гипотеза состоит в том, что указанные ценности образуют иерархическую систему, а институт уполномоченного по правам человека выступает недостаточно теоретически обеспеченным звеном её реализации на региональном уровне.

Объектом исследования выступают общественные отношения по реализации и защите конституционных ценностей в информационном обществе; предметом — конституционно-правовые нормы, доктрина и правоприменительная практика, определяющие их систему и пределы ограничения. Научная новизна состоит в разработке трёхуровневой классификации конституционных ценностей информационного общества и в обосновании алгоритма реагирования аппарата регионального уполномоченного по правам человека на обращения о нарушении цифровых прав граждан.

Нормативную базу исследования составили Конституция Российской Федерации [1], Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ [2], Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ [3], Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы (Указ Президента РФ № 203) [4] и Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (Указ Президента РФ № 646) [5]. Эмпирическую базу составили доклад Уполномоченного за 2024 г. [12], доклад СПЧ [11], статистические материалы НИУ ВШЭ [14] и данные о работе Федеральной государственной информационной системы уполномоченных по правам человека (далее — ФГИС) [13]. Теоретическую базу составили работы [6–10], отобранные по критериям тематического соответствия категориям «конституционные ценности», «информационное общество», «цифровизация права» и актуальности.

Методологическую основу составили формально-юридический метод (анализ конституционных и отраслевых норм), системно-структурный метод (ценности как элементы единой системы), сравнительно-правовой метод (сопоставление доктринальных подходов), метод классификации (построение трёхуровневой модели) и метод правового моделирования (разработка предложений для регионального аппарата). Специальное программное обеспечение не использовалось; в связи с теоретико-правовым характером работы этическое одобрение не требовалось.

Результаты

1. Ценностный каркас регулирования информационных отношений образуют статья 2, часть 1 статьи 21, статьи 23–24, части 4–5 статьи 29 и пункт «м» статьи 71 Конституции Российской Федерации [1].

2. Систематизация указанных норм по уровню общённости позволяет распределить конституционные ценности информационного общества по трём уровням (табл. 1).

3. Доля домохозяйств Российской Федерации с доступом в интернет в 2025 г. составила 92 %, в отдельных субъектах — от 72 до 82 % [14]; ФГИС за первый год функционирования обработала более шести тысяч обращений граждан [13]; доклад Уполномоченного за 2024 г. фикси-

Таблица 1. Система конституционных ценностей информационного общества

Уровень	Конституционные ценности	Конституционно-правовое закрепление
Общеправовой	Человеческое достоинство; права и свободы человека как высшая ценность	Ст. 2, ч. 1 ст. 21 Конституции РФ
Отраслевой	Свобода информации; неприкосновенность частной жизни; информационная безопасность	Ст. 23, 24, 29, п. «м» ст. 71 Конституции РФ; ФЗ № 149-ФЗ, № 152-ФЗ
Институциональный	Независимость правозащитных институтов как гарантии соразмерности ограничений	Ст. 2, 18 Конституции РФ; законодательство об уполномоченных по правам человека

рует рост кибератак и незаконного распространения персональных данных [12].

4. В доктрине отсутствует единство в оценке соотношения свободы информации и информационной безопасности: И. А. Кравец [8] и Е. В. Лунгу [9] акцентируют приоритет цифровых прав личности, тогда как С. С. Олесько [10] и доклад СПЧ [11] — необходимость усиления гарантий безопасности и суверенитета.

5. Ограничение информационных прав признаётся допустимым при соблюдении требований законности цели, соразмерности, недопустимости искажения существа права [10] и осуществления ограничения только федеральным законом.

Предложенная классификация согласуется с подходом Н. С. Бондаря, рассматривавшего конституционные ценности как категорию действующего права [6, с. 4], и дополняет его институциональным уровнем, отражающим роль правозащитных механизмов, включая уполномоченных по правам человека, как гарантов соразмерности ограничения информационных прав.

Расхождение в оценке приоритета свободы информации и информационной безопасности объясняется, на наш взгляд, различием исследовательских ракурсов, а не содержательным противоречием: задача конституционно-правового регулирования состоит не в устранении, а в сбалансированном соотношении конкурирующих ценностей применительно к конкретной ситуации, как показывает систематизированный тест соразмерности.

Рост обращений в ФГИС [13] и рост киберпосягательств [12] подтверждают практическую значимость институционального уровня классификации для региональных уполномоченных, включая аппарат Уполномоченного по правам человека в Саратовской области, притом что специализированный алгоритм работы с обращениями о нарушении цифровых прав в доступных источниках не выявлен. Ограничение исследования связано

с его теоретико-правовым характером и отсутствием открытой региональной статистики для эмпирической верификации классификации, что определяет направление дальнейших исследований.

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы. Конституционные ценности информационного общества образуют иерархическую систему, систематизируемую по трём уровням — общеправовому, отраслевому и институциональному. Конституционная реформа 2020 г. впервые придала информационной безопасности статус самостоятельного предмета ведения Российской Федерации (п. «м» ст. 71 Конституции РФ), что требует дальнейшего осмысления её соотношения со свободой информации. Ограничение информационных прав допустимо лишь при кумулятивном соблюдении требований законности цели, соразмерности, недопустимости искажения существа права и формы федерального закона. Зафиксированные данные о масштабе цифровизации и росте обращений в правозащитные органы подтверждают практическую востребованность институционального уровня предложенной классификации для региональных уполномоченных, включая аппарат Уполномоченного по правам человека в Саратовской области.

Цель исследования достигнута, задачи решены. Практическая значимость работы — в использовании предложенной классификации и теста соразмерности при разработке аппаратом Уполномоченного по правам человека в Саратовской области алгоритма рассмотрения обращений о нарушении цифровых прав. Теоретическая значимость — в развитии конституционной аксиологии применительно к информационному обществу. Направления дальнейших исследований — эмпирический анализ региональной правозащитной практики и сравнительно-правовое изучение зарубежного опыта.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 31. — Ст. 4398.
2. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 31 (ч. 1). — Ст. 3448.
3. О персональных данных: Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 31 (ч. 1). — Ст. 3451.
4. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 // Собрание законодательства РФ. — 2017. — № 20. — Ст. 2901.

5. Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 № 646 // Собрание законодательства РФ. — 2016. — № 50. — Ст. 7074.
6. Бондарь, Н. С. Конституционные ценности — категория действующего права (в контексте практики Конституционного Суда России) / Н. С. Бондарь // Журнал конституционного правосудия. — 2009. — № 6 (12). — С. 1–11.
7. Хабриева, Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности / Т. Я. Хабриева // Журнал российского права. — 2018. — № 9. — С. 5–16.
8. Кравец, И. А. Конституционный символизм, модернизация конституции и информационное общество (между учредительным и информационным конституционализмом для России) / И. А. Кравец // Lex russica. — 2020. — Т. 73, № 1. — С. 43–58.
9. Лунгу, Е. В. Конституционные права и свободы человека в свете цифровизации общественных отношений / Е. В. Лунгу // Lex russica. — 2025. — Т. 78, № 3.
10. Олесько, С. С. Переосмысление конституционных ценностей под влиянием процесса цифровизации (часть 2) / С. С. Олесько // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. — 2026. — № 1 (74). — С. 105–110.
11. Доклад Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека «Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве» (версия 2.0). — М., 2025.
12. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2024 год // Российская газета. — 2025. — 26 февраля.
13. Более 6 тыс. обращений обработала ФГИС уполномоченного по правам человека за год [Электронный ресурс] // РАПСИ. — 2026. — URL: https://www.rapsinews.ru/human_rights_protection_news/20260303/311648438.html (дата обращения: 04.09.2026).
14. Интернет стал нормой жизни россиян [Электронный ресурс] // НИУ ВШЭ, Институт статистических исследований и экономики знаний. — 2025. — URL: <https://issek.hse.ru/news/1143575318.html> (дата обращения: 04.09.2026).

Примирительные процедуры в гражданском процессе России и зарубежных стран

Степчук Татьяна Дмитриевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Ширяева Кристина Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент

Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Саратов)

В статье представлен сравнительно-правовой анализ Российского законодательства и зарубежных стран в области применения примирительных процедур в гражданском процессе. В российском процессуальном законодательстве институт примирительных процедур полноценно появился в 2019 году и поэтому считается достаточно молодым по сравнению с зарубежным институтом примирения. Появление примирения в гражданском процессуальном законодательстве России обусловлено большой нагрузкой на судебную систему, которая вызвана ростом количества обращений в суды за защитой своих прав.

Ключевые слова: примирительные процедуры, гражданский процесс, зарубежные страны, институт примирения, национальные системы, медиация, переговоры, судебное примирение.

Ввиду непродолжительного срока использования примирительных процедур в российском законодательстве можно выявить как положительные стороны, так и недостатки требующие устранения. Для этого целесообразно провести сравнение с законодательством зарубежных стран, где институт примирения появился намного раньше, что позволит использовать накопленный положительный опыт для российского законодательства. Для сравнения с примирительными процедурами в России выбраны национальные системы Германии из романо-германской правовой семьи и Великобритании из англосаксонской правовой семьи.

Примирительные процедуры, представляют собой способы урегулирования правового спора между конфликту-

ющими сторонами своими силами или при помощи посредника, посредством нахождения компромисса.

Согласно ст. 153.3 [1] Гражданского процессуального кодекса (ГПК РФ) основными видами примирительных процедур являются переговоры, посредничество, в том числе медиация и судебное примирение.

Целью примирительных процедур является достижение примирения и в последствии отказ сторон правового конфликта от продолжения судебного разбирательства. Согласно статье 153.7 результатом примирительных процедур может быть заключение мирового соглашения, отказ от иска, признание иска, отказ от апелляционной, кассационной жалобы, надзорной жалобы (представления),

а также признание обстоятельств, на которых другая сторона основывает свои требования или возражения.

Рассматривая общие положения о примирительных процедурах в России, Германии и Великобритании стоит в первую очередь отметить, что в ГПК РФ есть отдельная глава 14.1, которая достаточно детально регулирует примирительные процедуры, предусмотренные Российским законодательством, такие как — переговоры, медиация и судебное примирение. Что касается законодательства Германии и Великобритании, то по сравнению с российским законодательством примирительные процедуры в гражданском процессе не так детально регламентированы. В Гражданском процессуальном уложении Германии [2] (ГПУ Германии) предусмотрено всего пару параграфов (статей), которые регулируют примирительные процедуры, а в Правилах гражданского судопроизводства Великобритании [3] (ПГС Великобритании) правила, регулирующие примирение разбросаны по данному нормативно-правовому акту и не имеют детальной регламентации.

Сходством в общих положениях о примирительных процедурах для всех трех стран является указание в законодательстве на то, что суд должен содействовать примирению сторон.

Главные отличия общих положения Российского законодательства заключаются в том, что примирительные процедуры не являются обязательными, а проводятся на добровольной основе, в Германии же согласно параграфу 278 ГПУ Германии до устного разбирательства должна проводиться примирительная процедура, за исключением случаев, когда попытка примирения уже предпринималась по подачи иска в суд либо примирительная процедура заведомо не имеет перспектив. Что касается Великобритании, то здесь согласно правилу 3.1 ПГС Великобритании, суд может приостановить судебное разбирательство и назначить примирительную процедуру, а также может даже обязать сторону выплатить денежную сумму, если сторона без уважительной причины отказалась от участия в примирительной процедуре.

Говоря о такой примирительной процедуре, как переговоры, стоит отметить, что в ГПК РФ данная процедура отдельно обозначена в статье 153.4, что касается ГПУ Германии, то в нем отсутствует параграф (статья), которая закрепляет переговоры, как примирительную процедуру, но при этом присутствует упоминание о том, что возможно проводить переговоры относительно заключения мирового соглашения в параграфе § 251.1 ГПУ Германии, что указывает на то, что данная процедура также применяется несмотря на то, что не имеет закрепления в ГПУ Германии. В ПГС Великобритании не выделяют отдельно переговоры как примирительную процедуру и поэтому закон не содержит отдельных пунктов правил посвященным переговорам. Переговоры в Великобритании являются частью процесса любой примирительной процедуры.

Ещё одним видом примирительных процедур в ГПК РФ является судебное примирение, которое проводится

судебным примирителем (судьей в отставке), данный вид дополнительно регулируется Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.2019 N 41 «Об утверждении Регламента проведения судебного примирения» [4].

В Германии данный вид судебного примирения как таковой отсутствует, но предусмотрена примирительная процедура с судьей-посредником, об этой судебной процедуре говорится в параграфе 278 ГПУ Германии. Судья-посредник может использовать все методы урегулирования конфликта, включая медиацию, в то время как судебный примиритель в России может проводить только определенную процедуру судебного примирения, которая регулируется Регламентом проведения судебного примирения.

В ПГС Великобритании отсутствуют правила регулирования судебного примирения, но при этом в судебной практике примиряется схожая с российской процедура судебного примирения, доказательства этому можно найти в книге “The Jackson ADR Handbook” by Susan Blake, Julie Browne, and Stuart Sime, которая предоставляет всесторонний обзор примирительных процедур в Англии и Уэльсе, включая информацию о судебном примирении. Судебное примирение в Великобритании осуществляется судьей, которые не участвовал в рассмотрении спора и является достаточно опытным, при этом имея квалификацию, позволяющую проводить ему судебное примирение.

Сравнивая процедуру медиации стоит отметить, что в ГПК РФ ст. 153.5 закрепляет данную процедуру и отсылает нас к Федеральному закону «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [5] от 27.07.2010 N 193-ФЗ, который более детально регулирует данную процедуру.

В ГПК РФ относительно медиации указывается, что стороны вправе прибегнуть к данной процедуре и в случае заявления ходатайство суд откладывает судебное разбирательство. В ГПУ Германии же говорится о том, что суд может предложить сторонам процедуру медиации и при принятии сторонами решения о проведении данной процедуры, суд приостанавливает производство по делу.

В Германии медиация регулируется ГПУ Германии и Законом Германии от 26 июля 2012 г. «О поддержки медиации и других форм внесудебного урегулирования конфликтов» [6]. Понятия процедуры медиации и медиатора имеют схожий смысл, но при этом Российское законодательство наиболее полно описывает данную процедуру и регламентирует её, нежели законодательство Германии, которое содержит всего 9 параграфов (статей).

Что касается Великобритании, медиация не имеет законодательного закрепления в ПГС, но существует организация Civil Mediation Council (СМС), которая регулирует деятельность медиаторов, а также устанавливает стандарты для медиаторов и аккредитует их. СМС также разработал кодекс поведения для медиаторов, который устанавливает этические принципы, которыми должны руководствоваться медиаторы.

Также важно отметить, что в отличие от российского законодательства в Великобритании медиация может быть обязательной. В апреле 2011 г. было принято решение о внесении изменений в Закон 1996 г. «О семье», в соответствии с которым применение процедуры медиации является обязательным при расторжении брака, а также при решении иных споров, вытекающих из семейных отношений.

Таким образом, важно отметить, что Российское законодательство в сфере примирительных процедур является более полным и структурированным по отношению к законодательству Германии и Великобритании, в российском законодательстве четко обозначены основные виды примирительных процедур, которые достаточно детально регламентированы.

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 06.04.2024 г.) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. ст. 4532; 2026. № 15. ст. 1846.
2. Гражданское процессуальное уложение Германии (30 января 1877 года) (в редакции от 5 декабря 2005 г. с изменениями и дополнениями, внесенными по июнь 2014 г.). URL: https://e-ecolog.ru/docs/EHVEXs3zabzsfz8rjhB-jN?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (Дата обращения 06.09.2026).
3. Правила гражданского судопроизводства Великобритании 1998 года. URL: <https://wipolex-res.wipo.int/edocs/lex-docs/laws/en/gb/gb317en.pdf> (Дата обращения 06.09.2026).
4. Постановление Правительства РФ от 14 апреля 2020 г. № 504 «Об утверждении Правил оплаты труда судей, пребывающих в отставке и осуществляющих функции судебных примирителей» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 16. ст. 2614.
5. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193 (ред. от 26.07.2019 г.) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре)» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 31. ст. 4162; 2019. № 30. ст. 4099.
6. Закон Германии от 26 июля 2012 г. «О поддержки медиации и других форм внесудебного урегулирования конфликтов». URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20877414> (Дата обращения 30.05.2025).

Порядок признания наследника недостойным и отстранения его от наследования

Столярик Полина Евгеньевна, студент

Научный руководитель: Голикова Светлана Витальевна, кандидат юридических наук, доцент
Севастопольский государственный университет

В статье исследуется порядок признания наследника недостойным и его отстранения от наследования. Проведён анализ двух возможных процедур признания наследника недостойным — в рамках нотариального производства и в судебном порядке. Особое внимание уделено вопросам правоприменительной практики, включая оценку доказательств при установлении злого умысла отклонения от обязанностей по содержанию наследодателя. Правовые последствия признания наследника недостойным выражаются в перераспределении наследственного имущества и аннулировании ранее выданных правоустанавливающих документов. Сделан вывод о доминирующей роли судебной инстанции в механизме отстранения от наследования и вспомогательной функции нотариуса, реализующего последствия судебного решения.

Ключевые слова: наследственное право, недостойный наследник, отстранение от наследования, нотариальное производство, наследственные споры, перераспределение наследства.

The procedure for recognizing an heir as unworthy and disqualifying him from inheritance

Stolyarik Polina Yevgenyevna, student

Scientific advisor: Golikova Svetlana Vitalyevna, candidate of law, associate professor
Sevastopol State University

This article examines the procedure for declaring an heir unworthy and disqualifying them from inheritance. Two possible procedures for declaring an heir unworthy are analyzed: through notarial proceedings and through the courts. Particular attention is paid to issues of law enforcement practice, including the assessment of evidence when establishing malicious evasion of the testator's support obligations. The legal consequences of declaring an heir unworthy include the redistribution of inherited property and the annul-

ment of previously issued title documents. It is concluded that the court plays a dominant role in the mechanism of disqualification from inheritance, while the notary plays a supporting role in implementing the consequences of a court decision.

Keywords: inheritance law, unworthy heir, disqualification from inheritance, notarial proceedings, inheritance disputes, redistribution of inheritance.

Актуальность темы связана с высокой значимостью института недостойных наследников для обеспечения справедливости в наследственных правоотношениях. Значимость рассматриваемой темы обусловлена серьезными правовыми последствиями признания наследника недостойным, включая перераспределение наследственного имущества, аннулирование ранее выданных документов на имущество и возможные дополнительные судебные споры. Это требует выработки единообразного подхода к применению норм законодательства и повышенного внимания со стороны как правоприменителей, так и исследователей.

Существует две возможности признания наследника недостойным: в рамках нотариального производства и в судебном порядке. Однако, указанная классификация носит в значительной степени условный характер, поскольку в обоих случаях решающая роль принадлежит судебной инстанции.

Если в отношении наследника имеется судебное решение, в котором презюмируется одно из оснований признания наследника недостойным абз.1, 2 п.1 ст.1117 ГК РФ (приговор суда либо решение суда по гражданскому делу), оно может быть сразу передано нотариусу. Согласно п. 53 Регламента совершения нотариусами нотариальных действий, устанавливающего объем информации, необходимой нотариусу для совершения нотариальных действий, и способ ее фиксирования, на основании данного судебного решения нотариус самостоятельно исключает соответствующее лицо из числа наследников [3]. Данный подход также закреплен в пп. «б» п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» [4].

Такое правовое регулирование является полностью обоснованным, т. к. направлено на процессуальную экономию и оперативность оформления наследственных прав. Необходимость специализированного рассмотрения дела отсутствует, поскольку юридически значимые обстоятельства уже установлены судом. Однако, возможность обратиться к нотариусу существует только если не истек шестимесячный срок вступления в наследство со дня смерти наследодателя и наследники еще не получили свидетельство о праве на наследство.

Если шестимесячный срок со дня смерти наследодателя истек и наследники вступили в наследство, то существует возможность обратиться в суд с иском о признании наследника недостойным. Также исковое заявление должно быть подано, если гражданин злостно уклонялся от обязанностей по содержанию наследодателя (п.2 ст.1117 ГК РФ). «Исковое заявление по вопросу о признании лица недостойным наследником можно подать в суд в течение десяти лет со дня смерти наследодателя» [5].

Рассматривая дел суд должен оценить все доказательства в совокупности. Например, злостный характер уклонения от содержания наследодателя в каждом случае должен определяться с учетом продолжительности и причин неуплаты. В одном из дел, судами первой и апелляционной инстанций не были установлены и, как следствие, не приняты во внимание обстоятельства, связанные с выполнением Ф. обязательств по содержанию своего сына Д. Верховный суд РФ указал, что материалы гражданского дела не содержат каких-либо данных, свидетельствующих об исполнении ответчиком этой обязанности родителя, и сведений о его участии в материальном обеспечении сына Д. до достижения им совершеннолетия [2]. Ввиду изложенного данные выводы судов первой и апелляционной инстанций были признаны незаконными.

Положительное судебное решение о признании наследника недостойным влечет сложные правовые последствия, поскольку требует фактического пересмотра уже сложившихся имущественных отношений. «Лица, признанные недостойными наследниками в первую очередь теряют право владения унаследованным имуществом, которое было получено ими противоправно и безосновательно» [1]. В частности, возникает необходимость в аннулировании ранее выданных свидетельств о праве на имущество, возврате имущества в наследственную массу и последующем его перераспределении между надлежащими наследниками. Данный процесс может сопровождаться дополнительными спорами, связанными с добросовестностью приобретения имущества, его сохранностью и возможностью возврата в натуре.

Сравнительный анализ рассмотренных вариантов признания наследника недостойным говорит о том, что их различие заключается в стадии наследственного процесса и характере правовых последствий. Однако, в обоих случаях, признание наследника недостойным возможно исключительно на основании решения суда (принятого по другому делу или по специальному иску). Данное положение основано на том факте, что нотариус не обладает полномочиями по оценке поведения наследника как недостойного. Он может обосновывать свои выводы только на основе решения суда.

Таким образом, проведенный анализ показал, что в порядке признания наследника недостойным и отстранения его от наследования ключевая роль отводится суду. Обращение к нотариусу возможно лишь при наличии вступившего в законную силу судебного акта, подтверждающего недостойность наследника, и при условии, что наследственное дело находится на стадии оформления (не истек шестимесячный срок). В этом случае нотариус реализует

последствия уже установленного судом факта, что обеспечивает процессуальную экономию и оперативность оформления наследственных прав. По истечении указанного срока или при отсутствии соответствующего судебного акта защита прав заинтересованных лиц осуществляется исклю-

чительно в исковом порядке. Судебное разбирательство в таких ситуациях направлено не только на установление факта недостойности, но и на пересмотр уже возникших имущественных правоотношений, что обуславливает более сложный характер правовых последствий.

Литература:

1. Казаков, Н. С. Особенности признания лица недостойным наследником / Н. С. Казаков // Скиф. Вопросы студенческой науки. — 2021. — № 5(57). — С. 264–268
2. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 25 мая 2025 г. по делу № 2–100/2024 // <https://sudact.ru/vsrf/doc/MLDvIpDOOBQp/?ysclid=mnbza7xh5w138323880> (дата обращения 10.03.2026)
3. Приказ Министерства юстиции РФ от 30 августа 2017 г. N 156 «Об утверждении Регламента совершения нотариусами нотариальных действий, устанавливающего объем информации, необходимой нотариусу для совершения нотариальных действий, и способ ее фиксирования» // <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201709070015?ysclid=mn27gajti641346040> (дата обращения 12.03.2026)
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 N 9 (ред. от 24.12.2020) «О судебной практике по делам о наследовании» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_130453/?ysclid=mn27d1dcua596032914 (дата обращения 12.03.2026)
5. Чернова, А. Н. Порядок признания граждан недостойными наследниками / А. Н. Чернова // Актуальные проблемы истории, политики и права: Сборник статей XII Всероссийской научно-практической конференции, Пенза, 16–17 октября 2024 года. — Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2024. — С. 273–276.

Понятие и природа латентной преступности в Российской Федерации

Страхова Светлана Анатольевна, студент
Московский университет «Синергия»

Данная статья посвящена исследованию понятия и природы латентной преступности. Приведены существующие в литературе определения понятия «латентная преступность», осуществлен их анализ и по результату в заключении дано авторское определение исследуемого понятия.

Ключевые слова: преступление, латентная преступность, скрытая преступность.

The concept and nature of latent crime in the Russian Federation

Strakhova Svetlana Anatolyevna, student
Moscow University «Synergy»

This article is devoted to the study of the concept and nature of latent crime. The definitions of the concept of “latent crime” that exist in the literature are presented, they are analyzed, and based on the results, the author’s definition of the concept under study is provided in the conclusion.

Keywords: crime, latent crime, hidden crime.

Актуальность изучения латентной преступности заключается в том, что без достоверных сведений о масштабах этого явления, его динамике и качественном составе в конкретных регионах и временных периодах невозможно в полной мере осознать всю глубину и серьёзность преступности в обществе.

«Латентная преступность не только искажает объективную картину фактической преступности, но и порождает множество других отрицательных последствий, в частности в области экономики, политики, социально-

психологической жизни общества. Без учета сведений о латентной преступности нельзя правильно определить стратегию и тактику борьбы с преступностью в целом, включая законодательную и правоприменительную деятельность, повышать ее действенность, а также эффективность тех или иных уголовно-правовых норм» [6, с. 42].

Понятие латентной преступности впервые ввёл в научный оборот бельгийский математик и социолог А. Ж. Кетле [7]. Он определял латентные преступления как «преступления, оставшиеся неизвестными

правосудию». Кетле одним из первых оценил значение латентности и отмечал, что существует почти неизменное соотношение между зарегистрированными преступлениями и всей суммой фактически совершённых деяний. Он подчёркивал, что если бы латентная преступность не существовала, то все выводы, сделанные на основе уголовной статистики, были бы ложными и бессмысленными.

А. А. Конев определял её как, «совокупность преступлений с не истекшим сроком давности, реально имевших место и повлёкших возникновение уголовно-правовых отношений, но по каким-либо причинам не ставших известными компетентным правоохранительным органам» [4, с. 20].

Г. И. Забрянский и А. С. Шляпочников и понимали под латентной преступностью «преступления, скрытые от одного из органов, которым по закону предоставлено право расследовать или рассматривать дела о совершённых преступлениях» [2, с. 99].

В современных учебниках вопрос латентной преступности всё чаще рассматривается в многостороннем контексте. В частности, криминологический учебник под руководством А. И. Долговой определяет данное явление как многоплановую проблематику, изучение которой осуществляется на стыке различных научных дисциплин и требует соответствующего комплексного подхода к её разрешению. «Масштабы, характеристики латентной части преступности зависят от комплекса причин, среди которых не последнюю роль играет профессиональное мастерство тех, кто борется с преступностью, в том числе профессионализм криминологов-исследователей» [1, с. 123].

Изучению латентной преступности, её природы, а также факторов, способствующих её возникновению, посвятили свои научные труды такие исследователи, как С. М. Иншаков, Н. В. Сазонова и ряд других учёных.

В центре их научного интереса находится прежде всего раскрытие природы данного явления и его категориального аппарата.

В частности, Н. В. Сазонова трактует скрытую преступность как особый сегмент криминальной действительности, представленный совокупностью правонарушений, оставшихся за рамками официального государственного учёта. Данное явление, по мнению исследователя, «обладает специфическими закономерностями формирования и трансформации, несёт в себе социальную и уголовно-правовую составляющую, представляет угрозу для общества, а также характеризуется собственными качественными и количественными параметрами, определёнными временными рамками и географическими границами распространения» [5, с. 15].

С. М. Иншаков формулирует данное понятие так: «латентная преступность представляет собой ту долю реально совершённых преступлений, которая остаётся за пределами официального учёта» [3, с. 98].

В заключение сформулируем авторское понятие рассматриваемого явления.

Итак, латентная преступность — это совокупность преступлений и лиц, их совершивших, которые в определённых условиях места и времени оказались не выявленными или не зарегистрированными уголовной статистикой. Латентные преступления могут оставаться вне поля зрения правоохранительных органов по двум принципиально различным причинам: либо сведения об их совершении к ним не поступают, либо, несмотря на поступление такой информации, она по тем или иным основаниям не регистрируется.

Для определения реального масштаба латентной преступности в каждом конкретном случае применяются либо эмпирические методы, либо проводятся целенаправленные криминологические исследования.

Литература:

1. Криминология: Учебник для вузов / Под общ. ред. д. ю. н., проф. А. И. Долговой. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма, 2005. — 912 с.
2. Забрянский Г. И., Шляпочников А. С. Выявление латентной преступности // Советское государство и право. — 1971. -№ 5. — С. 98–103.
3. Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности: монография / под ред. С. М. Иншакова. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2013. — 351 с.
4. Конев А. А. Криминологическая характеристика и предупреждение латентной преступности: Автореф. дис... канд. юрид. наук. — М., 1980. — 47 с.
5. Сазонова Н. В. Латентная преступность: понятие, причины, измерение: дис... канд. юрид. наук. Красноярск, 2004. — 164 с.
6. Теохаров А. К. Понятие и природа латентной преступности // Журнал правовых и экономических исследований. — 2023. — № 4. — С.132–139.
7. Шеин В. А. Латентная преступность в Российской Федерации: проблемы идентификации, выявления и предупреждения возникновения // Научный аспект. — 2024. — № 7. — URL: <https://na-journal.ru/7-2024-pravo/13832-latentnaya-prestupnost-v-rossiiskoi-federacii-problemy-identifikacii-vyyavleniya-i-preduprezhdenie-vozniknoveniya>.

Корпоративный конфликт интересов и фидуциарные обязанности директора

Тарасова Дарья Андреевна, студент магистратуры
Сибирский юридический университет (г. Омск)

В статье рассматривается корпоративный конфликт интересов как одна из основных причин нарушения прав хозяйственного общества и его участников. Раскрывается соотношение российских правил об ответственности лиц, входящих в состав органов управления корпорации, с доктриной фидуциарных обязанностей.

Ключевые слова: директор, конфликт интересов, фидуциарные обязанности, добросовестность, обязанность лояльности, корпоративное управление, убытки, сделка с заинтересованностью.

Директор хозяйственного общества обладает значительным объёмом полномочий по распоряжению имуществом юридического лица, заключению договоров, выбору контрагентов и определению основных направлений текущей деятельности. При этом директор не является собственником имущества общества, а результаты принимаемых им решений непосредственно отражаются на имущественном положении корпорации и её участников. Такое несовпадение полномочий по управлению и принадлежности корпоративного имущества создаёт предпосылки для возникновения конфликта интересов.

Наиболее существенный риск возникает в случаях, когда личная имущественная или иная заинтересованность директора способна повлиять на содержание принимаемого решения.

Основным правовым средством предупреждения такого поведения выступают обязанности директора действовать добросовестно и разумно в интересах юридического лица. В юридической литературе указанные обязанности рассматриваются как российский аналог фидуциарных обязанностей, включающих обязанность заботливости и обязанность лояльности [7; 9].

Цель настоящей статьи заключается в определении содержания фидуциарных обязанностей директора и их значения для предупреждения корпоративного конфликта интересов. Для достижения данной цели необходимо раскрыть понятие конфликта интересов, рассмотреть основные проявления нелояльного поведения директора и определить условия его гражданско-правовой ответственности.

Конфликт интересов можно определить как ситуацию, при которой личная заинтересованность директора вступает или потенциально может вступить в противоречие с интересами возглавляемого им юридического лица. Юридическое значение имеют сокрытие заинтересованности, использование должностных возможностей в личных целях и принятие решения в ущерб корпорации.

Корпоративный конфликт интересов следует отличать от корпоративного конфликта в широком смысле. Последний может представлять собой спор между участниками общества, органами управления, кредиторами или иными лицами.

В соответствии с пунктом 3 статьи 53 Гражданского кодекса Российской Федерации лицо, уполномоченное вы-

ступать от имени юридического лица, должно действовать в его интересах добросовестно и разумно [1]. Статья 53.1 ГК РФ предусматривает обязанность такого лица возместить убытки, причинённые юридическому лицу его виновными действиями, если будет доказано, что при осуществлении прав и исполнении обязанностей оно действовало недобросовестно или неразумно.

Таким образом, российское законодательство определяет интересы юридического лица в качестве основного ориентира деятельности директора.

Одной из форм нормативного регулирования конфликта интересов являются правила о сделках с заинтересованностью, закреплённые в ст. 45 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» и статьях 81–84 Федерального закона «Об акционерных обществах» [2; 3]. Однако конфликт интересов не ограничивается совершением отдельных сделок. Он может возникнуть при распределении ресурсов внутри группы компаний, выборе коммерческой стратегии, найме работников, отказе от предъявления требований к связанному с директором лицу или использовании конфиденциальной информации.

Термин «фидуциарные обязанности» не получил исчерпывающего законодательного определения в российском праве. Вместе с тем закреплённые в ГК РФ требования добросовестности и разумности позволяют выделить две взаимосвязанные группы обязанностей директора: обязанность заботливости и обязанность лояльности.

Обязанность заботливости означает, что директор должен принимать решения на основании достаточной информации, оценивать возможные последствия своих действий и проявлять степень осмотрительности, которая обычно ожидается от руководителя при аналогичных обстоятельствах. При этом наступление убытков само по себе не доказывает неразумность поведения руководителя.

Неразумным может быть признано решение, принятое без изучения существенной документации, без проверки финансового состояния контрагента, без получения необходимых профессиональных консультаций либо при очевидном несоответствии условий сделки интересам общества. Значение имеет не только конечный результат, но и процедура подготовки управленческого решения.

Обязанность лояльности предполагает приоритет интересов юридического лица перед личными интересами директора. Она включает обязанность раскрывать сведения о заинтересованности, воздерживаться от участия в принятии решения при наличии конфликта интересов, не присваивать корпоративные возможности и не использовать имущество или информацию общества в личных целях.

Признаком нарушения обязанности лояльности может выступать заключение договора с подконтрольным директору лицом по цене, существенно отличающейся от рыночной. Нарушением также может являться перевод клиентов общества в другую организацию, бенефициаром которой выступает директор или его родственник. В подобных случаях руководитель использует предоставленные ему полномочия не для достижения целей корпорации, а для извлечения личной выгоды.

Особое значение имеет обязанность раскрытия информации. Предоставление обществу полных сведений о характере заинтересованности позволяет компетентным органам оценить предполагаемую сделку и принять решение без определяющего влияния заинтересованного лица.

Кодекс корпоративного управления рекомендует членам органов управления воздерживаться от действий, которые приведут или потенциально способны привести к возникновению конфликта между их интересами и интересами общества. При возникновении такого конфликта информация о нём должна быть раскрыта совету директоров [6].

Основной формой гражданско-правовой ответственности директора является возмещение причинённых обществу убытков. Требование может быть предъявлено самим юридическим лицом, а также его участником в предусмотренных законом случаях. Такая конструкция направлена на восстановление имущественной сферы корпорации.

В постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30 июля 2013 г. № 62 сформулированы признаки недобросовестного и неразумного поведения руководителя [4]. О недобросовестности могут

свидетельствовать действия при наличии нераскрытого конфликта интересов, сокрытие информации о совершённой сделке, совершение сделки без требуемого корпоративного согласования либо получение личной выгоды в ущерб юридическому лицу.

Одновременно судебный контроль не должен превращаться в последующую оценку коммерческой целесообразности каждого управленческого решения. Директор действует в условиях неопределённости и не всегда способен точно предвидеть развитие рыночной ситуации. Поэтому само по себе возникновение убытков не должно влечь автоматическую ответственность.

Эффективное предупреждение конфликта интересов не может обеспечиваться исключительно посредством последующего взыскания убытков. Судебная защита нередко осложняется недостатком информации, контролируемой бывшим или действующим директором, а также трудностями доказывания причинно-следственной связи.

Внутренние документы общества должны устанавливать понятный порядок раскрытия сведений о заинтересованности. Целесообразно предусмотреть обязанность директора сообщать не только об уже возникшем, но и о потенциальном конфликте интересов. В уведомлении необходимо указывать характер заинтересованности, связанных лиц и предполагаемую личную выгоду.

Перспективным направлением представляется более подробное закрепление обязанности лояльности в корпоративном законодательстве. Следует обозначить основные формы её нарушения: сокрытие заинтересованности, присвоение корпоративных возможностей, использование конфиденциальной информации, конкуренцию с обществом и содействие связанным лицам в ущерб корпорации.

Одновременно чрезмерная формализация способна ограничить нормальную хозяйственную деятельность. Поэтому законодательное регулирование должно сочетать общие стандарты добросовестности и лояльности с возможностью суда учитывать обстоятельства конкретного дела.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ. — Текст: непосредственный // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1994. — № 32. — С. 3301.
2. Об обществах с ограниченной ответственностью: Федеральный закон от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ. — Текст: непосредственный // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1998. — № 7. — С. 785.
3. Об акционерных обществах: Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ. — Текст: непосредственный // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 1. — С. 1.
4. О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица: постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30 июля 2013 г. № 62. — Текст: непосредственный // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. — 2013. — № 10.
5. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25. — Текст: непосредственный // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 2015. — № 8.
6. Кодекс корпоративного управления: рекомендован письмом Банка России от 10 апреля 2014 г. № 06-52/2463. — Текст: непосредственный // Вестник Банка России. — 2014. — № 40.

7. Гутников, О. В. Корпоративная ответственность в гражданском праве: монография / О. В. Гутников. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2019. — 488 с. с. — Текст: непосредственный.
8. Шиткина, И. С. Корпоративное право: учебный курс: в 2 т. / И. С. Шиткина. — М.: Статут, 2018. — Текст: непосредственный.
9. Ломакин, Д. В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика её применения / Д. В. Ломакин. — М.: Статут, 2008. — 511 с. — Текст: непосредственный.
10. Суханов, Е. А. Сравнительное корпоративное право / Е. А. Суханов. — М.: Статут, 2014. — 456 с. с. — Текст: непосредственный.

Квалификация цепочки договоров в качестве единой крупной сделки

Тарасова Дарья Андреевна, студент магистратуры
Сибирский юридический университет (г. Омск)

Статья посвящена проблемам квалификации нескольких формально самостоятельных договоров в качестве единой крупной сделки хозяйственного общества. Рассматриваются предусмотренные законодательством и сформулированные судебной практикой критерии взаимосвязанности сделок.

Ключевые слова: крупная сделка, взаимосвязанные сделки, цепочка договоров, хозяйственное общество, корпоративное одобрение, обычная хозяйственная деятельность, недействительность сделки, корпоративный контроль.

Крупные сделки имеют особое значение для деятельности хозяйственных обществ, поскольку могут существенно изменить структуру их активов или повлиять на имущественное положение участников. В связи с этим законодательство предусматривает необходимость предварительного одобрения таких сделок уполномоченными органами общества.

На практике нередко заключается несколько договоров, каждый из которых формально не достигает установленного законом стоимостного порога. Однако совокупность этих договоров может быть направлена на достижение единой экономической цели и фактически приводить к отчуждению значительной части имущества общества. В таком случае возникает вопрос о возможности квалификации всей цепочки договоров как одной крупной сделки.

В соответствии со статьёй 78 Федерального закона «Об акционерных обществах» и статьёй 46 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» крупной признаётся сделка или несколько взаимосвязанных сделок, связанных с приобретением, отчуждением либо возможностью отчуждения имущества, стоимость которого составляет значительную часть стоимости активов общества.

Законодательство не содержит исчерпывающего перечня признаков взаимосвязанности сделок. Поэтому при разрешении спора оцениваются конкретные обстоятельства заключения договоров.

К основным критериям взаимосвязанности относятся:

- единая экономическая цель;
- заключение договоров в один период или последовательное оформление в рамках одного проекта;

— участие одних и тех же сторон либо аффилированных лиц;

— сходный предмет договоров;

— зависимость исполнения одного договора от исполнения другого;

— единый источник финансирования;

— фактическое отчуждение имущества как единого имущественного комплекса.

Само по себе совпадение сторон или близость дат заключения договоров не означает автоматически наличие единой крупной сделки. Эти обстоятельства должны рассматриваться вместе с экономическим содержанием договоров и их фактическим исполнением.

Главным признаком единой сделки является наличие общей экономической цели. Если несколько договоров заключаются для реализации одного хозяйственного проекта и не имеют самостоятельного экономического значения, они могут быть признаны взаимосвязанными.

Например, договор купли-продажи имущества, договор аренды земельного участка и соглашение о передаче оборудования могут рассматриваться как элементы одной сделки, если в совокупности они обеспечивают передачу единого производственного объекта. Формальное разделение таких договоров не должно использоваться для обхода требований о корпоративном одобрении.

При этом необходимо учитывать реальное содержание обязательств. Если договоры заключены в разное время, имеют различных контрагентов, самостоятельные экономические цели и не связаны между собой исполнением, основания для их объединения могут отсутствовать.

Если цепочка договоров признаётся единой крупной сделкой, а необходимое одобрение не было получено, за-

интересованные лица вправе требовать признания такой сделки недействительной в установленном законом порядке.

Для удовлетворения требований обычно необходимо доказать:

- наличие взаимосвязи между договорами;
- превышение установленного стоимостного порога;
- отсутствие надлежащего корпоративного одобрения;
- нарушение прав или законных интересов общества либо участника.

Суд при этом исследует не только документы, но и фактическое поведение сторон: порядок передачи имущества, движение денежных средств, связь контрагентов, содержание деловой переписки и цель заключения договоров.

Недействительность отдельных договоров не должна устанавливаться исключительно на основании их внешнего сходства. Необходима совокупность доказательств,

подтверждающих, что договоры являлись частями единой хозяйственной операции.

Квалификация цепочки договоров в качестве единой крупной сделки направлена на предотвращение обхода корпоративных процедур. Основное значение имеет не формальное количество договоров, а их экономическое содержание, взаимозависимость и общая цель.

Для правильной квалификации необходимо оценивать предмет договоров, даты их заключения, состав участников, порядок исполнения, стоимость имущества и последствия сделки для общества. Разделение единой операции на несколько договоров не исключает возможности признания их взаимосвязанными.

Таким образом, суд должен исходить из фактических обстоятельств дела и устанавливать, имели ли договоры самостоятельное значение либо являлись частями единой сделки, требующей корпоративного одобрения.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ. — Текст: непосредственный // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1994. — № 32. — С. 3301.
2. Об акционерных обществах: Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ: принят Государственной Думой 24 ноября 1995 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 1. — Ст. 1.
3. Об обществах с ограниченной ответственностью: Федеральный закон от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ: принят Государственной Думой 14 января 1998 г.: одобрен Советом Федерации 28 января 1998 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1998. — № 7. — Ст. 785.
4. Гутников, О. В. Корпоративная ответственность в гражданском праве: монография / О. В. Гутников. — Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2019. — 488 с. — ISBN 978-5-9516-0855-2.
5. Ломакин, Д. В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения / Д. В. Ломакин. — Москва: Статут, 2008. — 511 с. — ISBN 978-5-8354-0473-7.
6. Суханов, Е. А. Сравнительное корпоративное право / Е. А. Суханов. — Москва: Статут, 2014. — 456 с. — ISBN 978-5-8354-1043-1.
7. Шиткина, И. С. Корпоративное право: учебник / И. С. Шиткина. — Москва: Статут. — Текст: непосредственный.

ПОЛИТОЛОГИЯ

Органы исполнительной власти как субъекты отраслевой политики:
проблема межведомственной координации

Адамян Ара Айкович, студент
Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского

В статье выявлены дефекты межведомственной координации органов исполнительной власти в отраслевой политике и оценён потенциал цифровых платформ 2021–2026 гг.
Ключевые слова: органы исполнительной власти, отраслевая политика, межведомственная координация, государственные программы.

Отраслевые политики — промышленная, транспортная, аграрная, цифровая — редко реализуются одним ведомством: за каждой стоит связка министерств, служб и агентств с полномочиями из разных положений. Специальность 5.5.3 «Государственное управление и отраслевые политики», введённая в 2021 г., разобрана Ж. Ю. Данковой, О. Н. Забузовым и С. А. Мельковым [1, с. 109–121]. Регламент Правительства РФ (постановление от 01.06.2004 № 260) относит межведомственные комиссии к координационным органам межотраслевого значения (п. 75), однако обязательность их решений выводится из статуса председателя, а не из закона.

Цель работы — выявить дефекты координации и оценить, снимают ли их цифровые платформы. База: 10 публикаций 2020–2026 гг., заключение Счётной палаты РФ от 12.10.2024 № ЗСП-138/24, её бюллетень и отчёт за 2024 г., статистика ФТС России.

С. А. Старостин и А. Г. Добкин показали: планы деятельности федеральных органов исполнительной власти (постановление Правительства РФ от 26.12.2015 № 1449) готовятся под ведомственные, а не межотраслевые цели [2, с. 79]. Е. В. Орлов зафиксировал расхождение сроков и числа региональных и муниципальных стратегий Приволжского округа [3, с. 715], Н. И. Лукьянова — декларативность муниципальных стратегий при отсутствии системы их оценки [4, с. 160]. Цифровая линия охватывает интеграцию реестров контроля и СМЭВ [5, с. 98], её применение таможней [6], «Электронное правительство» [7, с. 3702] и сравнение с X-Road [8, с. 186]; ветеринарный контроль разобран Д. В. Замулиным и Я. В. Золотовой [9, с. 53], региональная модель — Э. И. Мантаевой и соавторами [10].

Обратимся к данным: Счётная палата РФ выявила повторение формулировок 733 показателей и результатов госпрограмм и проектов — 13,8 % от 5,3 тыс. параметров (таблица 1).

Таблица 1. Дублирование параметров госпрограмм и проектов, 2024 г

Группа параметров	Число, ед	Доля дублирования, %
Показатели государственных программ	330	58,2
Показатели федеральных проектов	392	30,9
Показатели ведомственных проектов	297	25,3
Все показатели и результаты	5300	13,8

По итогам 2024 г. свыше четверти результатов по 37 открытым программам в ГИИС «Электронный бюджет» не увязаны с ассигнованиями, а из более 6,5 тыс. заявок на изменение бюджетной росписи около 85 % не меняли показателей: финансовый параметр политики корректируется, целевой остаётся прежним.

Цифровой контур вырос количественно: СМЭВ прошла четыре поколения (2010, 2011, 2015 и 2021 гг. — с витринами данных), число технологических карт межведомственного взаимодействия увеличилось с 38 в марте 2014 г. до 81 к 1 ян-

варя 2024 г. [6], а Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ предписал совместное планирование мероприятий и межведомственные показатели результативности (ст. 20).

Связка ФТС и ФНС России (соглашение от 21.01.2010) дала 535 скоординированных проверок за январь — ноябрь 2023 г. против 495 за весь 2021 г. [6]. В паре ФТС России — Россельхознадзор (приказ от 23.06.2014 № 1178/303) без отметки санитарно-карантинного контроля инспекторы контроль не проводят, а таможенный пост её проставить не вправе [6; 9, с. 53]. Работа ЕАИС таможенных органов прерывалась 10–12 апреля 2023 г. кибератакой [6].

Нами рассмотрены три сценария: закрепление статуса отраслевого координатора законом (риск — рост числа комиссий), запрет дублирующих формулировок с корректировкой показателя при изменении финансирования, территориальная сборка заданий с ответственностью региона за сроки, как в Калмыкии [10].

Проведённый анализ показал три дефекта: нормативный (решения комиссий не обязательны по закону), целевой (733 дублирующихся параметра, включая 58,2 % из 330 показателей госпрограмм) и уровневый (расхождение региональных и муниципальных документов [3; 4]). Приоритет реформы — правило единого изменения цели и её финансового обеспечения.

Литература:

1. Данкова Ж. Ю., Забузов О. Н., Мельков С. А. Новая научная специальность по политологии «Государственное управление и отраслевые политики» как особое предметное поле политической науки // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 4. С. 109–121. DOI: 10.19181/nko.2022.28.4.9.
2. Старостин С. А., Добкин А. Г. О планах деятельности федеральных органов исполнительной власти как документах стратегического планирования // Вестник Томского государственного университета. Право. 2021. № 41. С. 77–85. DOI: 10.17223/22253513/41/7.
3. Орлов Е. В. Оценка согласованности региональных и муниципальных документов стратегического планирования // Экономика региона. 2023. Т. 19, № 3. С. 711–728. DOI: 10.17059/ekon.reg.2023–3-8.
4. Лукьянова Н. И. Проблемы и перспективы муниципального стратегирования // Федерализм. 2025. № 4. С. 153–166. DOI: 10.21686/2073–1051–2025–4-153–166.
5. Демина М. С., Богдашин А. В. Проблема межведомственного взаимодействия органов публичной власти при проведении контрольных (надзорных) мероприятий // Russian Studies in Law and Politics. 2025. Т. 9, № 1. С. 93–107. DOI: 10.12731/2576–9634–2025–9-1–208.
6. Ворона А. А., Максимов Ю. А. Направления совершенствования системы информационного электронного взаимодействия таможенных органов Российской Федерации с иными органами государственной власти // Вестник Евразийской науки. 2024. Т. 16, № 2. Ст. 37ECVN224. URL: <https://esj.today/PDF/37ECVN224.pdf>
7. Магадиев М. Ф. Система межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ) в структуре электронного правительства Российской Федерации // Вопросы политологии. 2022. Т. 12, № 11 (87). С. 3699–3712.
8. Косоруков А. А. Цифровая трансформация государственного управления: сравнительно-исторический аспект // Государственное управление. Электронный вестник. 2026. № 114. С. 174–191. DOI: 10.55959/MSU2070–1381–114–2026–174–191.
9. Замулин Д. В., Золотова Я. В. Ветеринарный контроль: проблемы взаимодействия таможенных органов и органов Россельхознадзора // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. 2023. № 4 (114). С. 50–58. DOI: 10.38161/2618–9526–2023–4-050–058.
10. Мантаева Э. И., Слободчикова И. В., Голденева В. С. Предпосылки и перспективы цифровой трансформации государственного управления на региональном уровне // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. 2024. Т. 26, № 3. DOI: 10.15688/ek.jvolsu.2024.3.4.

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 37 (640) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

Номер подписан в печать 23.09.2026. Дата выхода в свет: 30.09.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.